

Slavery: Theory and Practice

Issued since 2016.

E-ISSN 2500-3755
2025. 10(1). Issued once a year

EDITORIAL BOARD

Peretyatko Artyom – Cherkas Global University, Houston, USA (Editor in Chief)

Molchanova Violetta – Cherkas Global University, Houston, USA (Deputy Editor-in-Chief)

Akhalmosulishvili Teimuraz – Iakob Gogebashvili Telavi State University, Telavi, Georgia

Bellagamba Alice – Università degli Studi di Milano-Bicoccadisabled, Milan, Italy

Declich Francesca – Università degli Studi di Urbino Carlo Bodisabled, Urbino, Italy

Garunova Nina – Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation

Goncharenko Anatoliy – Sumy State University, Sumy, Ukraine

Kazarov Sarkis – Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Klychnikov Yuri – Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation

Makhortykh Sergei – Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine

Zacek Natalie – University of Manchester, Manchester, UK

Smigel Michal – Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia

Journal is indexed by: CrossRef, OAJI

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 13906, Polarstone Ct., Houston, TX, USA 77044 Release date 03.12.25

Website: <https://stp.cherkasgu.press>
E-mail: dudarev51@mail.ru

Headset Georgia.

Founder and Editor: Cherkas Global University Order № 10.

Slavery: Theory and Practice

2025

Is.

1

CONTENTS

Articles

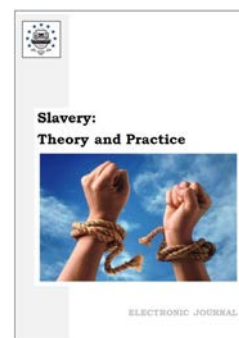
Slavery among the American Pre-Columbian Civilizations (Incas, Aztecs and Maya): Comparative Characteristics and Some Aspects of Historiography S.I. Degtyarev	3
The Creative Legacy of Henri Alexandre Vallon (1812–1904) and His Views on the Institution of Ancient Slavery S.N. Nikitin	15
An Attempt at Deceiving Orenburg Authorities by a Member of Nomadic Elite: Report of Imam Ismagil Urazmukhametev about His Role in Rescuing Subjects of the Russian Empire from the Steppe (1818) A.Yu. Peretyatko	25
Slavery in the Pyrenees in the Late Middle Ages: Referring to the Works of I.V. Luchitsky and J.-A. Brutails on Slavery and the Slave Trade in Roussillon E.V. Kravtsova	44
Slavery in the Caucasus and Central Asia in the XVIII–XIX centuries: A Review of Modern Historiography A.M. Mamadaliev	57

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Slavery: Theory and Practice
 Issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2025. 10(1): 3-14

DOI: 10.13187/slave.2025.1.3

<https://stp.cherkasgu.press>

Articles

Slavery among the American Pre-Columbian Civilizations (Incas, Aztecs and Maya): Comparative Characteristics and Some Aspects of Historiography

Sergey I. Degtyarev ^{a, b, c, *}^a Cherkas Global University, Houston, USA^b Sumy State University, Sumy, Ukraine^c East European Historical Society, Houston, USA

Abstract

This study is devoted to the historiography and comparative characteristics of the institution of slavery in American pre-Columbian civilizations. Scientific works on the research problem were used as materials, and the methodological complex consists of such methods of historical research as historiographical, historical-comparative, historical-systemic, etc. Historiography has studied the institution of slavery in pre-Columbian American civilizations quite fully and is represented by both foreign and Russian studies. The Incas had the mildest institution of slavery. It was not slavery per se, but consisted only in the labor service of "mitu", which was performed by almost all citizens (with the exception of the nobility, children, the elderly, the sick and widows). Slavery among the Aztecs was in the literal sense of the word: slaves were involved in heavy work, and were also used in sacrifices. The source of slavery was debt, crime, and later the capture of prisoners of war. Voluntary slavery was characteristic of the Aztec civilization. However, the condition of slavery was not inherited. Maya slavery was the most severe of the above. In Mayan law, slavery could be hereditary (in the case of debt dependence), group (i.e. with the family, in the case of sale into slavery of a free person). The sources of slavery are not only the same as those of the Aztecs, but also very exotic (for example, for women in case of divorce). Slaves were also used in heavy and dangerous jobs, as servants, in sacrifices, etc. It should be noted that slavery among native American civilizations was much milder than classical slavery, since Indian tribes saw a human being as a slave behind the institution of slavery: it was forbidden to prevent escape (with the exception of slave owners), to separate families, etc. **Keywords:** slavery among the Indians of America, Incas, Aztecs, Maya, comparative characteristics of the institution of slavery of the Incas, Aztecs, Maya.

Keywords: slavery among the Indians of America, Incas, Aztecs, Maya, comparative characteristics of the institution of slavery of the Incas, Aztecs, Maya.

1. Введение

Исследование института рабовладения у древнеамериканских (доколумбовых) цивилизаций (ацтеков, инков и майя) достаточно хорошо исследован в зарубежных работах, начиная с XIX века, однако в российской историографии изучен недостаточно.

* Corresponding author

E-mail addresses: s.degtyarev@yur.sumdu.edu.ua (S.I. Degtyarev)

Российские исследования представлены в основном комплексными работами, изучающими указанные цивилизации, в которой институт рабства освещен лишь фрагментарно и в контексте иного предмета исследования.

Поэтому историографическое исследование, которое сравнивает не только историографию вопроса, но и отличительные черты рабства ацтеков, майя и инков представляется весьма актуальным.

2. Материалы и методы

В качестве материалов использованы работы, анализирующие институт рабовладения у американских доколумбовых цивилизаций.

Методологический комплекс составляют такие методы исторического исследования как:

- Историографический метод: применен для исследования содержания историографии, освещающей институт невольничества у ацтеков, инков и майя;
- Историко-сравнительный метод: применялся для сравнения рабства у доколумбовых древнеамериканских цивилизаций;
- Историко-системный: применялся для комплексного исторического анализа института невольничества у цивилизаций ацтеков, инков и майя.

3. Обсуждение

С учетом задач данного исследования, представляется целесообразным разделить историографию на три раздела:

– Исследования, посвященные институту рабовладения у цивилизации ацтеков (мы апеллировали к трудам М. Ороско-и-Берра ([Orozco y Berra, 2012](#)), М. Лопез-Эрнандес ([López Hernández, 2012](#)), М. Агилара-Морено ([Agurilar-Moreno, 2006](#)), Х.Л. Рохаса ([Rojas, 2012](#)), М.Э. Смита ([Smith, 2006; Smith, 2011](#)), Р. Хассига ([Hassig, 1992](#)), М. Педелти ([Pedelty, 2004](#)), М.А. Баркхольдера и Л.Л. Джонсона ([Burkholder, Johnson, 2019](#)), Т. Уорда ([Ward, 2001](#)), Ж. Сустель ([Сустель, 2010](#)), К.Р. Зайнуллиной, А.Н. Гейдеровой, А.Д. Савиной, А.А. Зайцевой, А.И. Беляева, И.А. Балакиной ([Zainullin et al., 2023](#)), А.В. Калюты ([Калюта, 2010; Калюта, 2014; Калюта, 2006; Калюта, 2018; Калюта, 2020](#)), Б.В. Костина ([Костин, 2017](#)), А.В. Часовского ([Часовской, 2025](#)), П.П. Кайгородовой ([Кайгородова, 2020](#)), В.В. Рудакова ([Рудаков, 2023; Рудаков, 2024a; Рудаков, 2024b](#)), К.В. Минковой, И.А. Цветкова ([Минкова, Цветков, 2018](#)), В.И. Гуляева ([Гуляев, 2006](#)) и др.

– Работы, исследующие проблему невольничества у цивилизации инков (в данном исследовании мы использовали труды П. Съеса де Леона ([Съеса де Леон, 1877](#)), П. Сармьента де Гамбоа ([Sarmiento de Gamboa, 2007](#)), Ю.Е. Березкина ([Березкин, 1991](#)), С.А. Куприенко ([Куприенко, 2013; Куприенко, 2013a; Куприенко, 2013b](#)), Н.В. Ракуц ([Куприенко, Ракуц, 2013](#)), и др.);

– Труды, анализирующие рабство у майя (помимо вышеуказанных, также К.М. Эймс, Г.Д.Г. Машнер ([Ames, Maschner, 1999](#)), У.П. Палмер ([Palmer, 2025](#)) и др.).

Более подробный анализ историографии будет дан ниже.

4. Результаты

1. Некоторые аспекты историографии.

а) Историография рабовладения у ацтеков.

Из классических трудов по проблеме рабовладения у цивилизации ацтеков прежде всего следует отметить 4-томное фундаментальное исследование Мануэля Ороско-и-Берра «Захватчики Мексики» («*Los Conquistadores De México*») ([Orozco y Berra, 2012](#)), опубликованное в 1880–1881-м годах и переизданное в 2012-м году, посвященное процессу захвата мексиканских территорий и покорения ацтеков испанскими конкистадорами. Отдельная большая глава в данном исследовании, – «Цивилизация ацтеков: мексиканская «сотня» («*La Civilización Azteca. Cien de México*»), – посвящена описанию ацтекской цивилизации, в том числе и некоторым вопросам института невольничества у ацтеков. М. Ороско-и-Берра (1816–1881) ввел в научный оборот некоторые мексиканские источники, сохранившиеся и до наших дней и, помимо исследования аборигенов Мексики, указывал об особом, достаточно гуманном, статусе ацтекских невольников, который не шел ни в какое сравнение не только с классическим рабовладением времен античности, но и с современным ему американским

институтом невольничества, отмененным в США после Гражданской войны 18 декабря 1865-го года. Ороско-и-Берра одним из первых указал на тот факт, что рабство у ацтеков было только личным, а дети считались свободными, невольник мог иметь собственность и пр. Также, исследователь указывал и пути попадания в невольничество, в частности, традиционные, такие как невыплаченный долг, тяжкие преступления и пр., а также весьма оригинальные пути, характерные только для ацтеков, в частности, продажа отцом собственных детей за непослушание, самопродажа в рабство за проигрыш в азартной игре.

Из современных работ других авторов мексиканского происхождения, которые значительно углубляют и расширяют научные достижения М. Ороско-и-Берра в исследовании рабства, следует упомянуть исследования Мириам Лопез-Эрнандес ([López Hernández, 2012](#)), Мануэля Агрилара-Морено ([Agurilar-Moreno, 2006](#)) и Хосе-Луиса Рохаса ([Rojas, 2012](#)).

Монография М. Лопез-Эрнандес «Ацтекские женщины и богини» («Aztec women and goddesses») ([López Hernández, 2012](#)) посвящена теологическим вопросам, а не невольничеству; институты рабовладения применительно к женщинам освещаются лишь косвенно и фрагментарно, через призму теософских вопросов. Фундаментальный труд М. Агурилара-Морено «Руководство по «выживанию» в мире ацтеков» («Handbook to Life in the Aztec World») ([Agurilar-Moreno, 2006](#)) затрагивает институт ацтекского рабства куда более подробно, освещая пути попадания в невольничество, допустимое и недопустимое отношение господина к рабам, а также некоторые оригинальные черты данного института, применительно к ацтекам. Монография Х.-Л. Рохаса «Теночтитлан: столица империи ацтеков» («Tenochtitlan: Capital of the Aztec Empire») ([Rojas, 2012](#)) посвящена главному городу ацтеков, но фрагментарно освещает и проблему невольничества в ацтекском обществе.

Отметим и другие современные фундаментальные комплексные работы по истории ацтекской цивилизации, в которых освещается также и ее институт невольничества.

В монографии доктора истории Майкла Эрнеста Смита «Ацтекская культура» («Aztec Culture») ([Smith, 2006](#)) уточняются некоторые аспекты рабовладения у ацтеков, в частности особенности «рабской» одежды, в которую были обязаны облачаться невольники, виды работ, которую выполняли рабы, а также процесс купли и продажи рабов, который у ацтеков носил достаточно уникальный характер. Еще глубже рабство у ацтеков было исследовано в другой его монографии – «Ацтеки» («The Aztecs») ([Smith, 2011](#)).

Также, институт ацтекского рабства, но более кратко, освещен в монографиях Р. Хассига «Война и общество в древней Мезоамерике» («War and society in ancient Mesoamerica») ([Hassig, 1992](#)), М. Педелти «Война и общество в древнем мезоамериканском музыкальном ритуале в Мехико: от ацтеков до NAFTA¹» («Musical Ritual in Mexico City: From the Aztec to NAFTA») ([Pedelty, 2004](#)), М.А. Баркхольдера и Л.Л. Джонсона «America, Iberia, and Africa Before the Conquest. Colonial Latin America» («Америка, Иберия и Африка до завоевания. Колониальная Латинская Америка») ([Burkholder, Johnson, 2019](#)), а также в крупной статье Т. Уорда «Expanding Ethnicity in Sixteenth-Century Anahuac: Ideologies of Ethnicity and Gender in the Nation-Building Process» («Распространение этнической принадлежности в Анауаке XVI века: идеологии этнической принадлежности и гендера в процессе государственного строительства») ([Ward, 2001](#)), Ж. Сустель «Ацтеки. Воинственные подданные Монтесумы» ([Сустель, 2010](#)) и др.

Среди российских современных работ, отсутствуют отдельные исследования, посвященные институту рабовладения у ацтеков. Только в комплексных работах, предметом исследования в которых являются другие исторические процессы, невольничество рассмотрено лишь фрагментарно.

Относительно глубоко этот аспект освещен в работах К.Р. Зайнуллина, А.Н. Гейдеровой, А.Д. Савиной, А.А. Зайцевой, А.И. Беляева, И.А. Балакиной в статье, посвященной изучению цивилизации ацтеков ([Zainullin et al., 2023](#)); в исследовании А.В. Калюты об особенностях землевладения, социально-правового статуса ацтекской знати ([Калюта, 2010](#)) и жизненно-философских воззрениях ацтеков ([Калюта, 2014](#)); Б.В. Костина о происхождении ацтекской цивилизации и особенностях ее социальной жизни ([Костин,](#)

¹ NAFTA (North American Free Trade Agreement) – североамериканское соглашение о свободной торговле между США, Канадой и Мексикой.

2017), А.В. Часовского об особенностях становления правового статуса работников (Часовской, 2025) и др.

Лишь в общих чертах ацтекское невольничество освещается в работах А.В. Калюты (Калюта, 2006; Калюта, 2018; Калюта, 2020), П.П. Кайгородовой (Кайгородова, 2020), В.В. Рудакова (Рудаков, 2023), К.В. Минковой, И.А. Цветкова (Минкова, Цветков, 2018) и др.

Историографические вопросы процесса становления и упадка ацтекской цивилизации затрагивают В.В. Рудаков (Рудаков, 2024a; Рудаков, 2024b), В.И. Гуляев (Гуляев, 2006) и др.

б) Историография рабовладения у инков.

Историография по пробеле института невольничества уже, чем по таковому у ацтеков, что может быть связано с тем, что рабства у инков как такового не было, имела место лишь трудовая повинность.

Одним из наиболее авторитетных зарубежных исследователей империи инков является испанский конкистадор и историк Педро Сьеса де Леон, весьма глубоко и скрупулезно изучивший историю инков в монографии «Хроника Перу», впервые изданной в Мадриде в 1554-м году; инкам в ней посвящена 2-я часть, называющаяся «Владычество Инков», и переизданная несколько раз (см., напр., Сьеса де Леон, 1877). До сегодняшнего дня данный труд является основным источником по изучению истории инков. Значительный интерес также представляет фундаментальное исследование испанского историка и мореплавателя второй половины XVI века Педро Сармьента де Гамбоа «История инков» («Historia de los Incas»), также переизданную много раз, включая и современные переиздания (в частности, Sarmiento de Gamboa, 2007). Оно также считается одним из основных источников по истории инкской империи. В обоих исследованиях глубоко исследованы социальная структура инкской империи, животноводческие и сельскохозяйственные сферы экономики, особенности правового статуса подданных, включая и обязательную для практически каждого инка трудовую повинность.

Из работ советского периода отметим 232-страничную монографию Ю.Е. Березкина «Инки: Исторический опыт империи», сделавшего анализ становления, развития и упадка империи инков, особенности производства, нормативно-правовое регулирование и пр. (Березкин, 1991)

Из современных исследований, включая постсоветское пространство, особенно следует отметить труды авторитетного исследователя цивилизации инков С.А. Куприенко, который весьма глубоко исследовал социальную структуру общества инков.

Среди основных трудов, посвященных инкам, в которых так или иначе затрагивается институт невольничества в виде обязательной трудовой повинности, следует назвать диссертационное исследование «Общественно-хозяйственное устройство Империи инков Тавантинсуйу» («Суспільно-господарський устрій імперії інків Тавантінсуйу») на соискание ученой степени кандидата исторических наук (Купрієнко, 2013), статьи, исследующие систему государственного накопления и распределения продукции в инкской империи (в соавторстве с Н.В. Ракуц; Куприенко, Ракуц, 2013), проблемы налогов и сборов, включая и трудовые повинности (Куприенко, 2013a) и многие другие работы, включая и историографические по истории исследования империи инков, а также сборники источников (в частности, фундаментальное исследование «Источники XVI-XVII веков по истории инков: хроники, документы, письма»; Куприенко, 2013b).

в) Историография рабовладения у майя.

Рабовладение у майя описывают ряд комплексных работ по истории доколумбовых цивилизаций, как уже упомянутых выше (см., напр., Талах, Куприенко, 2013; Хаген, 2008; Burkholder, Johnson, 2019 и др.), так и таких авторов как Кеннет М. Эймс, Герберт Д.Г. Машнер (Ames, Maschner, 1999), Уильям П. Палмер (Palmer, 2025) и др.

г) Сравнительная историография.

Сравнительная историография, а именно труды, которые сравнивают социальную жизнь инков, ацтеков и майя, включая и институт рабовладения, представлены следующими работами, которые носят в основном, комплексный характер. Также следует указать о том, что в данной работе сравнительная историография представлена лишь российскими исследованиями.

Так, Я.Н. Нерсесов в монографии «Доколумбова Америка: ацтеки, майя, инки» (Нерсесов, 2009) глубоко исследует аборигенные цивилизации американских континентов, делая сравнительную характеристику, в том числе и института невольничества.

В.В.Ф. Хаген также анализирует великих царств Древней Америки, а именно цивилизаций ацтеков, майя, и инков, включая социальную структуру, традиции невольничества, место и роль зависимых категорий подданных в древнеамериканских обществах, формы одежды и обращения к рабам, а также отношение свободных к невольникам, отличие института рабовладения в доиспанских цивилизациях как между собой, так и классическим древнеевропейским рабством и пр. (Хаген, 2008)

А.М. Веретенников в фундаментальном исследовании «Города майя и ацтеков» (Веретенников, 2003) сравнивает социальную жизнь в крупных поселениях соответствующих цивилизаций, В.А. Палашов в своей статье (Палашов, 2021) сравнивает судебные системы (на примере ацтеков и инков), включая и отношение судебной системы к невольникам. В.Н. Талах и С.А. Куприенко сравнивают источниковую базу по исследованию древнеамериканских цивилизаций (включая и источники по системе рабовладения) (Талах, Куприенко, 2013), С.Л. Пышнова сравнивает культурно-гуманистических традиции указанных цивилизаций (Пышнова, 2014).

2. Особенности института рабовладения ацтеков, инков, майя.

а) Рабовладение у ацтеков.

Рабовладение у ацтеков имело особый характер. Сразу отметим, что пленные покоренные народы (как воины, так и мирные жители) на раннем этапе империи не становились невольниками, а приносились в жертву богам. Исследователи (см., в частности, Hassig, 1992; Сустель, 2010) указывают, что такое положение дел связано либо с недоверием к завоеванным народам, либо нежеланием ассимилироваться с ними (а данный процесс неизбежен между завоевателями и покоренными народами при отсутствии целенаправленной политики геноцида), либо умышленным геноцидом для «освобождения» плодородных и освоенных территорий для многочисленного и быстро растущего ацтекского населения. Вместе с тем, авторитетный исследователь ацтекского рабовладения Мануэль Агурилар-Морено в своей монографии «Руководство по «выживанию» в мире ацтеков» (или «Справочник для жизни в ацтекском мире») («Handbook to Life in the Aztec World») указывает, что на поздних этапах империи мешико стали превращать военнопленных в рабов, задействованных на самых тяжелых работах, в частности при государственном строительстве, в каменоломнях и пр. (Agurilar-Moreno, 2006:). Интересной является и распространенная практика, когда свободные подданные покупали невольников специально для жертвоприношений (см., например, Rojas, 2012: 167).

В ацтекской цивилизации несвободный подданный не был рабом в известном (классическом, древнеримском) понимании этого института. В невольничество попадали только подданные «мешика», «теночка» или «нагуа» (другое русское обозначение «науа», англ. «*nahua*», самоназвание «*nāhuatlāhtolli*»), то есть коренные ацтеки. Позднее, с расширением империи ацтеков, рабами становились и военнопленные.

Пути попадания в рабство были классические (долг, тяжкие преступления, измена – как государству, так и своему господину, в частности, работодателю), так и оригинальные, то есть имевшие место быть только у ацтеков (в частности, как вид наказания, когда отец продавал (или отдавал бесплатно) в рабство непослушного сына, или проигравшийся игрок. Причем, второй путь попадания в невольничество был исключительно на добровольной основе.

Общепринятой «валютой», включая и для продажи рабов, были зерна какао-бобов; невольник или невольница стоили около 3-4 тыс. зерен (Rojas, 2012: 102). По сведениям того же Х.Л. Рохаса, особенно ценились рабы/рабыни, умеющие танцевать, которые стоили вплоть до 40 кусков хлопковой ткани, которая весьма ценилась у мешиков; обычный раб (или рабыня) стоили 30 кусков (Rojas, 2012: 102).

Продающиеся на рынке рабы обязательно должны были носить ошейник с привязанными к нему сзади жердями (см. рис. 1), которые затрудняли побег в толпе людей, а также специальную одежду – куэйтль (Smith, 2006; Smith, 2011). Продавались рабы в специальных местах на рынке, которые также затрудняли побег (Burkholder, Johnson, 2019: 16).

Рис. 1. Деревянный ошейник на выставленной на продажу ацтекской рабыне; на этом древнем рисунке изображен и куэйтль – специальная одежда (юбка), которую могли носить только рабы и которая являлась отличительным признаком невольника от свободного.

Пути эмансипации (т.е. освобождения от невольничества) были как классические (то есть самовыкуп, дарование «вольности» господином, освобождение за особые заслуги), так и весьма экзотические, характерные только для цивилизации мешика (в частности, если продающийся раб на рынке сумел сбежать и наступить на экскременты человека, то он мог обратиться к судьям с просьбой об освобождении; см., напр., [Orozco y Berra, 2012](#)).

б) Невольничество у инков.

Рабства у инков, как в классическом, так и в «ацтекском» понимании этого понятия, не было – была так называемая трудовая повинность («мита», в переводе с языка языка кечуа – «обязательная очередность»). «Невольников» задействовали на государственных работах при строительстве городов, храмов, дорог и пр., когда требовались десятки тысяч бесплатных рабочих рук для решения (как правило, строительных) задач государственного масштаба. За отказ от работы (равно как и некачественное ее выполнение) наказывалось жесткими телесными наказаниями.

Называть миту как удел «невольнический удел» также неверно, так как она хотя и была своеобразной формой рабства, но обличалась в часть религиозного культа Солнцу и Инке и не имела общественного презрительного отношения (как, к примеру, служба рабов на галерах или служение господину в других частях света (Европе, Азии, Африке, Северной Америке) (см., напр., [Хаген, 2008](#)).

В частности, практически все подданные были задействованы в строительстве дорог общественного назначения (как известно, инки весьма серьезно относились к коммуникациям и логистике, поэтому дорожное строительство среди доколумбовых древнеамериканских цивилизаций у инков было самым развитым) ([Часовской, 2025: 64-65](#)).

К другим видам миты относились пастушья (принудительное задействование работников при выпасе скота), в качестве прислуги (при королевском дворе), воинская (военная мобилизация также относилась к отдельной категории миты), сельскохозяйственная (трудовая повинность для посадки и уходом за растениями коки) и др.

Мита обычно ограничивалась тремя месяцами в году, а на рудниках – не более одного месяца. Привлекались в основном мужчины в возрасте от 25 до 50-60 лет, причем работы на определенной территории выполнялись только теми работниками из данных регионов; существовал даже запрет на привлечение к работам подданных из других климатических районов (см., напр., [Куприенко, 2013а: 28](#)).

Запрещалось привлекать к работам вдов, людей с хроническими или обострившимися болезнями, людей старше 60 лет; таковые получали от государства одежду и пищу бесплатно. Работникам после 50 лет запрещалось быть задействованными на тяжелых работах (рудники, строительство и пр.). ([Березкин, 1991: 178-179](#))

Таким образом, институт рабовладения у инков как таковой отсутствовал – имела место лишь общая трудовая повинность, которую должен был отрабатывать каждый подданный, не имевший уважительных причин (возраст и состояние здоровья).

в) Рабовладение у майя.

Рабство у племен майя было самым жестким в доколумбовых американских цивилизациях, однако и оно было значительно мягче, нежели классическое рабство или даже рабство Нового времени в тех же США до Гражданской войны (Ames, Maschner, 1999: 196).

Главным источником поступления рабов у майя были военнопленные: с целью захвата невольников они часто делали набеги на соседние племена. Рабов использовали как для тяжелых строительных работ, так и для жертвоприношений. Также, рабов использовали в быту для тяжелого (помолка маисовой муки, строительство, носильщики, гребля и пр.) или вредного (сбор ядовитых растений) ручного труда, но и легкого для знати в качестве прислуги как отгоняльщики мух (махание веером), разносчики, уборщики и пр.

Как и у ацтеков, другим путем пополнения невольничьих кадров являлись преступления, в частности, убийство (причем только в том случае, если убийца был моложе потерпевшего), кража. Также, человек, который препятствует побегу раба сам становился рабом: право на побег было «естественным» и неотъемлемым человеческим правом у ацтеков и майя, поэтому с побегами боролись техническими средствами (ношение рабами кандалов, ошейников и поперечных жердей, высокие стены, рвы и прочие приспособления, затруднявшие побег). Такой подход, вероятно, был связан с тем, чтобы имела место дополнительная мотивация для рабовладельцев хорошо обращаться с невольниками и использовался как один из инструментов сглаживания социальных противоречий. Если подданный продавал в рабство свободного человека, он и вся его семья становились рабами. Весьма экзотической и характерной только для майя была ситуация, при которой в случае развода, разведенная женщина попадала в рабство (Хаген, 2008).

Также, только у майя рабы были наследственными, то есть состояние невольничества передавалось по наследству, но только если родителями не был погашен долг (Burkholder, Johnson, 2019: 10).

В отличие от невольничьей спецодежды у ацтеков, отличительной чертой рабов майя были бритые головы. Как и у двух предыдущих цивилизаций, институт невольничества строго регламентировался законом.

5. Заключение

1. Историография достаточно полно изучила институт рабовладения у доколумбовых американских цивилизаций и представлена как зарубежными, так и российскими исследованиями.

2. Сравнительная характеристика невольничества у доколумбовых цивилизаций:

2.1. Наиболее мягким институт невольничества был у инков. Он не был рабством как таковым, а заключался лишь в трудовой повинности «миту», которые отрабатывали практически все граждане (за исключением знати, детей, престарелых, больных и вдов).

2.2. Рабовладение у ацтеков было в буквальном смысле этого слова: невольники задействовались на тяжелых работах, а также использовались в жертвоприношениях. Источником рабства были долги, преступления, а позднее – и захват военнопленных. Характерным для цивилизации ацтеков было добровольное невольничество. Однако по наследству состояние рабства не передавалось.

2.3. Рабство майя было самым жестким из вышеуказанных. В законах майя рабство могло быть наследственным (в случае долговой зависимости), групповым (т.е. с семьей, в случае продажи в рабство свободного человека). Источники рабства не только такие же, как у ацтеков, но и весьма экзотические (например, для женщин в случае развода). Рабов также использовали на тяжелых и опасных работах, прислужниками, в жертвоприношениях и т. д.

Отметим, что рабство у аборигенных американских цивилизаций было значительно мягче классического рабства, так как индейские племена за институтом рабства видели в невольнике человека: было запрещено препятствовать побегу (за исключением владельцев рабов), разлучать семьи и пр.

Литература

- Березкин, 1991** – Березкин Ю.Е. Инки: Исторический опыт империи / Отв. ред. Р.В. Кинжалов. Л., 1991.
- Веретенников, 2003** – Веретенников А.М. Города майя и ацтеков. М., 2003.
- Гуляев, 2006** – Гуляев В.И. Государство ацтеков: отечественная историография вопроса / *Власть в аборигенной Америке. Сер. "Проблемы индеанистики"*. М., 2006. С. 59-73.
- Кайгородова, 2020** – Кайгородова П.П. Религиозный культ ацтеков // *Молодой ученый*. 2020. № 32 (322). С. 171-173.
- Калюта, 2006** – Калюта А.В. Ацтеки: родство, гендер, возраст / Опыт историко-социологического исследования мезоамериканского общества XV-XVII веков / Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства. Вып. 10. Ацтеки: родство, гендер, возраст. СПб, 2006.
- Калюта, 2010** – Калюта А.В. Формы землевладения среди знати науа XV – нач. XVI в.: по данным раннеколониальных источников / *Открытие Америки продолжается* / Отв. ред. Ю.Е. Березкин. СПб., 2010. С. 109-185.
- Калюта, 2014** – Калюта А.В. In tonalli in tlatatl: судьба, имя и богатство в доиспанском мировоззрении науа // *Музей. Традиции. Этничность*. 2014. № 1. С. 44-52.
- Калюта, 2018** – Калюта А.В. Антропонимическая модель ацтеков (науа) накануне испанского завоевания // *Этнографическое обозрение*. 2018. № 6. С. 124-140.
- Калюта, 2020** – Калюта А.В. Воспитание мальчиков и девочек в ацтекском обществе до прихода испанцев / *Женское и мужское в традиционной и современной культуре: сохранение, фиксация, понимание. Материалы XIII международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. В 2-х частях. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Российская ассоциация исследователей женской истории*. М., 2020. С. 13-15.
- Костин, 2017** – Костин Б.В. Происхождение и социальная жизнь ацтеков / *Научное сообщество студентов. Междисциплинарные исследования. Электронный сборник статей по материалам XVIII студенческой международной научно-практической конференции*. 2017. С. 89-93.
- Куприенко, 2013a** – Куприенко С.А. Фискальная политика империи инков: проблема существования подати, дани, повинностей // *Научная конференция XVIII Сергеевские чтения: конференция*. М., 2013. С. 27-28.
- Куприенко, 2013b** – Куприенко С.А. Источники XVI-XVII веков по истории инков: хроники, документы, письма / Под ред. С.А. Куприенко. Киев. 2013.
- Куприенко, Ракуц, 2013** – Куприенко С.А., Ракуц Н.В. Система государственного накопления и распределения продукции в империи инков // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2013. Вып. 2. С. 87-94.
- Купрієнко, 2013** – Купрієнко С.А. Суспільно-господарський устрій імперії інків Тавантінесу: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. істор. наук. Киев, 2013.
- Минкова, Цветков, 2018** – Минкова К.В., Цветков И.А. История стран Северной Америки. Учебное пособие. СПб., 2018.
- Нерсесов, 2009** – Нерсесов Я.Н. Доколумбова Америка: ацтеки, майя, инки. М.: Аванта+, 2009.
- Палашов, 2021** – Палашов В.А. Судебная система стран доколумбовой Америки (на примере судебного устройства ацтеков и инков) // *Glossa: Вестник студенческой науки. Издание кафедры теории и истории государства и права Курского государственного университета*. 2021. № 5. С. 7-14.
- Пышнова, 2014** – Пышнова С.Л. Из истории становления и развития гуманистической традиции в культурах латинской Америки // *Филология и культура*. 2014. № 1 (35). С. 252-257.
- Рудаков, 2023** – Рудаков В.В. Роль человеческих жертвоприношений в культовой практике ацтеков / *Клио-2022. Материалы Всероссийской ежегодной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых*. Иркутск, 2023. С. 348-350.
- Рудаков, 2024a** – Рудаков В.В. Проблема характеристики социально-экономического строя ацтеков в советской историографии первой половины XX в. / *МНСК-2024. Археология. История. Этнография. Материалы 62-й Международной научной студенческой конференции*. Новосибирск, 2024. С. 93-94.

Рудаков, 2024b – Рудаков В.В. Проблема верховной власти ацтеков в советской историографии / *Актуальные вопросы истории, археологии, философии, международных отношений и туризма. Материалы симпозиума XIX (LI) Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых*. Кемерово, 2024. С. 85-88.

Сустель, 2010 – Сустель Ж. Ацтеки. Воинственные подданные Монтесумы / *Загадки древних народов*. М., 2010.

Сьеса де Леон, 1877 – Сьеса де Леон П. Хроника Перу. Часть 2: Владычество Инков. Мадрид, 1877.

Талах, Куприенко, 2013 – Талах В.Н., Куприенко С.А. Америка первоначальная. Источники по истории майя, науа (астеков) и инков. Киев, 2013.

Хаген, 2008 – Хаген В.В.Ф. Ацтеки, майя, инки. Великие царства Древней Америки. М., 2008.

Часовской, 2025 – Часовской А.В. Предпосылки становления правового статуса работников в Мексике // *Право и управление*. XXI век. 2025. Т. 21. № 2 (75). С. 63-73.

Agurilar-Moreno, 2006 – Agurilar-Moreno M. Handbook to Life in the Aztec World. Los Angeles: California State University, 2006.

Ames, Maschner, 1999 – Ames K.M., Maschner H.D.G. Peoples of the northwest coast: their archaeology and prehistory. London: Thames & Hudson, 1999.

Burkholder, Johnson, 2019 – Burkholder M.A., Johnson L.L. America, Iberia, and Africa Before the Conquest. Colonial Latin America. Oxford: Oxford University Press, 2019.

Hassig, 1992 – Hassig R. War and society in ancient Mesoamerica. Berkeley: University of California Press, 1992.

López Hernández, 2012 – López Hernández M. Aztec women and goddesses. México City: Fundación Cultural Armella Spitalier, 2012.

Orozco y Berra, 2012 – Orozco y Berra M. La Civilización Azteca. Cien de México / Los Conquistadores De México. Mexico City, 2012.

Palmer, 2025 – Palmer W.P. Maya society [Electronic resource]. URL: <https://web.archive.org/web/20200601202507/https://library.umaine.edu/hudson/palmer/Maya/society.asp> (дата обращения: 11.12.2024).

Pedely, 2004 – Pedely M. Musical Ritual in Mexico City: From the Aztec to NAFTA. Austin: University of Texas Press, 2004.

Rojas, 2012 – Rojas J.L. Tenochtitlan: Capital of the Aztec Empire. Gainesville: University Press of Florida, 2012.

Sarmiento de Gamboa, 2007 – Sarmiento de Gamboa P. Historia de los Incas. Madrid, 2007.

Smith, 2006 – Smith M.E. Aztec Culture. Phoenix: Arizona State University, 2006.

Smith, 2011 – Smith M.E. The Aztecs. Hoboken, 2011.

Ward, 2001 – Ward T. Expanding Ethnicity in Sixteenth-Century Anahuac: Ideologies of Ethnicity and Gender in the Nation-Building Process // *MLN*. March 2001. Vol. 116.2. Pp. 419-452.

Zainullin et al., 2023 – Zainullin K.R., Gayderova A.N., Savina A.D., Zaitseva A.A., Belyaev A.I., Balakina I.A. Peoples and states of America before the Europeans: the Aztecs / *Global cross-cultural management. Materials of the I International Scientific and Practical conference*. Екатеринбург, 2023. С. 67-73.

References

Agurilar-Moreno, 2006 – Agurilar-Moreno, M. (2006). Handbook to Life in the Aztec World. Los Angeles: California State University.

Ames, Maschner, 1999 – Ames, K.M., Maschner, H.D.G. (1999). Peoples of the northwest coast: their archaeology and prehistory. London: Thames & Hudson.

Berezkin, 1991 – Berezkin, Yu.E. (1991). Inki: Istoricheskii opyt imperii [Incas: historical experience of the empire]. Otv. red. R.V. Kinzhalov. L. [in Russian]

Burkholder, Johnson, 2019 – Burkholder, M.A., Johnson, L.L. (2019). America, Iberia, and Africa Before the Conquest. Colonial Latin America. Oxford: Oxford University Press.

Chasovskoi, 2025 – Chasovskoi, A.V. (2025). Predposylki stanovleniya pravovogo statusa rabotnikov v Meksike [Prerequisites for the establishment of the legal status of workers in Mexico]. *Pravo i upravlenie*. XXI vek. T. 21. 2(75): 63-73. [in Russian]

- Gulyaev, 2006** – Gulyaev, V.I. (2006). Gosudarstvo atstekov: otechestvennaya istoriografiya voprosa [Aztec State: Russian historiography of the issue]. *Vlast' v aborigennoi Amerike. Ser. "Problemy indeanistiki"*. M. Pp. 59-73. [in Russian]
- Hassig, 1992** – Hassig, R. (1992). War and society in ancient Mesoamerica. Berkeley: University of California Press.
- Kaigorodova, 2020** – Kaigorodova, P.P. (2020). Religiozni kul't atstekov [Religious cult of the Aztecs]. *Molodoi uchenyi*. 32(322): 171-173. [in Russian]
- Kalyuta, 2006** – Kalyuta, A.V. (2006). Atteki: rodstvo, gender, vozrast [Aztecs: kinship, gender, age]. Opyt istoriko-sotsiologicheskogo issledovaniya mezoamerikanskogo obshchestva XV-XVII vekov. *Algebra rodstva: Rodstvo. Sistemy rodstva. Sistemy terminov rodstva*. Vyp. 10. Atteki: rodstvo, gender, vozrast. SPb. [in Russian]
- Kalyuta, 2010** – Kalyuta, A.V. (2010). Formy zemlevladieniya sredi znati naua XV – nach. XVI v.: po dannym rannekolonial'nykh istochnikov [Forms of land ownership among the Nahua nobility XV – early of the XVI centuries: according to early colonial sources]. *Otkrytie Ameriki prodolzhaetsya*. Otv. red. Yu.E. Berezkin. SPb. Pp. 109-185. [in Russian]
- Kalyuta, 2014** – Kalyuta, A.V. (2014). In tonalli in tlatcatl: sud'ba, imya i bogatstvo v doispanskom mirovozzrenii naua [In tonalli in tlatcatl: fate, name and wealth in the pre-Hispanic Nahua worldview]. *Muzei. Traditsii. Etnichnost'*. 1: 44-52. [in Russian]
- Kalyuta, 2018** – Kalyuta, A.V. (2018). Antroponimicheskaya model' atstekov (naua) nakanune ispanskogo zavoevaniya [Anthroponymic model of the Aztecs (Nahuas) on the eve of the Spanish conquest]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 6: 124-140. [in Russian]
- Kalyuta, 2020** – Kalyuta, A.V. (2020). Vospitanie mal'chikov i devochek v attekskom obshchestve do prikhoda ispantsev [Raising boys and girls in Aztec society before the arrival of the Spaniards]. *Zhenskoe i muzhskoe v traditsionnoi i sovremennoi kul'ture: sokhranenie, fiksatsiya, ponimanie. Materialy XIII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii RAIZhI i IEA RAN. V 2-kh chastyakh*. Institut etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya RAN, Rossiiskaya assotsiatsiya issledovatelei zhenskoi istorii. M. Pp. 13-15. [in Russian]
- Khagen, 2008** – Khagen, V.V.F. (2008). Atteki, maiya, inki. Velikie tsarstva Drevnei Ameriki [Aztecs, Mayans, Incas. Great kingdoms of ancient America]. M. [in Russian]
- Kostin, 2017** – Kostin, B.V. (2017). Proiskhozhdenie i sotsial'naya zhizn' atstekov [Origin and social life of the Aztecs]. *Nauchnoe soobshchestvo studentov. Mezhdistsiplinarnye issledovaniya. Elektronnyi sbornik statei po materialam XVIII studencheskoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Pp. 89-93. [in Russian]
- Kuprienko, 2013a** – Kuprienko, C.A. (2013). Fiskal'naya politika imperii inkov: problema sushchestvovaniya podati, dani, povinnosti [Fiscal policy of the Inca Empire: the problem of the existence of taxes, tribute, duties]. *Nauchnaya konferentsiya XVIII Sergeevskie chteniya: konferentsiya*. M. Pp. 27-28. [in Russian]
- Kuprienko, 2013b** – Kuprienko, S.A. (2013). Istochniki XVI-XVII vekov po istorii inkov: khroniki, dokumenty, pis'ma [Sources of the 16th-17th centuries on the history of the Incas: chronicles, documents, letters]. Pod red. S.A. Kuprienko. Kiev. [in Russian]
- Kuprienko, Rakuts, 2013** – Kuprienko, C.A., Rakuts, N.V. (2013). Sistema gosudarstvennogo nakopleniya i raspredeleniya produktov v imperii inkov [The system of state accumulation and distribution of products in the Inca Empire]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. 2: 87-94. [in Russian]
- Kuprienko, 2013** – Kuprienko, S.A. (2013). Suspil'no-gospodars'kii ustroi imperii inkiv Tavantinsuyu: avtoref. dis. na zdobuttya nauk. stupenya kand. istor. nauk [Suspension-sovereign structure of the Ink Empire of Tawantinsuyu: author's abstract. dis. on health sciences]. Kiev. [in Ukrainian]
- López Hernández, 2012** – López Hernández, M. (2012). Aztec women and goddesses. México City: Fundación Cultural Armella Spitalier.
- Minkova, Tsvetkov, 2018** – Minkova, K.V., Tsvetkov, I.A. (2018). Istoriya stran Severnoi Ameriki. Uchebnoe posobie [History of the countries of North America. Study guide]. SPb. [in Russian]
- Nersesov, 2009** – Nersesov, Ya.N. (2009). Dokolumbova Amerika: atteki, maiya, inki [Pre-Columbian America: Aztecs, Mayans, Incas]. M.: Avanta+. [in Russian]

- Orozco y Berra, 2012** – *Orozco y Berra, M.* (2012). *La Civilización Azteca*. Cien de México. Los Conquistadores De México. Mexico City.
- Palashov, 2021** – *Palashov, V.A.* (2021). Sudebnaya sistema stran dokolumbovoi Ameriki (na primere sudebnogo ustroystva atstekov i inkov) [The judicial system of the countries of pre-Columbian America (on the example of the judicial system of the Aztecs and Incas)]. *Glossa: Vestnik studencheskoi nauki. Izdanie kafedry teorii i istorii gosudarstva i prava Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 5: 7-14. [in Russian]
- Palmer, 2025** – *Palmer, W.P.* (2025). Maya society [Electronic resource]. URL: <https://web.archive.org/web/20200601202507/https://library.umaine.edu/hudson/palmer/Maya/society.asp> (date of access: 11.12.2024).
- Pedelty, 2004** – *Pedelty, M.* (2004). *Musical Ritual in Mexico City: From the Aztec to NAFTA*. Austin: University of Texas Press.
- Pyshnova, 2014** – *Pyshnova, S.L.* (2014). Iz istorii stanovleniya i razvitiya gumanisticheskoi traditsii v kul'turakh latinskoi Ameriki [From the history of the formation and development of the humanistic tradition in the cultures of Latin America]. *Filologiya i kul'tura*. 1(35): 252-257. [in Russian]
- Rojas, 2012** – *Rojas, J.L.* (2012). *Tenochtitlan: Capital of the Aztec Empire*. Gainesville: University Press of Florida.
- Rudakov, 2023** – *Rudakov, V.V.* (2023). Rol' chelovecheskikh zhertvoprinoshenii v kul'tovoi praktike atstekov [The role of human sacrifice in the cult practice of the Aztecs]. *Klio-2022. Materialy Vserossiiskoi ezhegodnoi nauchnoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchennykh*. Irkutsk. Pp. 348-350. [in Russian]
- Rudakov, 2024a** – *Rudakov, V.V.* (2024). Problema kharakteristiki sotsial'no-ekonomicheskogo stroya atstekov v sovetskoj istoriografii pervoi poloviny XX v. [The problem of characterizing the socio-economic system of the Aztecs in Soviet historiography of the first half of the 20th century]. *MNSK-2024. Arkheologiya. Istoriya. Etnografiya. Materialy 62-i Mezhdunarodnoi nauchnoi studencheskoi konferentsii*. Novosibirsk. Pp. 93-94. [in Russian]
- Rudakov, 2024b** – *Rudakov, V.V.* (2024). Problema verkhovnoi vlasti atstekov v sovetskoj istoriografii [The problem of the supreme power of the Aztecs in Soviet historiography]. *Aktual'nye voprosy istorii, arkheologii, filosofii, mezhdunarodnykh otnoshenii i turizma. Materialy simpoziuma XIX (LI) Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchennykh*. Kemerovo. Pp. 85-88. [in Russian]
- Sarmiento de Gamboa, 2007** – *Sarmiento de Gamboa, P.* (2007). *Historia de los Incas*. Madrid.
- S'esa de Leon, 1877** – *S'esa de Leon, P.* (1877). *Khronika Peru. Chast' 2: Vladychestvo Inkov* [Chronicle of Peru. Part 2: The Dominion of the Incas]. Madrid. [in Russian]
- Smith, 2006** – *Smith, M.E.* (2006). *Aztec Culture*. Phoenix: Arizona State University.
- Smith, 2011** – *Smith, M.E.* (2011). *The Aztecs*. Hoboken.
- Sustel', 2010** – *Sustel', Zh.* (2010). Atsteki. Voinstvennye poddannye Montesumy [Aztecs. Warlike subjects of Montezuma]. *Zagadki drevnikh narodov*. M. [in Russian]
- Talakh, Kuprienko, 2013** – *Talakh, V.N., Kuprienko, S.A.* (2013). *Amerika pervonachal'naya. Istochniki po istorii maiya, naua (astekov) i inkov* [America original. Sources on the history of the Mayans, Nahuas (Astecas) and Incas]. Kiev. [in Russian]
- Veretennikov, 2003** – *Veretennikov, A.M.* (2003). *Goroda maiya i atstekov* [Cities of the Mayans and Aztecs]. M. [in Russian]
- Ward, 2001** – *Ward, T.* (2001). Expanding Ethnicity in Sixteenth-Century Anahuac: Ideologies of Ethnicity and Gender in the Nation-Building Process. *MLN*. March. 116.2: 419-452.
- Zainullin et al., 2023** – *Zainullin, K.R., Gayderova, A.N., Savina, A.D., Zaitseva, A.A., Belyaev, A.I., Balakina, I.A.* (2023). Peoples and states of America before the Europeans: the Aztecs. *Global cross-cultural management. Materials of the I International Scientific and Practical conference*. Ekaterinburg. Pp. 67-73. [in Russian]

Рабство у американских доколумбовых цивилизаций (инков, ацтеков и майя): сравнительная характеристика и некоторые аспекты историографииСергей Иванович Дегтярев ^{a, b, c, *}^a Черкас глобальный университет, Хьюстон, США^b Сумской государственный университет, Сумы, Украина^c Восточно-европейское историческое общество, Хьюстон, США

Аннотация. Данное исследование посвящено историографии и сравнительной характеристике института невольничества у американских доколумбовых цивилизаций. В качестве материалов использованы научные труды по проблеме исследования, а методологический комплекс составляют такие методы исторического исследования как историографический, историко-сравнительный, историко-системный и др.

Историография достаточно полно изучила институт рабовладения у доколумбовых американских цивилизаций и представлена как зарубежными, так и российскими исследованиями.

Наиболее мягким институт невольничества был у инков. Он не был рабством как таковым, а заключался лишь в трудовой повинности «миту», которые отрабатывали практически все граждане (за исключением знати, детей, престарелых, больных и вдов).

Рабовладение у ацтеков было в буквальном смысле этого слова: невольники задеивались на тяжелых работах, а также использовались в жертвоприношениях. Источником рабства были долги, преступления, а позднее – и захват военнопленных. Характерным для цивилизации ацтеков было добровольное невольничество. Однако по наследству состояние рабства не передавалось.

Рабство майя было самым жестким из вышеуказанных. В законах майя рабство могло быть наследственным (в случае долговой зависимости), групповым (т.е. с семьей, в случае продажи в рабство свободного человека). Источники рабства не только такие же, как у ацтеков, но и весьма экзотические (например, для женщин в случае развода). Рабов также использовали на тяжелых и опасных работах, прислужниками, в жертвоприношениях и т. д.

Отметим, что рабство у аборигенных американских цивилизаций было значительно мягче классического рабства, так как индейские племена за институтом рабства видели в невольнике человека: было запрещено препятствовать побегу (за исключением владельцев рабов), разлучать семьи и прочее.

Ключевые слова: рабство у индейцев Америки, инки, ацтеки, майя, сравнительная характеристика института рабовладения инков, ацтеков, майя.

---

* Корреспондирующий автор

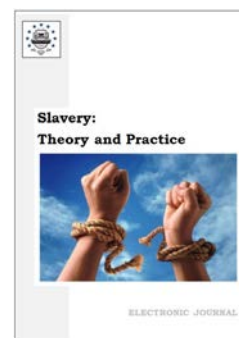
Адреса электронной почты: s.degtyarev@yur.sumdu.edu.ua (С.И. Дегтярев)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Slavery: Theory and Practice
 Issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2025. 10(1): 15-24

DOI: 10.13187/slave.2025.1.15

<https://stp.cherkasgu.press>

The Creative Legacy of Henri Alexandre Vallon (1812–1904) and His Views on the Institution of Ancient Slavery

Sergei N. Nikitin ^{a, *}^a Cherkas Global University, Houston, USA

Abstract

The work is devoted to the personality of Henri Alexandre Vallon (1812–1904) and his views on the institution of ancient slavery. The material of the work was the works of Vallon himself, as well as some biographical studies about him. The research methods were historiographical, historical-system, biographical, etc. Henri Alexandre Vallon was a very versatile personality, which left a significant imprint on his scientific work. A politician, minister, philosopher, historian, and teacher, Vallon has been a preacher of liberal ideas all his life, which he implemented not only in politics and administrative work, but also in historical research. His research interests ranged from the study of the holy Christian scriptures and the biography of Jesus Christ to the political geography of the 19th century, the study of ancient and medieval slavery, as well as the biographies of prominent representatives of the late Middle Ages, such as Richard II Plantagenet of Rhodes, Joan of Arc. Henri Vallon saw the Institute of ancient slavery in a very peculiar way, but his ability to accurately systematize and classify led to the fact that, without introducing any innovations into the study of ancient slavery, he greatly popularized the topic, colorfully describing it, as well as clarifying previously controversial issues. Vallon wrote the idea to accurately describe the evolution of ancient slavery. The author points out how the sources of obtaining slaves, as well as the attitude towards slaves themselves, have changed over time and geography. If in Ancient Greece a slave was considered an assistant and even a family friend, and was not always a slave in the ancient Roman sense of the word (including the spartiates, who practiced the most severe form of ancient Greek slavery), then in Ancient Rome the attitude towards slavery changed fundamentally, and during the course of Roman history itself. An opponent of monarchies in any form, Vallon points out that during the period of the Roman republics, the attitude towards slaves was quite humane (although by no means the same as in Ancient Greece), however, with the beginning of large-scale conquests and the transformation of Rome into an empire, slaves became nothing more than a production tool and people in the true sense of the word. The Romans stopped seeing them. This approach was also facilitated by a harsh foreign policy, which was the main source of recruitment of slave personnel. At the same time, economic expediency forced the Romans to weaken slave oppression, turning slaves into serfs, coloni, who were more productive and less prone to revolts.

Keywords: Henri Alexandre Vallon, 1812–1904, the history of ancient slavery, the Institute of ancient slavery.

1. Введение

Судьба французского историка, теолога, философа, общественного деятеля, правоведа,

---

* Corresponding author

E-mail addresses: office@cherkasgu.press (S.N. Nikitin)

законодателя и политика Анри Александра Валлона (1812–1904) представляется весьма интересной и насыщенной. Вызывает интерес широкая сфера интересов ученого – от управления сферой образования до глубоких религиозно-философских рассуждений в его исторических исследованиях.

Одна из многих граней этой творческой личности – это изучение античного рабства, в процессе которого научный гений Валлона создал весьма уникальный, хотя и не всегда исторически корректный образ института рабовладения Древнего мира. С учетом практического отсутствия в открытом информационно-цифровом доступе историографии, посвященной Анри Александру Валлону, данное исследование приобретает особую актуальность.

2. Материалы и методы

Материалом нашей работы послужили исторические исследования Анри Валлона, а именно «Géographie politique des temps modernes» (Wallon, 1839), «La Sainte Bible résumée dans son histoire et dans ses enseignements» (Wallon, 1854a), «De la croyance due à l'Évangile» (Wallon, 1854b), «Jeanne d'Arc» (Wallon, 1860), «Épîtres et évangiles des dimanches» (Wallon, 1862), «Saints Évangiles» (Wallon, 1863), «La vie de Jésus et son nouvel historien» (Wallon, 1864a), «Richard II, épisode de la rivalité de la France et de l'Angleterre» (Wallon, 1864b), «Vie de Notre Seigneur Jésus Christ selon la concordance des quatre évangélistes» (Wallon, 1865), «La terreur, études critiques sur la Révolution française» (Wallon, 1872), «Saint-Louis et son temps» (Wallon, 1875), «Histoire du tribunal révolutionnaire de Paris» (Wallon, 1883), «La Révolution du 31 mai et le fédéralisme en 1793» (Wallon, 1885), «Les représentants du peuple en mission et la justice révolutionnaire dans les départements en l'an II» (Wallon, 1889).

В качестве методов исследования применялись:

- Историографический метод (контент-анализ): применялся для исследования трудов самого Анри Валлона, а также биографических исследований о нем;
- Историко-системный метод: применен для комплексного анализа личности Валлона, его творческого наследия в целом, и взглядов на институт античного рабовладения в частности;
- Биографический метод: предусматривает биографическое исследование жизненного и творческого пути Анри Валлона.

Исследование построено с учетом общепринятых принципов исторического исследования, в частности принципа объективности, всесторонности, комплексного анализа источников, историзма и пр.

3. Обсуждение

Работ в отечественной историографии, посвященных творчеству и личности А. Валлона достаточно немного; основная часть биографических исследований была опубликована в дореволюционный период российской истории.

Отметим также еще один момент. Дореволюционные исследователи имя Валлона указывают через дефис, а именно – «Анри-Александр». Такое написание мы видим в работе историка В.И. Водовозова (Водовозов, 1904), а также в биографической статье Н.И. Кареева в наиболее крупном дореволюционном энциклопедическом словаре, выпущенным Брокгаузом и Ефроном (Кареев, 1891: 433-434). Однако в современном написании биографы и историки дефис не ставят, предпочитая даже указывать имя не «Анри Александр», а просто «Анри Валлон».¹ Для устранения возможной неверной трактовки сразу укажем, что это один и тот же человек и в данной работе мы будем употреблять последние два указанных написания (или инициалы).

Одним из крупных биографических трудов по личности А.А. Валлона является статья историка рубежа XIX-XX веков Василия Ивановича Водовозова, опубликованная в журнале «Южные записки» (Водовозов, 1904); автор делает общий анализ основных трудов Валлона, его политические взгляды, а также влияние этих взглядов на формирование идеологии,

¹ Историка и идеолога «третьей Французской республики» Анри Александра Валлона (1812–1904) не следует путать с его внуком, психологом, психиатром, педагогом, общественным деятелем, социалистом и пропагандистом марксистских идей Анри Валлоном (1879–1962).

которая впоследствии нашла отражение как во французской конституции 1875-го года, так и в политике французского государства, более известного под названием «Третья французская республика» (Кареев, 1891).

Среди советских биографических исследований Валлона, прежде всего отметим работу профессора А.В. Мишулина, который подготовил большую статью в виде предисловия к монографии французского историка «История рабства в античном мире» (Мишулин, 1941). Мишулин указывает, что данная работа является наиболее ценной и наиболее интересной с научной точки зрения, имеет широкий арсенал источниковой базы, попутно и весьма глубоко давая критические отзывы и вступая в научную полемику с французским историком; также вкратце освещает и его политический путь.

Не обходят стороной личность Валлона и советские энциклопедические издания, в частности «Большая советская энциклопедия», где историку посвящена отдельная статья (БСЭ, 1927).

Количество же современных работ, посвященных А.А. Валлону крайне невелико; данный факт обуславливает новизну данного исследования.

4. Результаты

Анри Александр Валлон (Рисунок 1) родился в г. Валансьен в провинции Пикардия, расположенной на самом севере Первой Французской империи (современный регион О-де-Франс, или Верхняя Франция) 23 декабря 1812-го года.

Рис. 1. Автор французской конституции 1875-го года, историк, министр народного просвещения, сенатор Анри Александр Валлон (1812–1904)

Получив начальное и среднее образование в родном городе и проявив себя прилежным, талантливым и разносторонним учеником, в возрасте 18-ти лет в 1831-м году Валлон поступает в один из наиболее престижных вузов Франции – Высшую нормальную школу в Париже, которую также блестяще закончил.

Решив остаться в столице, Анри Александр устраивается на работу в среднюю школу преподавателем истории, а позднее, в 1838-м году и в Высшей нормальной школе (Кареев, 1891: 433). В 1840-м году становится преподавателем Сорбонны, в которой заменял известного французского историка, критика, депутата, профессора Франсуа Гизо (1787–1874), а через 10 лет службы в 1850-м году дослужился до заведующего кафедрой.

Преподавательскую работу весьма плодотворно совмещал с научной деятельностью, став к началу второй половины XIX века достаточно известным ученым-историком, но правда пока лишь в пределах Франции.

Симпатизируя республиканцам-революционерам и поддерживая антимонархические идеи Революции 1848–1849-го годов, Валлон в конце 40-х годов параллельно начинает заниматься также и политикой: в 1849-м году он избирается народным депутатом в Национальное собрание Второй Французской республики (1848–1852), однако проработал в нем менее года и в 1850-м году сложил полномочия, понимая, что избранный в 1848-м году президент Второй республики, племянник Наполеона I Бонапарта, Луи Наполеон Бонапарт фактически стал диктатором (а в 1852-м году и вовсе свернет республику, объявив себя императором – Прим. авт.).

Вернется к политике Анри Валлон лишь в начале 70-х годы XIX века после очередной революции и установления так называемой Третьей Французской республики (1870–1940). В 1871-м году он вновь становится депутатом Национального собрания 1871–1875-го годов (Кареев, 1891: 433), а в 1875-м – министром народного просвещения (Мишулин, 1941: 4). Прославился также и как автор конституционных законов 1875-го года, называемых в историографии «Конституцией 1875-го года» (см. ниже). В этом же году становится пожизненным сенатором (Кареев, 1891: 433).

Анри Валлон оказался весьма плодотворным исследователем, оставив после своей весьма долгой научной жизни большое количество трудов, многие из которых являются фундаментальными и достаточно велики по объему и своей глубине. Также нельзя не отметить и весьма широкий круг научных интересов Валлона – от правоведения и политики до истории античного института рабовладения.

Первой работой Анри Валлона стала «Géographie politique des temps modernes» («Политическая география современности»), написанная в 1839-м году и анализирующая особенности передела границ за последние сто лет (Wallon, 1839).

В 1847-м году вышел трехтомник «Histoire de l'esclavage dans l'antiquité» («История рабства в античном мире»), подробный анализ которой будет дан ниже.

В 1854-м году вышло в свет два теологических исследования: «La Sainte Bible résumée dans son histoire et dans ses enseignements» («Библия, обобщенная в ее истории и учениях») (Wallon, 1854a) и «De la croyance due à l'Evangile» («От веры, основанной на Евангелии») (Wallon, 1854b), в которых Валлон делает попытку исследовать феномен священных христианских писаний как исторического источника, религиозного феномена и института, особенностях, версиях и причинах появления, а также проблему трансформации христианства.

В 1860-м году выходит 2-томная монография «Jeanne d'Arc» («Жанна д'Арк») (Wallon, 1860), посвященная исследованию биографии «орлеанской девы», исторических аспектов ее борьбы и популярности у французского народа, реальных и вымышленных заслуг и подвигов, а также версии предательства со стороны властей и гибели. Труд оказался весьма популярным, поэтому вскоре (в 1876-м году) был издан вторично, а также дополнен рисунками гравюр XV-XIX веков, посвященных восстанию.

Через два года Валлон снова публикует теологическое исследование «Epîtres et évangiles des dimanches» («Воскресные послания и Евангелия») (Wallon, 1862) о соотношениях христианских священных писаний и религиозно-обрядовых традиций, а в 1863-м году издается глубокое исследование Святого Евангелия в одноименной монографии («Saints Evangiles») (Wallon, 1863).

В 1864-м году выходят сразу две разнонаправленные работы: религиозно-биографическое исследование «La vie de Jésus et son nouvel historien» («Жизнь Иисуса и ее новый историк») анализирует персоналию Иисуса Христа (Wallon, 1864a), и также историко-биографический 2-томный труд «Richard II, épisode de la rivalité de la France et de l'Angleterre» («Ричард II, эпизод соперничества Франции и Англии») (Wallon, 1864b)

посвящен правлению последнего представителя династии Плантагенетов деспотичного Ричарда II Бордосского (1367–1400), приведшего Англию после недавней Столетней войны к последовавшей после его свержения феодальной войне (известной как «война Алых и Белых роз»), однако стремившегося всячески сохранить хрупкий мир между Англией и Францией, чтобы восстановить расшатанную британскую экономику; данный труд является глубоким фундаментальным биографическим исследованием Ричарда II, а также внешней политики Англии конца XIV века. В следующем году выходит историко-религиозный труд «*Vie de Notre Seigneur Jésus Christ selon la concordance des quatre évangélistes*» («Жизнь Господа нашего Иисуса Христа по согласованию четырех евангелистов») (Wallon, 1865), представляющий собой историческое исследование биографии Иисуса Христа по текстам Евангелия от Луки, Матвея, Марка и Иоанна: Валлон ищет общие черты биографии Христа в четырех христианских писаниях и различающиеся элементы.

После многолетнего перерыва в 1872–1875-м годах выходят две исторические работы. Первая, «*La terreur, études critiques sur la Révolution française*» («Террор, критические исследования французской революции») (Wallon, 1872) посвящена проблеме террора в период Великой французской революции (1789–1799), его целесообразности и мотивах. Вторая работа, «*Saint-Louis et son temps*» («Святой Луи и его время») (Wallon, 1875), является биографической и исследует личность короля Людовика IX Святого, правившего в XIII-м веке и его реформы – местного самоуправления, судебной и денежной систем и пр.

Нельзя не отметить того факта, что в указанный период, как уже было сказано выше, Анри Валлон работал над конституцией Франции 1875-го года, являясь ее автором. Конституцией серию законов от 1875-го года можно назвать весьма условно: это были три конституционных закона («Об организации Сената», «Об организации государственных властей», «О взаимоотношениях государственных властей», вкуче содержащие всего 34 статьи), которые регламентировали деятельность высших органов власти и систему разделения исполнительной, законодательной и судебной властей.

После 1875-го года вновь наступил длительный 8-летний перерыв, связанный, вероятно, с накоплением материала для новых, весьма глубоких и обширных трудов.

В 1883-м году выходит в свет 6-томная монография «*Histoire du tribunal révolutionnaire de Paris*» («История революционного трибунала Парижа») (Wallon, 1883), посвященная деятельности революционной уголовно-исполнительной системы Франции, в которой анализировались ее зарождение, особенности функционирования, а также сильные и слабые стороны в сравнении с аналогичной системой в других государствах в период революций.

Опубликованный через два года 2-томник «*La Révolution du 31 mai et le fédéralisme en 1793*» («Революция 31 мая и федерализм в 1793-м году») (Wallon, 1885) посвящен восстанию якобинцев и зарождению якобинской диктатуры, получившей в истории название «Революция 31 мая – 2 июня 1793 года»; анализируются идеи якобинцев, методы управления и централизации власти, деятельность Конвента и пр.

Последним трудом Анри Валлона принято считать «*Les représentants du peuple en mission et la justice révolutionnaire dans les départements en l'an II*» («Представители народа в командировках и революционная юстиция в департаментах в период Второй Республики») (Wallon, 1889); этот фундаментальный 5-томный труд исследует организацию и процесс контроля народных представителей над осуществлением исполнительной власти в период так называемой Второй Республики (деятельность республиканской власти Французского государства в 1793–1794 годах); данный труд нельзя назвать историческим в полной мере, скорее историко-философским, так как изобилует личным представлением автора по поводу правильной организации деятельности народных представителей. Последний, 5-й, том указанного исследования вышел в 1890-м году.

Как исследователя, Анри Валлона характеризуют как «...ученого с пытливым аналитическим умом» (Мишулин, 1941: 4), хотя «...беспристрастным исследователем его назвать нельзя» (Кареев, 1891: 433). Мы же, со своей стороны, отметим его неординарную разносторонность, широту научных интересов, скрупулезность в подготовке и анализе материалов, а также весьма впечатляющую продуктивность.

Однако в контексте нашего исследования особо следует выделить его 3-томную монографию «*Histoire de l'esclavage dans l'antiquité*» («История рабства в античном мире») (Wallon, 1847), которая только в XIX веке издавалась дважды – в 1847-м и 1879-м годах.

Работа была переведена на многие языки, в том числе и на русский; в советский период российской истории она издавалась дважды – в 1936-м (Валлон, 1936) и 1941-м годах (Валлон, 1941); издание «История рабства в античном мире» является усеченным (объем 310 страниц), в то время как второе издание 1941-го года является более полным. В открытом электронном доступе имеется оцифрованное издание 1941-го года (Валлон, 1941).

Исследование «История рабства в античном мире» некоторые историографы называют лучшим научным произведением Валлона (см., в частности, Мишулин, 1941: 4, 5). Это трехтомный фундаментальный и весьма глубокий труд, который имеет не только историческую, но и историографическую ценность. Только в XIX веке на родине А.А. Валлона он издавался дважды, что говорит о популярности и востребованности данного исследования. Был переведен на многие языки, включая русский; наиболее известный и полный перевод был выполнен советскими авторами, в частности, С.П. Кондратьевым (Валлон, 1941).

Нельзя не согласиться с мнением профессора А.В. Мишулина о том, что «...среди виднейших представителей историографии по античности, в плеяде таких ученых, как Моммзен, Дройзен, Нич и др., Валлон занимает особое, ..., своеобразное место», причем труд «История рабства в античном мире» Мишулин считает «беспристрастным и педантичным», выполненным «без претенциозности», но и без «блеска новизны мысли» (Мишулин, 1941: 4).

Валлон в своем исследовании собрал весьма ценный материал по античному рабству. Он смог весьма точно воспроизвести картину положения рабов Древней Греции и Древнего Рима, исследовал масштабы рабства в отдельных отраслях производства Древнего мира, а также провел большую работу по систематизации знаний об античном рабовладении.

Труд состоит из пяти томов, каждый из которых посвящен определенному периоду в истории рабовладения Древнего мира.

В первом томе освещается институт рабовладения Древней Греции. Валлон берет за основу греческую мифологию, к которой, по словам Мишулина, у него «слишком доверчивое отношение» (Мишулин, 1941: 5). Вместе с тем, Валлон в некоторой степени идеализирует древнегреческое рабство, считая рабов не столько угнетенным классом, а своего рода «помощников» греческой «элиты»: это касается как рабов-педагогов (вид рабов в Древней Греции, которые сопровождали детей знатных особ на занятия в школе, выполняя функции не только телохранителей, но и воспитателей; педагог дословно с древнегреческого «ведущий ребенка», «детовод» – Прим. авт.). Также весьма идеалистически и сентиментально, Анри Валлон описывает рабство в Древней Спарте, где спартамцам приписывались лучшие человеческие качества, как доблесть, честность, новаторство, здоровый образ жизни, сплоченность, в то время как покоренному населению, – илотам, находившемуся на положении полурабов-полукрепостных крестьян, – приписывается лень, лживость, вороватость, склонность к пьянству, дебоширству и междоусобице. Подобная трактовка рабства весьма прочно укоренилась не только в истории античного рабовладения XIX века, но и в последующей историографии и даже в искусстве (одним из примеров является картина Фернана Сабатте, см. Рисунок 2).

Институт античного рабства Древнего Рима периода республики (этой странице посвящен второй том «Истории античного рабства») Анри Валлон видит следующим образом. Главным источником римского рабства он считает военную добычу и морской разбой, что является тезисом весьма спорным. Однако в чем сложно спорить с Валлоном с позиций современной истории, так это в том, что римляне отличались исключительно жесткой политикой в отношении покоренных народов, которые и являлись главными «поставщиками» новых рабов.

По Валлону, римляне, в отличие от греков (которых жители Апеннин считали своими культурами и ментальными предшественниками, прямо указывая на тот факт, что многие социальные, культурные и политические элементы римляне переняли именно у греков), использовали не как помощников, а именно как невольников. Причем, с ходом римской истории и по мере превращения республики в монархию (периоду принципата (27 год до н.э. – 284 год н.э.) посвящен третий том), отношение к рабам, по мнению Валлона, также изменилось весьма сильно. Если в период ранней республики (VI-III века до н.э.) была принята греческая модель рабовладения и относительно гуманное отношение к рабам, то к

периоду принципата рабов использовали чисто экономически, перестав в них видеть человека как такового, были ли это сельско-хозяйственные или строительные работы, либо выступление наравне с животными на гладиаторской арене.

Рис. 2. Ф. Сабатте «Спартанец, показывающий пьяного илота своим сыновьям». 1900.

Вместе с тем, Валлон всячески подчеркивает роль римского «рабского статута», указывая, что и невольники находились в правовом поле Римской империи и имели свои скудные, но незыблемые права.

Институт рабовладения позднего Рима или так называемого домината (284–476-й годы н.э.), по Валлону, примечателен тем, что экономика отодвинула политику и традиции на второй план: рабам вынужденно давали свободу, превращая их в крепостных крестьян – колонов, которые были значительно эффективнее классических невольников и в части производительности, и в части устойчивости к восстаниям.

В целом отметим, что несмотря на то, что «История античного рабства» не является инновационной работой своего времени, тем не менее яркий, живой и доступный литературный стиль Анри Валлона помогли популяризировать тему рабства, а сам труд стал значительным шагом в процессе систематизации исследования института рабовладения Древнего мира, определения основных его элементов и уточнения содержания.

5. Заключение

Анри Александр Валлон был весьма разносторонней личностью, что отложило значительный отпечаток и на его научную деятельность. Политик, министр, философ, историк, преподаватель, Валлон всю свою жизнь был проповедником либеральных идей, которые претворял не только в политике и административной работе, но и в исторических исследованиях.

Круг его научных интересов был весьма широк: от изучения священных христианских писаний и биографии Иисуса Христа до политической географии современного ему XIX века, изучения античного и средневекового рабства, а также биографии ярких представителей позднего средневековья, таких как Ричард II Плантагенет Бодосский, Жанна д'Арк.

Институт античного рабовладения Анри Валлон видел весьма своеобразно, однако его способность к точной систематизации и классификации привели к тому, что, не внеся

никаких инноваций в изучение античного рабства, он весьма популяризировал тему, красочно описывая ее, а также внес ясность в спорные прежде вопросы.

Перу Валлона принадлежит идея точно описать эволюцию античного рабства. Автор указывает как с течением времени и географии менялись источники получения рабов, а также отношение к самим рабам. Если в Древней Греции раб считался помощником и даже другом семьи, и далеко не всегда был невольником в древнеримском понимании этого слова (включая и спартиат, которые практиковали наиболее жесткую форму древнегреческого рабства), то в Древнем Риме отношение к рабовладению изменилось принципиально, причем в ходе самой римской истории.

Противник монархий в любом ее проявлении, Валлон указывает, что в период римских республик, отношение к рабам было достаточно гуманным (хотя отнюдь не таким, как в Древней Греции), однако с началом масштабных завоеваний и превращения Рима в империю, рабы стали не более, чем производственным инструментом и людей в истинном понимании этого слова римляне в них видеть перестали. Такому подходу способствовала и жесткая внешняя политика, которая и являлась главным источником пополнения рабских кадров. Вместе с тем, экономическая целесообразность заставила римлян ослабить невольничий гнет, превратив невольников в крепостных крестьян-колонов, которые были более производительны и менее подвержены восстаниям.

Литература

[БСЭ, 1927](#) – Валлон, Анри / Большая советская энциклопедия / Глав. ред. О.Ю. Шмидт. 1927. Т. 8. С. 660.

[Валлон, 1936](#) – Валлон А.А. История рабства в античном мире. М.: Соцэкгиз, 1936.

[Валлон, 1941](#) – Валлон А.А. История рабства в античном мире / Под ред. проф. А. В. Мишулина; пер. с франц. С.П. Кондратьева. М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1941.

[Водовозов, 1904](#) – Водовозов В.И. Анри-Александр Валлон / Южные Записки. 1904. № 54.

[Кареев, 1891](#) – Кареев Н.И. Валлон, Анри-Александр // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). Т. 5 (Пт. 9). СПб., 1891. С. 433-434.

[Мишулин, 1941](#) – Мишулин А.В. Анри Валлон в историографии по античности: предисловие / Валлон А.А. История рабства в античном мире / Под ред. проф. А. В. Мишулина; пер. с франц. С.П. Кондратьева. М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1941.

[Wallon, 1839](#) – Wallon H.A. Géographie politique des temps modernes. 1839.

[Wallon, 1847](#) – Histoire de l'esclavage dans l'antiquité. 1847.

[Wallon, 1854a](#) – Wallon H.A. La Sainte Bible résumée dans son histoire et dans ses enseignements. 1854.

[Wallon, 1854b](#) – Wallon H.A. De la croyance due à l'Evangile. 1854.

[Wallon, 1860](#) – Wallon H.A. Jeanne d'Arc. 1860.

[Wallon, 1862](#) – Wallon H.A. Epîtres et évangiles des dimanches. 1862.

[Wallon, 1863](#) – Wallon H.A. Saints Evangiles. 1863.

[Wallon, 1864a](#) – Wallon H.A. La vie de Jésus et son nouvel historien. 1864.

[Wallon, 1864b](#) – Wallon H.A. Richard II, épisode de la rivalité de la France et de l'Angleterre. 1864.

[Wallon, 1865](#) – Wallon H.A. Vie de Notre Seigneur Jésus Christ selon la concordance des quatre évangélistes. 1865.

[Wallon, 1872](#) – Wallon H.A. La terreur, études critiques sur la Révolution française. 1872.

[Wallon, 1875](#) – Wallon H.A. Saint-Louis et son temps. 1875.

[Wallon, 1883](#) – Wallon H.A. Histoire du tribunal révolutionnaire de Paris. 1883.

[Wallon, 1885](#) – Wallon H.A. La Révolution du 31 mai et le fédéralisme en 1793. 1885.

[Wallon, 1889](#) – Wallon H.A. Les représentants du peuple en mission et la justice révolutionnaire dans les départements en l'an II. 1889.

References

[BSE, 1927](#) – Vallon, Anri. Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya [Vallon, Henri. Great Soviet Encyclopedia]. Glav. red. O.Yu. Shmidt. 1927. T. 8. P. 660. [in Russian]

[Kareev, 1891](#) – Kareev, N.I. (1891). Vallon, Anri-Aleksandr. Entsiklopedicheskii slovar'

Brokgauza i Efrona: v 86 t. (82 t. i 4 dop.) [Vallon, Henri-Alexandre. Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron: in 86 volumes (82 volumes and 4 additional)]. T. 5 (Pt. 9). SPb. Pp. 433-434. [in Russian]

[Mishulin, 1941](#) – *Mishulin, A. V. (1941). Anri Vallon v istoriografii po antichnosti: predislovie [Henri Vallon in the historiography of antiquity: preface]. Vallon A.A. Istoriya rabstva v antichnom mire Pod red. prof. A. V. Mishulina; per. s frants. S.P. Kondrat'eva. M.: OGIZ Gospolitizdat. [in Russian]*

[Vallon, 1936](#) – *Vallon, A.A. (1936). Istoriya rabstva v antichnom mire [The history of slavery in the ancient world]. M.: Sotsekgiz. [in Russian]*

[Vallon, 1941](#) – *Vallon, A.A. (1941). Istoriya rabstva v antichnom mire [History of slavery in the ancient world]. Pod red. prof. A. V. Mishulina; per. s frants. S.P. Kondrat'eva. M.: OGIZ Gospolitizdat. [in Russian]*

[Vodovozov, 1904](#) – *Vodovozov, V.I. (1904). Anri-Aleksandr Vallon [Henri-Alexandre Vallon]. Yuzhnye Zapiski. 54. [in Russian]*

[Wallon, 1839](#) – *Wallon, H.A. (1839). Géographie politique des temps modernes.*

[Wallon, 1847](#) – *Histoire de l'esclavage dans l'antiquité. 1847.*

[Wallon, 1854a](#) – *Wallon, H.A. (1854). La Sainte Bible résumée dans son histoire et dans ses enseignements.*

[Wallon, 1854b](#) – *Wallon, H.A. (1854). De la croyance due à l'Évangile.*

[Wallon, 1860](#) – *Wallon, H.A. (1860). Jeanne d'Arc.*

[Wallon, 1862](#) – *Wallon, H.A. (1862). Épitres et évangiles des dimanches.*

[Wallon, 1863](#) – *Wallon, H.A. (1863). Saints Évangiles.*

[Wallon, 1864a](#) – *Wallon, H.A. (1864). La vie de Jésus et son nouvel historien*

[Wallon, 1864b](#) – *Wallon, H.A. (1864). Richard II, épisode de la rivalité de la France et de l'Angleterre.*

[Wallon, 1865](#) – *Wallon, H.A. (1865). Vie de Notre Seigneur Jésus Christ selon la concordance des quatre évangélistes.*

[Wallon, 1872](#) – *Wallon, H.A. (1872). La terreur, études critiques sur la Révolution française.*

[Wallon, 1875](#) – *Wallon, H.A. (1875). Saint-Louis et son temps.*

[Wallon, 1883](#) – *Wallon, H.A. (1883). Histoire du tribunal révolutionnaire de Paris.*

[Wallon, 1885](#) – *Wallon, H.A. (1885). La Révolution du 31 mai et le fédéralisme en 1793.*

[Wallon, 1889](#) – *Wallon, H.A. (1889). Les représentants du peuple en mission et la justice révolutionnaire dans les départements en l'an II.*

Творческое наследие Анри Александра Валлона (1812–1904) и его взгляды на институт античного рабовладения

Сергей Николаевич Никитин ^{a, *}

^a Черкас глобальный университет, Хьюстон, США

Аннотация. Работа посвящена личности Анри Александра Валлона (1812–1904) и его взглядов на институт античного рабовладения. Материалом работы послужили труды самого Валлона, а также некоторые биографические исследования о нем. Методами исследования стали историографический, историк-системный, биографический и др.

Анри Александр Валлон был весьма разносторонней личностью, что отложило значительный отпечаток и на его научную деятельность. Политик, министр, философ, историк, преподаватель, Валлон всю свою жизнь был проповедником либеральных идей, которые претворял не только в политике и административной работе, но и в исторических исследованиях.

Круг его научных интересов был весьма широк: от изучения священных христианских писаний и биографии Иисуса Христа до политической географии современного ему

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: office@cherkasgu.press (С.Н. Никитин)

XIX века, изучения античного и средневекового рабства, а также биографии ярких представителей позднего средневековья, таких как Ричард II Плантагенет Бодосский, Жанна д'Арк.

Институт античного рабовладения Анри Валлон видел весьма своеобразно, однако его способность к точной систематизации и классификации привели к тому, что, не внося никаких инноваций в изучение античного рабства, он весьма популяризировал тему, красочно описывая ее, а также внося ясность в спорные прежде вопросы.

Перу Валлона принадлежит идея точно описать эволюцию античного рабства. Автор указывает как с течением времени и географии менялись источники получения рабов, а также отношение к самим рабам. Если в Древней Греции раб считался помощником и даже другом семьи, и далеко не всегда был невольником в древнеримском понимании этого слова (включая и спартиат, которые практиковали наиболее жесткую форму древнегреческого рабства), то в Древнем Риме отношение к рабовладению изменилось принципиально, причем в ходе самой римской истории.

Противник монархий в любом ее проявлении, Валлон указывает, что в период римских республик, отношение к рабам было достаточно гуманным (хотя отнюдь не таким, как в Древней Греции), однако с началом масштабных завоеваний и превращения Рима в империю, рабы стали не более, чем производственным инструментом и людей в истинном понимании этого слова римляне в них видеть перестали. Такому подходу способствовала и жесткая внешняя политика, которая и являлась главным источником пополнения рабских кадров. Вместе с тем, экономическая целесообразность заставила римлян ослабить невольничий гнет, превратив невольников в крепостных крестьян-колонов, которые были более производительны и менее подвержены восстаниям.

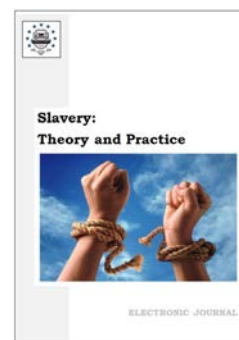
Ключевые слова: Анри Александр Валлон, 1812–1904, история античного рабства, институт античного рабовладения.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Slavery: Theory and Practice
 Issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2025. 10(1): 25-43

DOI: 10.13187/slave.2025.1.25

<https://stp.cherkasgu.press>

An Attempt at Deceiving Orenburg Authorities by a Member of Nomadic Elite: Report of Imam Ismagil Urazmukhametev about His Role in Rescuing Subjects of the Russian Empire from the Steppe (1818)

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}

^a Cherkas Global University, Houston, USA

^b Volgograd State University, Russian Federation

Abstract

The article is dedicated to problems of communication between Orenburg authorities and members of elite of the nomadic world in the first half of the 19th century in the context of struggle against slavery in Central Asia. The main sources are the report of imam Ismagil Urazmukhametev and the answer on it by the Orenburg Border Commission, both until now not included into scientific circulation.

The article shows that I. Urazmukhametev addressed Staff Commander of the Separate Orenburg Corps G.P. Veselitskii with an extensive report where he described in details his achievements in rescuing Russian Empire subjects from the Steppe (both runaways and slaves) and generally presented himself as the single member of nomadic elite loyal to the Empire. On those grounds he requested to be provided with a whole series of privileges (salary, personal muezzin etc., to the point of being ready to lead a squad of Cossacks into the Steppe). Meanwhile, most of I. Urazmukhametev's achievements even in his interpretation didn't amount to any real consequences and were coming down to him unsuccessfully trying to help runaways and slaves return to Russia. An exception was his supposed rescue of 18 people from Bukhara, but Orenburg Border Commission noted that in reality those people were brought back by Bukharan merchant N. Faizhanov. As a result, Orenburg authorities came to conclusion that I. Urazmukhametev was lying in an attempt to gain privileges from the Russian Empire, and answered to imam in a rather harsh manner about most of his requests being unacceptable.

Archival search in the materials of the Joint State Archive of the Orenburg Region shows that the case of I. Urazmukhametev isn't unique. Thus, starshina T. Aukov, too, tried to receive reward for taking people out of Bukhara, whom he didn't really rescue. Khan of Younger Dzus Sh. Aishuakov tried to slander starshina T. Chudin for rescuing a Russian officer from captivity, whom Khan himself wanted to rescue. On the other hand, there were also cases of unwarranted accusation of members of nomadic elite by Russian officials: for example, certain biy Baimukhammet, who took part in liberating several slaves, was then unfoundedly detained on suspicion of conspiring with slave-traders to raise the price for other slaves.

All this allows to say that among the members of nomadic elite were persons, whose attitude towards Russian Empire was extremely peculiar: they tried to demonstrate loyalty to it while in fact pursuing their own goals and not stopping at lying and slandering their fellow tribesmen and co-religionists. That, in turn, was amplifying xenophobic attitude already present among the Orenburg

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

authorities. As a result, this whole situation complicated the rescue of slaves of Russian descent from the Steppe.

Keywords: slavery, Central Asia, Russian Empire, communication practices, P.K. Essen.

1. Введение

В одной из своих предыдущих статей мы описали любопытный казус, случившийся в Центральной Азии в 1813 г. Лояльный Российской империи султан Среднего Жуза Сеит-Али Нур-Алиев предложил свои услуги по вывозу из Бухары подданных Российской империи, причем, судя по контексту, он имел в виду разного рода беглых людей, для которых просил даже исходатайствовать прощение у самого Александра I (Peretyatko, 2024: 10-11). Однако оренбургские власти поняли его неверно, решив, что он, помимо этого, желает помочь в освобождении содержащихся в Бухаре рабов российского происхождения («пленных» в рамках дискурса той эпохи) (Peretyatko, 2024: 11). В итоге дело закончилось ничем: С. Нур-Алиев, когда к его предполагаемой миссии проявил интерес лично оренбургский губернатор Г.С. Волконский, перестал выходить на связь (Peretyatko, 2024: 11-13). Хотя точные причины этого мы едва ли когда-либо узнаем, нам представляется вероятным, что султан оказался просто не готов к тому, что ему припишут желание спасти русских пленников, и, таким образом, имела место коммуникативная неудача при взаимодействии оренбургских властей и представителя кочевого мира (Peretyatko, 2024: 14).

Мы столь подробно останавливаемся на этой истории потому, что через 5 лет, в 1818 г., к оренбургским властям обратился другой представитель кочевого мира, имам и мухтасиб Иσμαгил Уразмухаметев, утверждавший, что был в Бухаре, выручил оттуда российских подданных и готов оказывать услуги властям и в дальнейшем (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 7). Однако на этот раз новый оренбургский губернатор П.К. Эссен передал дело на решение Оренбургской пограничной комиссии, которая предложением И. Уразмухаметева не заинтересовалась (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 5, 15-18). И, несмотря на отсутствие непосредственного результата, как нам представляется, случай И. Уразмухаметева очень любопытен сразу в нескольких отношениях. Прежде всего, как мы увидим далее, имам откровенно пытался обмануть оренбургские власти, а его мотивация к этому обману была достаточно прозрачна. В других документах оренбургских властей XIX в. встречаются тексты, демонстрирующие недоверие к представителям кочевого/мусульманского мира, причем зачастую откровенно ксенофобского характера: например, в 1830 гг. оренбургский губернатор В.А. Перовский в официальном документе, адресованном министру иностранных дел Российской империи К.В. Нессельроде, недвусмысленно писал о «тупости, скрытности и сварливости Азиатцов» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 1). Но случай И. Уразмухаметева показывает, что обвинения российскими чиновниками влиятельных кочевников в скрытности, двуличии и даже откровенной лжи не всегда диктовались подобной ксенофобией, но могли быть и вполне обоснованы.

В своей небольшой статье мы попытаемся взглянуть на случай И. Уразмухаметева в контексте отношений оренбургских властей со степью. Что означала ложь имама для него самого, оренбургских властей и находящихся в Центральной Азии рабов?

2. Материалы и методы

Основным источником для нашего исследования станет дело Объединенного государственного архива Оренбургской области о донесении И. Уразмухаметева (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874). Мы будем соотносить его с другими делами данного архива, главным образом о выходе российских подданных из Бухары и взаимоотношениях российских чиновников и представителей кочевой элиты. На этом основании, используя преимущественно микроисторические методы, мы попытаемся реконструировать логику и значение как донесения И. Уразмухаметева и ответа Оренбургской пограничной комиссии, так и других схожих случаев.

3. Обсуждение

Наиболее фундаментальной и обобщающей работой, посвященной именно личностному фактору в отношениях Российской Империи и Центральной Азии в XIX в., является монография Р.Ю. Почекаева «Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой

политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII — начало XX в.» (Почекаев, 2017). Однако в этой работе двойственность, внутренняя противоречивость деятельности некоторых представителей кочевой элиты связывается исключительно с тем, что «с одной стороны, им приходилось поддерживать официальную политику российских властей в регионе (ведь от воли губернаторов нередко зависел сам факт пребывания того или иного хана на престоле), с другой — было необходимо демонстрировать защиту интересов собственных подданных, их традиций, ценностей» (Почекаев, 2017: 10-11). Между тем, как мы увидим далее, деятельность отдельных представителей кочевой элиты могла казаться внутренне противоречивой при попытках ее оценки в рамках категорий лояльности Российской империи/готовности защищать интересы своих подданных потому, что в основе этой деятельности лежала логика, основанная на других принципах (в частности, принципе личной выгоды). Более того, как мы увидим далее, целый ряд представителей кочевой элиты пытались ввести в заблуждение оренбургских чиновников и приписать себе чужие/несуществующие заслуги перед Российской империей, чтобы получить какие-либо выгоды. Таким образом, наша статья в определенном смысле дополняет монографию Р.Ю. Почекаева, показывая, какие еще личностные факторы, кроме освещенных в этой работе, могли влиять на отношения российских чиновников и представителей кочевой элиты.

4. Результаты

Прошение имама и беглецы из Российской империи в степи

20 мая 1818 г. И. Уразмухаметев обратился к начальнику штаба Отдельного оренбургского корпуса Г.П. Веселитскому с донесением, которое было бы точнее назвать прошением (впрочем, оговоримся, что мы анализируем русский перевод текста, который мог быть не вполне точен к подобным нюансам) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 7). Возможно, из-за перевода его текст оказался настолько сумбурен и невнятен, что в дальнейшем оренбургские власти даже подготовили своеобразный пересказ этого донесения более ясным языком, выполненный одним из адъютантов оренбургского губернатора П.К. Эссена (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 4).

Большую часть донесения И. Уразмухаметев сообщал оренбургским властям о своих действиях в степи, не уточняя их датировки. Приведем подробно первый описанный им случай, чтобы показать, в чем именно выражалась указанная нами сумбурность и невнятность. По приказу коменданта Орской крепости И. Уразмухаметев ездил в степной аул, житель которого Кульбай донес, будто бы там находятся два беглых солдата (локализация этого аула не указывалась, за исключением того, что он находился «за речкой Сыр-дарьей», а доехал дотуда имам «в десять дней») (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 7). Однако по прибытию оказалось, что солдат в ауле уже нет: не называемые по имени сын и братья Кульбая выменяли беглых на юфтевые кожи у тоже безымянного бухарца (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 7). И. Уразмухаметев с братьями Кульбая отправился к этому бухарцу (на этот раз отсутствовало не только название места, куда они ехали, но и срок поездки), однако бухарец отказался бесплатно отдавать им солдат, потребовав выкупить их (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 7–70б.). Имам, видимо, хотел, чтобы заплатили сопровождавшие его кочевники, но оказалось, что у них нет «наличных червонцев» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 70б.). И. Уразмухаметев вернулся в некие «аулы», где убедил «киргизцев Кыйчабая и Кархава» (может быть, как раз родственников Кульбая, продавших бухарцу беглых солдат?) собрать «выменянные ими юфтенные кожи» и «следовать в Бухарию за реченными солдатами», но в итоге те отказались, опасаясь «дабы еще не были задержаны» российскими властями (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 70б.).

С точки зрения современного историка сообщение И. Уразмухаметева очень ценно, поскольку показывает: рабами у «киргизцев» и в Бухаре могли быть не только захваченные подданные Российской империи, но и разного рода беглые люди, самостоятельно бежавшие из ее пределов. Это важно еще и потому, что, согласно посещавшему Бухару в 1835–1836 гг. И.В. Виткевичу, в ней было всего около 25 русских пленников и еще около 50 на остальной территории эмирата, а вот «беглых татар» там находилось «великое множество» (Записки..., 1983: 116). И.В. Виткевич приводил и биографические сведения о двух дезертирах из российской армии, которые бежали в степь, были там захвачены кочевниками и проданы в Бухару (Записки..., 1983: 115). Однако более традиционным для российской историографии и

даже культуры является образ «русского пленника», захваченного в ходе набега кочевников и тяжело страдающего в рабстве у мусульман. Е.К. Созина даже вводит понятие «степного пленника», и рассматривает тексты русской литературы XIX в. о них в качестве инструмента «внутренней колонизации», призванного пробудить у читателя патриотические чувства (Созина, 2016: 7). Не удивительно, что проблематика людей, добровольно бежавших из Российской империи в степь, до сих пор специально не изучалась, и даже само их существование российской историографией не отражено.

В изученном нами массиве архивных документов оренбургских властей люди, добровольно бежавшие из Российской империи, тоже почти не фиксируются. Одним из немногих исключений является беглый солдат Андрей Вакуров, в 1830-ых гг. активно участвовавший в захвате рабов на Каспийском море и бывший фактически одним из предводителей местных морских разбойников (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4388. Л. 24, 45, 49; ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4420. Л. 16, 180б.). Однако информация о нем исходила исключительно от выбравшихся из плена людей, и поэтому ее было очень мало. Так, в одном из документов упоминается, что «Андреей Вакуров, поступивший на службу из Красноярских мещан, управляет действиями хищников, преподавая им способы к грабегам и занимая между ними должность лоцмана» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4420. Л. 16), а в другом – что «после начальника разбойничьей шайки, Киргизца Чабыка, управляет во время пленения как судами, так и разбойниками сей русский беглец, который и живет у Чабыка» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4388. Л. 45). Однако никаких сведений о том, как А. Вакуров оказался среди кочевников, нет, хотя и видно, что его случай не являлся уникальным: в документах сообщалось, что среди каспийских морских разбойников, действовавших с Мангышлака, «находится пять человек беглых Русских солдат» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4420. Л. 16).

Наконец, по самим показаниям вернувшихся в Россию пленников едва ли можно делать выводы о том, были ли они захвачены или бежали самостоятельно. Во второй половине 1830-ых гг. из Хивы было возвращено значительное число пленников, с которых брались показания (Ermachkov et al., 2021: 1780-1781). Один из них, Василий Венедиктов, первоначально был занесен в списки освобожденных как бежавший из России в Персию (там он служил в шахской армии) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 190б.). В собственном показании В. Венедиктов факт бегства из Российской империи не признал, зато рассказал крайне странную историю о том, как он якобы был послан с другими солдатами за сеном, плохо себя почувствовал, уснул, проснулся, не обнаружил других солдат, и встретил неких «Персиян», которые обещали доставить его к русским, но вместо этого отвезли в Тебриз (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 64). А из документов Оренбургской пограничной комиссии следует, что первоначальный список освобожденных рабов составлял некий «Губернский Секретарь Аитов», записавший В. Венедиктова беглым солдатом «по словам других пленников» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 70).

И случай, описанный И. Уразмухаметевым, в подобном контексте, при всей неясности описания, оказывается едва ли не единственным свидетельством: даже относительно лояльные Российской империи кочевники могли принимать участие в продаже беглых людей в Бухару. Более того, поскольку ни сам И. Уразмухаметев, ни работавшие с его донесением оренбургские чиновники не дали никаких специальных комментариев к данному случаю, можно сделать вывод, что он был для них в порядке вещей. Таким образом, мы располагаем косвенным, но важным архивным подтверждением того, что источником рабов из Российской империи в Центральной Азии XIX в. был не только прямой захват российских подданных, но и бегство в степь дезертиров из российской армии (обратим внимание, что во всех разобранных нами случаях фигурируют именно дезертиры).

Однако с точки зрения чиновников той эпохи описание И. Уразмухаметевым случая с двумя беглыми было крайне неудачным. Самое главное – из него оставалось абсолютно непонятно, как звали двух беглых российских солдат и у кого они в итоге оказались. Очевидно, что эта информация была необходима для выручки двух русских из Бухарского эмирата в первую очередь, а И. Уразмухаметев мог легко узнать и сообщить ее. Далее мы увидим, что оренбургские власти действительно интересовались именами солдат. Таким образом, фактически конкретные сведения, сообщенные имамом Г.П. Веселитскому о двух беглых солдатах, сводились к тому, что их продали куда-то в Бухару, но понять, кто, кому и даже кого продал, оказывалось невозможным.

Столь же запутанно и малоинформативно И. Уразмухаметев описывал и другие случаи, произошедшие в степи и связанные главным образом с пленниками, являвшимися подданными Российской империи. Так, он сообщал, будто бы некие «Бискам, Туктагул и Усень Сокуровы» «привезли к себе в аулы из крепости Орской одного российского человека» (обратим внимание, что в донесении опять нет имени этого человека) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 70б.). Почему-то решив, что его будут переправлять в Бухарский эмират, имам явился в эти аулы, однако там ему сообщили: «помянутой пленный российский человек будто бы от стужи помер» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 70б.). Однако какие-то «другие люди» утверждали, что пленник жив и его отвезли в Бухару, чтобы продать, а на вырученные деньги выкупить двух беглых солдат, о которых имам писал выше (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 70б.). Наконец, «носились слухи», что пленника продадут, но солдат спасти не будут (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 8).

Столь же неудачны были и якобы предпринятые И. Уразмухаметевым попытки вывезти в Российскую империю других пленников/беглых. Бикет-Кунгурбай Абаданов и Туваберган Куякбаев, по мнению имама, выкрали из Троицка некоего крещеного кочевника по имени Афанасий и доставили в кибитку «девицы, именуемой Хазарой» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 8). И. Уразмухаметев явился в эту кибитку, но ему не дали поговорить с Афанасием (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 8). Тюбет-Тукбай Маркабаев выкрал очередного не названного по имени русского из Орской крепости (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 8). И. Уразмухаметев просил через неких попутчиков не продавать его, однако Т. Маркабаев увез его в Бухарский эмират (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 8–80б.). Наконец, Ниязбайтангат Дзанбаев купил находящегося в рабстве уже 25 лет И.А. Утробина, и имам уговаривал освободить этого пленника (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 80б.). Хозяин был готов продать его, однако этот вариант не устроил уже самого И. Уразмухаметева (интересно отметить, что в этом случае имам говорил с рабом лично, и тот просил «дабы я о выручке его из орды донес главному начальству») (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 80б.).

Наконец, помимо этих конкретных случаев, И. Уразмухаметев описывал ситуацию с подданными Российской империи в степи в целом, причем его оценка этой ситуации представляется нам достаточно интересной, чтобы привести ее целиком: «Сверх того, слухи носят, что и в прочих местах находятся из магометан беглые солдаты, которые по большей части убегают из России с выходящими караванами, а чумекейского рода Султан Темир Иралиев, караванные начальники и вожаки, одного каравана старшины, хотя об оных беглецах и знают, но скрывают» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 80б.–9). Таким образом, с точки зрения имама, основную массу людей в степи, на которых могла бы претендовать Российская империя, составляли не захваченные в ходе набегов пленники-рабы, но мусульмане, дезертировавшие из российской армии. Подобное мнение может показаться странным, однако следует учесть, что как раз на конец 1810-ых гг. пришелся период стабильности в отношениях Российской империи и степи. По позднейшим сведениям Оренбургской пограничной комиссии (впрочем, возможно, не полным, т. е. заниженным) в 1815 г. в оренбургском пограничье кочевниками было пленено всего 10 человек, в 1816 г. – 7, в 1817 г. – 5, а в 1818 г. – 4 (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 300б.). Для сравнения, в 1814 г., пиковом во второй декаде XIX в., было захвачено 28 человек, а в 1823 г., в разгар восстания Ж. Тленшиулы – 113 (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 300б.). Следовательно, именно во второй половине 1810-ых гг. действительно могла наблюдаться ситуация, когда количество беглецов в степь превышало число людей, захваченных кочевниками во время набегов.

И И. Уразмухаметев, описав эту проблему, связывал ее с недостаточной лояльностью степных правителей к Российской империи. Вообще его донесение содержит целый ряд указаний на то, будто бы он едва ли не в одиночку защищал российские интересы среди кочевников, за что подвергался риску и даже насилию: «Киргизские султаны и старшины за рукоприкладством тамгов намереваются донести главному начальнику, чтоб донесения мои об них почитались ложными, отчего я, имея опасность, предварительно имею честь донести Вашему Превосходительству» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 8); «За розданный мной товар должники не расплачиваются, говоря при том, что <раз> я придерживаюсь к стороне России, то и товаром моим пользоваться они имеют право» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 100б.); «Меня Тухинского отделения Ишкара-Туранбай Сутбаев был немилосердно, от чего имею на лице знаки, но даже хотел было он меня зарезать ножом» (ОГАОО. Ф. 6.

Оп. 10. Д. 1874. Л. 10). Обидел имама и некий Сейфудин Рахшинкулов, возможно, беглый солдат. С. Рахшинкулов заявлял имаму, будто бы находится в степи с ведома и разрешения как коменданта Орской крепости, так и Оренбургской пограничной комиссии, однако И. Уразмухаметев приводил его как пример бежавшего из России солдата (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 9). Это место донесения выглядит совершенно наивным в своей необъективности. Никаких доказательств вины С. Рахшинкулова имам не указывал, зато сообщал о нем дословно следующее: «По векселям состоит он должным тысячу пятьсот рублей, которые не платит» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 9).

В итоге наименее интересная для нас часть донесения имама посвящена предложениям повысить его статус различными способами, чтобы он служил проводником российского влияния в степи. Сам И. Уразмухаметев формулировал это так: «долженствует мне по обязанности своей и по закону магометанскому киргизцев от худых поступков воздержать и приводить на истинный путь, и чтоб знали, что есть закон магометанский и российский» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 10). Имам утверждал, будто бы ему «обещали» (совершенно не ясно кто) выделить лошадь и средства на дорожные расходы, а он мог объезжать аулы и выручать оттуда русских (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 90б.). На практике это выполнено не было (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 90б.). И теперь И. Уразмухаметев просил, чтобы его в поездках по степи сопровождали старшины разных родов, а еще ему выделили персонального муэдзина (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 100б.). Не ограничиваясь этим, он настаивал, чтобы Оренбургская пограничная комиссия приказала всем муллам составить списки кибиток (наивно, как и в случае с С. Рахшинкуловым, указывая, что эти списки нужны ему для получения «положенного» подаяния, т. е. религиозного налога) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 100б.–11), и даже, вмешиваясь в совершенно не касающиеся его дела, предлагал запретить живущим в Орской крепости бухарцам контактировать с бухарскими караванщиками в период отхода караванов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 9). Наконец, уже откровенной фантастикой выглядела готовность имама «не щадя живота своего, до последней капли крови» наводить порядок в аулах... если ему представят отряд казаков (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 12). На этом фоне просьба И. Уразмухаметева назначить ему жалование и компенсировать финансовые издержки, понесенные во время неустанной службы России, выглядели почти скромно (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 120б.).

Поездка имама в Бухару и позиция бухарских властей в вопросе о рабах-подданных Российской империи

Ближе к концу письма И. Уразмухаметев описывал наиболее интересный для нас произошедший с ним случай, касавшийся его поездки в Бухару. Хотя это описание, подобно прочим, вышло сумбурным и малоинформативным, в соответствии с ним действия имама в Бухаре выглядели следующим образом.

Упомянувшийся нами выше оренбургский губернатор Г.С. Волконский (тот самый, который проявил интерес к несостоявшейся поездке в Бухару султана С. Нур-Алиева) направил И. Уразмухаметева муллой к одному из лояльных Российской империи кочевых султанов, Т. Иралиеву (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 12). В свою очередь, Т. Иралиев отправил имама с некими «письмами своими» в Бухару (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 12). К сожалению, из донесения И. Уразмухаметева совершенно не ясно, что подразумевается под «письмами» – личная переписка, которую имам должен был передать корреспондентам султана, или некие верительные грамоты, подтверждающие, что он находится в Бухаре с поручением вывезти оттуда подданных Российской империи. Соответственно, если речь идет о верительных грамотах, не ясно и то, были ли поставлены о них в известность российские власти. В любом случае, в Бухаре И. Уразмухаметев был представителем только одного из кочевых султанов, а не оренбургских чиновников.

Тем не менее, к нему якобы обращались многие подданные Российской империи. «Находящиеся в плену» (т. е. рабы) просили его передать оренбургскому военному губернатору просьбу об их выкупе (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 11). Обратим внимание, что речь идет именно о выкупе: т. е. рабы считали, что их освобождение возможно, но только в случае получения хозяевами компенсации (напомним, что аналогичным образом вел себя и бухарец-хозяин двух сбежавших в степь российских солдат, с которым

говорил И. Уразмухаметов). Имам упоминал и таких людей, которые были «отпущены на волю», освобожденных рабов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 11). Судя по контексту, никаких препятствий к возвращению их в Россию бухарские власти не чинили, и причиной невозврата было отсутствие денег. Во всяком случае, свою неспособность вернуть их И. Уразмухаметов связывал исключительно с тем, что «на своем коште везти их также я был не в силах» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 11). Обратим внимание, что эта информация хорошо соотносится с известными нам случаями отдельных рабов, которые в 1810 гг. без проблем самостоятельно выбирались из Бухары в Россию, если они были достаточно богаты, чтобы выкупиться самостоятельно (Peretyatko, 2024: 9-10). В уже знакомой нам манере И. Уразмухаметов пытался переложить траты по вызволению российских подданных на других людей, предложив им попробовать выйти в Россию с караваном некоего «Султана Ширгазья» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 11–110б.). Этот караван действительно вывез одного человека, некоего Сергея (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 110б.). Наконец, писал И. Уразмухаметов и о находящихся в Бухаре беглых из Российской империи. Для нас интересно, что он называл их «пробравшиеся в оный город Бухарию по различным сделанным ими погрешностям магометане» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 110б.). Таким образом, мы получаем еще одно свидетельство о том, что в Бухаре были беглые из Российской империи, среди этих беглых были мусульмане, и бежали они, совершив какие-то преступления. Обратившиеся к имаму беглые утверждали, будто бы готовы немедленно вернуться в Россию, если получают некий «Всемиловейший манифест» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 110б.). Судя по контексту речь шла о официальном прощении их преступлений. Как мы помним, султан С. Нур-Алиев тоже просил исходатайствовать прощение для беглых людей, которых он был готов вывезти из Бухары. Следовательно, часть подобных людей действительно была готова вернуться в Россию, но боялась сделать это, не получив официального прощения за совершенные преступления.

И. Уразмухаметов утверждал, что ему уже удалось вывезти «по манифесту» из Бухары 18 человек с караваном, в числе которых был «один русский» (т. е. остальные, видимо, были подданными России мусульманами) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 12). При этом он не уточнял, почему им не было отдано предпочтение бывшим рабам русского происхождения, которым, как мы помним, он посоветовал следовать с другим караваном из-за отсутствия денег на их вывоз. Тем не менее, имам ставил совершенное действие себе в заслугу и это был фактически единственный случай, когда он якобы действительно смог вернуть в российские пределы российских подданных, а не только безуспешно просить об осуществлении подобного возврата третьих лиц (будь то хозяева рабов или какие-то кочевники, которые могли бы помочь в выкупе/вывозе российских подданных). И. Уразмухаметов утверждал, что о его заслугах должен был сообщить в Оренбургскую пограничную комиссию не только Т. Иралиев, но и лично последний хан Младшего Жуза Ш. Айшуаков (единственная фигурирующая в донесении имама фигура, достаточно значимая, чтобы в дальнейшем удостоиться специального внимания историков) (Избасарова, 2016: 98-107). Однако награды за совершенные действия И. Уразмухаметов не получил (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 12).

На момент написания нашей статьи о несостоявшейся поездке в Бухару султана С. Нур-Алиева нам не был известен случай И. Уразмухаметова, и мы предполагали, что российская власть почти не пользовалась услугами посредников для выручки российских подданных из Бухары, а переговоры на этот счет велись непосредственно с бухарскими властями (Peretyatko, 2024: 4-6). Однако дальнейший архивный поиск показал, что именно в 1810-ые гг. ситуация была значительно более сложной. На этот период действительно приходится режим наибольшего благоприятствования бухарских властей к подданным Российской империи. В 1814 г. даже произошел уникальный случай (по крайней мере, его аналогов нами не обнаружено): «Бухарского владения чиновник Диван-Беги Ишмухамет Байкшиев» 28 сентября передал Оренбургской пограничной комиссии спасенного им из рабства у кочевников казака Степана Сорокина (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1203. Л. 1–2). К сожалению, подробностей в соответствующем архивном деле нет, но, судя по контексту, бухарский чиновник действовал по собственной инициативе. Это пока единственный известный нам случай, когда представитель бухарских властей не просто согласился помочь оренбургским чиновникам в борьбе с рабовладением, но самостоятельно спас раба-подданного Российской империи, запроса на спасение которого от российской стороны не поступало.

Однако речь в данном случае шла о освобождении раба, находившегося за пределами Бухарского эмирата. Ситуация же с подданными Российской империи, принадлежащими бухарцам, была значительно более сложной. Возможно, окончательное ее ухудшение пришлось на период губернаторства П.К. Эссена. Дело в том, что 29 апреля как раз того 1818 г., когда И. Уразмухаметев подал свое донесение начальнику штаба Отдельного оренбургского корпуса Г.П. Веселитскому, непосредственно к оренбургскому губернатору П.К. Эсену обратился с письмом бухарский эмир Хайдар (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1644. Л. 19). В этом письме эмир жаловался, что лояльные России кочевники обирают и даже откровенно грабят бухарские караваны, и просил принять меры (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1644. Л. 19). Однако П.К. Эссен, вместо того чтобы наказать грабителей или придать караванам надежную охрану из российских войск, ограничился тем, что 30 августа 1818 г. обратился к кочевым правителям, приказав им защищать очередной вышедший из Троицка бухарский караван от «всяких обид и притеснений в степи» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1644. Л. 190б.). В свою очередь, оренбургский губернатор написал бухарскому эмиру письмо с просьбой взамен за оказанную услугу запретить своим подданным покупать «Российских людей» и выдать таковых, уже находящихся в Бухаре (обратим внимание, что прилагался и конкретный их список, очень небольшой – всего 7 фамилий, хотя, понятно, часть русских рабов в Бухаре могла быть неизвестна оренбургскому губернатору) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1644. Л. 20). На эту просьбу эмир Хайдар отреагировал так, что в его ответе можно углядеть даже скрытую издевку за формальное решение вопроса с охраной бухарских караванов: он обещал возвращать «Российских пленников» в будущем, но только в индивидуальном порядке, если уведомление о подобном пленнике, которого нужно освободить, пришлет ему лично оренбургский губернатор, а вопрос о людях, уже удерживающихся в Бухаре, проигнорировал (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1644. Л. 200б.).

В этом контексте любопытно, что, когда в 1833–1834 гг. Бухару инкогнито посещал чиновник Оренбургской пограничной комиссии П.И. Демезон, представители бухарских властей жаловались ему как раз на неисполнение Российской империей своих обязательств по охране бухарских караванов: хотя ранее посещавший Бухару некий «русский посол» (возможно, имеется в виду посольство 1820–1821 гг.) обещал, что один караван в год будет охраняться российским отрядом до самой Бухары, выполнено это не было (Записки..., 1983: 43). При этом П.И. Демезон тоже, подобно П.К. Эсену ранее, пытался вести переговоры о освобождении рабов, захваченных из Российской империи, но теперь даже не поднимал вопроса о возможности оказания какой-либо ответной услуги бухарскому правительству российскими властями (Записки..., 1983: 25, 50). Таким образом, складывалась откровенно неприятная для обеих сторон ситуация: Российская империя хотела добиться от Бухарского эмирата освобождения похищенных с ее территории рабов, а Бухарский эмират от Российской империи – надежной охраны следующих с ее территории бухарских караванов, но при этом выполнять просьбы другой стороны в одностороннем порядке не желала ни одна, ни другая сторона.

В 1818–1819 гг. ситуацию дополнительно обострило получение П.К. Эсеном письма из Бухары от рабов русского происхождения. К сожалению, мы не знаем ни точной даты написания этого письма, ни точной даты его получения. Противоречит оно и всему тому, что мы знаем о положении подданных Российской империи в Бухаре. Как мы видели выше, в 1810-ые гг. были случаи, когда рабы русского происхождения выкупались из Бухары самостоятельно, бухарские власти не мешали отъезду в Россию освободившихся рабов и беглых мусульман, а однажды бухарский чиновник даже освободил раба русского происхождения от мусульман-кочевников и отвез его в Россию. В целом складывается впечатление, что бухарские власти не считали принципиально важным сохранение рабского статуса у немногочисленных рабов из России, но и не планировали освобождать их без каких-либо ответных действий с российской стороны, рассматривая данный вопрос как предмет торга с целью получения лучшей охраны своих караванов российскими отрядами. Соответственно, вопрос о статусе раба становился частным делом его хозяина, и, что логично в данной ситуации, как правило, освобождение за выкуп не было проблемой, но бесплатно освобождать рабов хозяева не желали. Между тем полученное П.К. Эсеном письмо скорее напоминает сборник клише о тяжких страданиях невольников в руках почти карикатурных злодеев.

Наиболее яркое в этом отношении место в письме недвусмысленно сообщало: «Ныне в Бухарии жить нельзя: как скоро узнает, что хорошие люди есть, ту минуту в город привезут, ту же минуту повесят» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1644. Л. 22). Это письмо написали двое невольников, Константин Мартынов и Григорий Злобин, утверждавшие, будто бы в прошлом году невольники уже писали подобные письма, но узнавший об этом «Бухарский Паша» (судя по контексту, эмир Хайдар) повесил трех человек (их имена не сообщались) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1644. Л. 210б.). Невольники не столько описывали свое положение, сколько живописали действия бухарских властей, в их интерпретации постоянно издевавшихся над оренбургским губернатором. Так, эмиру Хайдару приписывались следующие слова (откуда их узнали невольники, не сообщалось): «Кафыр (лично П.К. Эссен – А.П.) присылает ко мне бумаги; я этому ничего не верю; я в своей земле Амир» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1644. Л. 210б.). Начальнику каравана, в котором ехал бухарец, передававший эмиру письма от П.К. Эссена, приписывалась следующая цитата (тоже без уточнения источника информации о ней): «Издери и брось (письма от П.К. Эссена – А.П.); и оные сообщники, ибо нашему Амиру бумаги не в пользу, а русских всех людей Амир говорит «перевешаю, а в Россию не выдам» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1644. Л. 210б.). Правда, буквально на следующем листе письма Хайдару приписывалась уже готовность освободить русских рабов за выкуп: «Ежели увижу бумаги Российского Царя и оному поверю, и пришлет деньги, и плен выдам; а без денег ни единого человека не дам» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1644. Л. 23). Приводился и один случай убийства конкретного русского, с указанием его имени, однако крайне невнятно. Из описания следовало, что некий Сергей Пятков приехал в Бухару с «Киргизцем Ширгазой», бухарцы подговаривали караванщиков убить русского, и некие «Киргизцы» действительно его убили (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1644. Л. 22). Таким образом, в данном случае подданный Российской империи был убит не относительно дружественными России бухарцами, а степными кочевниками, но К. Мартынов и Г. Злобин были уверены (без приведения каких-либо доказательств), что инициаторам убийства были не названные по именам бухарцы. Все это сообщалось для того, чтобы убедить П.К. Эссена в необходимости задержать в России бухарских караванщиков до тех пор, пока Бухара не отпустит русских рабов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1644. Л. 220б.).

Мы считаем важным подчеркнуть, что П.К. Эссен сам характеризовал информацию, сообщенную в письме К. Мартынова и Г. Злобина, следующим образом: «Все сие изображено в виде преувеличенном» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1644. Л. 29). Тем не менее, он счел нужным сообщить министру иностранных дел российской империи К.В. Нессельроде не только о фактическом отказе бухарского эмира возвращать рабов из Российской империи, но и об этом письме, полагая, что оно все же имеет под собой какую-то реальную подоплеку (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1644. Л. 27–300б.). Оренбургский губернатор предлагал обсудить всю эту ситуацию с как раз в это время направлявшимся в Санкт-Петербург бухарским посланником (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1644. Л. 290б–300б.). В целом же П.К. Эссен совершенно однозначно писал, что, прежде чем получить от Российской империи обеспечение защиты караванов, бухарский эмир должен был продемонстрировать «благоразумие к пользам России» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1644. Л. 290б.).

И именно с этого времени мы почти перестаем фиксировать периодически попадавшиеся в 1810-ые гг. в материалах Оренбургской пограничной комиссии сведения о выходе российских подданных из Бухары. На момент написания статьи о несостоявшейся поездке в Бухару С. Нур-Алиева мы знали о 2 случаях выкупа невольников русского происхождения, произошедших в 1800–1810 гг., причем в каждом случае выкупался 1 раб, но в документах о них упоминаются еще 2 человека, вышедших из бухарского рабства в Российскую империю (Peretyatko, 2024: 9-10). Теперь мы можем сказать, что как раз султан, при котором И. Уразмухаметев был муллой, Т. Иралиев, в 1813 г. доставил из Бухары в Орскую крепость 5 человек, видимо, бывших рабов русского происхождения (в их числе был сын священника) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1322. Л. 5–50б.). В 1814 старшина Т. Ауков вывез из Бухары 12 «беглых татар» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1322. Л. 50б.). Наконец, убитый в Бухаре С. Пятков, по сообщению П.К. Эссена, в 1817 г. был выкуплен оттуда «Султаном Ширгазием Каиповым» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1644. Л. 280б.) (кстати, из того, что бывший раб поехал обратно в Бухару, следует, что он не считал положение дел в ней столь ужасным, как его описывали в своем письме другие невольники). Наконец, как мы видели,

в донесении И. Уразмухаметева фигурируют вышедшие с его помощью из Бухары 18 человек (далее мы убедимся, что информация о их выходе была подтверждена Оренбургской пограничной комиссией – но с важным нюансом). Соответственно, именно в 1810 гг. русские подданные активно вывозились из Бухары различными посредниками, которые не добивались их официального освобождения властями, а выкупали. Для сравнения, в 1820-ые гг. мы обнаружили всего один случай выкупа раба из Бухары, причем он заранее согласовывался в Оренбургской пограничной комиссии и был разрешен «с тем, что сие не должно быть в пример другим, и единственно для того, чтобы сделать первый опыт в успехе выручки из неволи пленников, и чтобы узнать, произойдет ли от сего желаемый успех в таковом деле» (т. е. о том, что подобные выкупы были распространены в 1810-ые гг. в комиссии уже забили – или считали, что ситуация изменилась настолько, что эти выкупы стали нерепрезентативны для новой ситуации) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 9).

Однако со следующего десятилетия ситуация меняется. Российское посольство в Бухару 1820–1821 гг., по утверждению его участника Е.К. Мейендорфа, еще пыталось выкупать рабов, но столкнулось с препятствиями к этому со стороны бухарских властей (хотя выкупить 10 человек удалось) (Мейендорф, 1975: 146). А в 1830-ые гг. российские эмиссары в Бухаре, П.И. Демезон и И.В. Виткевич уже будут откровенно настаивать на том, чтобы русские рабы были не выкуплены, а освобождены приказом властей, в то же время выступая не как официальные посланники, а как частные лица, и не обещая никаких ответных действий в благодарность за подобное освобождение от Российской империи (Записки..., 1983: 25, 107). Таким образом, с 1820-ых гг. отношения Российской империи и Бухарского эмирата заметно портятся, и на этом фоне бухарские власти, вероятно, начинают менее лояльно относиться к возврату в Россию захваченных на ее территории рабов и дезертировавших из ее армии солдат.

Таким образом, описанный И. Уразмухаметевым случай выхода из Бухары в 1810-ые гг. 18 подданных Российской империи не представлял собой чего-либо уникального, напротив, он был характерным для этого периода российско-бухарских отношений. Однако в данном случае мы располагаем уникальным источником – пускай сумбурным и недостоверным, но собственным донесением лица, присутствовавшего подобном выходе, а не его пересказом российскими чиновниками. Как мы увидим далее, Оренбургская пограничная комиссия подтвердила: И. Уразмухаметев действительно был в Бухаре, когда там организовывали выход указанных 18 человек.

Ответ Оренбургской пограничной комиссии и ложь имама

Мы не будем подробно останавливаться на пересказе донесения И. Уразмухаметева адъютантом П.К. Эссена. Отметим лишь несколько фактов, связанных с этим пересказом. Прежде всего, в данном случае коммуникативной неудачи не произошло: содержание донесения имама было передано достаточно корректно, исключены оказались только частные детали, и, главное, все, сообщаемое И. Уразмухаметевым, получило четкую и логичную структуру. В пересказе сначала описывались все случаи конкретных русских подданных в степи, упомянутые имамом (эта часть подверглась наименьшим сокращениям), затем описывалось тяжелое положение И. Уразмухаметева в степи и приводились его просьбы (тут, напротив, сокращения были максимальны и исключены были как многие детали, живописующие ненависть кочевников к имаму, так и заведомо невыполнимые просьбы последнего, вроде предоставления ему отряда казаков), а в конце кратко и четко сообщалось о ситуации с российскими подданными в Бухаре (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 1–4). Для нас особенно интересно, что при этом оказалась полностью исключена вся информация о деталях поездки И. Уразмухаметева в Бухару и его участии в выходе оттуда 18 человек, зато сообщенное имаму различными категориями российских подданных приводилось четко и ясно: «Пленники русские в Бухарии просили его ходатайствовать у Вашего Превосходительства о выручке их; что некоторые отпущенные на волю хотели было поехать в Россию с ним, но ни у них, ни у него не было на то денег; что проживающие в Бухарии по разным соделанным ими в России преступлениям просят исходатайствовать милостивого Манифеста о прощении их; дабы могли возвратиться в Россию» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 3об.–4).

Таким образом, хотя коммуникативной неудачи не произошло, направленность первоначального донесения И. Уразмухаметева и его пересказа одним из адъютантов

П.К. Эссена различались. В тексте имама важным, если не важнейшим слоем содержания оказывается демонстрация личной лояльности Российской империи и жертв, на которые он шел из-за этой лояльности. Адъютанта П.К. Эссена, напротив, этот слой содержания интересовал мало и был крайне сокращен, зато принципиально важным и подвергавшимся наименьшим сокращениям оказывался слой смысла, связанный с информацией о положении российских подданных в степи и в Бухаре.

А вот реакция Оренбургской пограничной комиссии на донесение имама была крайне своеобразной. В тексте ее ответа от 20 июля 1818 г. сквозит откровенное раздражение – и, как мы увидим далее, к этому действительно были основания (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 15).

Наиболее подробно Оренбургская пограничная комиссия разбирала первый из описанных И. Уразмухаметевым случаев, с двумя беглыми солдатами. Вокруг них вообще сложилась крайне странная ситуация. Четверо кочевников, Кусай, Исман, Кулбай (т. е. Кульбай из донесения имама) и Сарый Тюгулевы действительно вывезли из Орской крепости двух «российских людей», однако точной информацией о том, кем были эти люди, оренбургские власти не располагали (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 15) (напомним, что И. Уразмухаметев тоже не выяснил их имен). Однако С. Тюгулев утверждал, что вывезенные им русские были в шинелях, что дало основания коменданту Орской крепости предполагать: речь идет о солдатах (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 15об.). Однако российские чиновники предполагали, что эти солдаты не бежали, а были захвачены кочевниками (мы снова возвращаемся к сюжету о том, что беглые в документации оренбургских властей фиксировались слабо) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 15–16об.). Никакой информацией о том, чтобы И. Уразмухаметеву было поручено доставить этих людей в Россию, Оренбургская пограничная комиссия, по-видимому, не располагала. Более того еще в 1817 г. были арестованы С. Тюгулев и некий «отставной хорунжий Япар Усеинов», якобы продавший этих людей, в расчете на то, что их родственники вырчат пленников (т. е. их собирались отпустить в случае возвращения солдат) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 15–16об.). Более того, обеспечить доставку пленников назад в Россию обещали «бухарские караванные начальники Худайназар Акназаров, Мираншан Мир-Абаулин и киргизский старшина Каршау Байакалов» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 15об.). Как мы видим, в освобождении этих пленников российские власти действительно надеялись на помощь представителей мусульманского мира – но не И. Уразмухаметева.

Нужно отметить, что до того, как было получено донесение имама, российские власти проявляли крайнюю халатность в разрешении этого дела. Орский комендант не присылал никакой информации о том, привели ли принятые им меры к какому-либо успеху (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 15об.). Оренбургская пограничная комиссия на это никак не реагировала, и только получив донесение имама решила одновременно потребовать от Орского коменданта снять показания с Я. Усеинова о том, продавал ли он двух невольников, и если да, то как этих невольников звали; выяснить, какие именно солдаты подчиненного ему гарнизонного батальона (!) или соседних гарнизонов были похищены, как, кем и когда; сообщить, не возвращены ли двое невольников из Бухары; передать Оренбургской пограничной комиссии С. Тюгулева и Я. Усаинова, а также возвращенных невольников, если они вернулись (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 16–16об.). Нам остается констатировать, что ситуация с похищением/бегством двух солдат из Орской крепости действительно была крайне запутанной, прежде всего, из-за того, что местные власти даже через год не удосужились установить имена фигурантов, но И. Уразмухаметева точно не посылали их вывозить из степи.

Аналогичную халатность проявила Оренбургская пограничная комиссия и в случае с теми российскими подданными, для которых И. Уразмухаметев указывал точную локализацию в степи и имена. В ее ответе просто не фигурируют Афанасий (напомним, бывший в кибитке у некоей «девицы Хазары») и И.А. Утробин (принадлежащий Н. Дзанбаеву). Подобное игнорирование именно тех российских подданных в степи, информация о которых могла быть проверена (при том, что один из них четко позиционировался рабом, просившим выкупить его) позволяет предположить, что чиновники Оренбургской пограничной комиссии проявляли не просто халатность, но крайне специфическое отношение к своим обязанностям, не желая связываться с

потенциально проблемной задачей выручать из рабства незначительных лиц, информация о которых поступила из ненадежного источника.

А вот о двух безымянных подданных Российской империи, вывезенных, согласно И. Уразмухаметеву, в степь Б., Т. и У. Сокуровыми (первый) и Т. Маркабаевым (второй) Пограничная комиссия писала весьма своеобразно. Она выражала сомнение в том, что эти люди вообще существуют, и предлагала коменданту Орской крепости установить: «Не скрывается ли в самом деле от имама Исмагила Уразмухаметева одной клеветы, по какому-нибудь недоброжелательству к тем киргизцам» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 160б.). В случае же, если имам окажется прав, предлагалось выручать этих людей из степи без его участия (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 160б.–17).

Таким образом, в целом можно констатировать, что Оренбургская пограничная комиссия совершенно не заинтересовалась сведениями, сообщенными И. Уразмухаметевым о находящихся в степи российских подданных. Как нам представляется, важной причиной этого являлось то, что только в одном случае (с двумя солдатами из Орской крепости) оренбургские власти уже знали о похищении (реальном или мнимом) фигурирующих в донесении И. Уразмухаметева лиц и вели их поиск хотя бы формально. Следовательно, сообщения имама не столько помогали в скорейшем разрешении уже выполнявшихся Оренбургской пограничной комиссией задач по выручке русских пленников из степи, сколько ставили перед ней новые задачи.

Хотя на первый взгляд подобная позиция Оренбургской пограничной комиссии граничила с должностным преступлением, у нее были серьезные причины не доверять И. Уразмухаметеву. И дело было не только в том, что он приписал себе выполнение поручения Орского коменданта о выручке из степи двух беглых солдат. Самой проблемной частью донесения имама оказалось описание им своей поездки в Бухару.

Оренбургская пограничная комиссия полагала, что в своем донесении И. Уразмухаметев описывает события 1816 г., когда из Бухары с караваном действительно вернулось 18 «беглых магометан» (т. е. русского, вопреки утверждению имама, в их числе не было) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 180б.). Однако главную заслугу в этом деле Пограничная комиссия возлагала не на И. Уразмухаметева и даже не на кого-то из лояльных Российской империи кочевников, а на бухарца: «бухарский купец Набыржан Фаизжанов» не только сделал «предложение» этим людям вернуться в Россию, но и оплатил их поездку (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 180б.). Таким образом, мы снова убеждаемся, что в 1810-ые гг. отношения Российской империи и Бухарского эмирата были достаточно дружественными, и бухарские власти не препятствовали своим подданным, если они желали как-либо содействовать российским чиновникам в вывозе российских подданных в Россию. К сожалению, в деле нет деталей о том, какова была мотивация Н. Фаизжанова, и о том, получил ли он какую-либо награду. Уже знакомому нам султану Т. Иралиеву в заслугу ставилось «препровождение» каравана с возвращающимися в Россию людьми к российским границам (т. е., видимо, охрана этого каравана) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 180б.). В то же время Оренбургская пограничная комиссия располагала данными, что в то время И. Уразмухаметев был в Бухаре, но не как самостоятельное лицо, а сопровождая султана Т. Иралиева (при котором он, напомним, состоял муллой) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 180б.). Как мы видим, И. Уразмухаметев совершенно осознанно пытался ввести оренбургские власти в заблуждение, приписав себе чужие заслуги.

И вполне логично, что после этого чиновники Оренбургской пограничной комиссии не были готовы тратить время и силы, пытаясь проверять представленную им информацию о находящихся в степи подданных Российской империи, которая вполне могла оказаться ложной или искаженной (в конце концов, почему Афанасий не мог находиться в кибитке «девицы Хазары» по своей воле?). Безусловно, определенная доля халатности в этом была, но в обоих случаях, описанных в донесении И. Уразмухаметева, для которых Оренбургская пограничная комиссия располагала независимыми источниками информации, приведенные факты не подтвердились (имам не был послан комендантом Орской крепости искать в степи двух беглых солдат и не выводил из Бухары 18 российских подданных). В подобных условиях было логично игнорировать всю информацию, сообщенную И. Уразмухаметевым, как заведомо недостоверную.

Единственным случаем, в котором Оренбургская пограничная комиссия с определенным вниманием отнеслась к сведениям, сообщенным И. Уразмухаметевым, был случай С. Рахшинкулова. Оренбургская пограничная комиссия подтверждала, что не располагает сведениями о пребывании последнего в степи (т. е. разрешения на это пребывание она ему не выдавала), и предлагала просто вызвать его к коменданту Орской крепости для того, чтобы последний разобрался в ситуации (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 17). В то же время комиссия обращала внимание на то, что имам связал свой донос на именно этого беглого солдата с тем, что последний задолжал ему крупную сумму и отказывался платить, и подчеркивала, что взыскание данного долга является частным делом И. Уразмухаметева (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 17). Что касается других, неназываемых беглых солдат, то Оренбургская пограничная комиссия предлагала обратиться с запросом о их выдаче к султану Т. Иралиеву и бухарским караванщикам (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 170б.). Едва ли это решение было оптимальным (трудно представить, чтобы дезертирам из российской армии удавалось сколько-либо массово бежать в Бухару без содействия по крайней мере отдельных бухарских караванщиков). Однако из всего, описанного выше, нетрудно видеть, что у Оренбургской пограничной комиссии действительно было больше оснований доверять Т. Иралиеву и по крайней мере отдельным бухарским караванщикам, реально помогавшим подданным Российской империи в Бухаре, а не откровенно вравшему в своем донесении имаму.

Наконец, с учетом всего вышеизложенного понятно, что на все просьбы И. Уразмухаметева о повышении его статуса в степи и улучшении условий его службы Оренбургская пограничная комиссия реагировала с очевидным раздражением. Так, комиссия отмечала не только то, что другим муллам она никогда не назначала постоянного содержания, но и то, что И. Уразмухаметев «находится в орде не более еще трех лет, и в течение сего времени ничего такого не оказал по службе, чтоб могло дать ему право на получение жалования» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 180б.). Комиссия сочла невозможным представить имаму даже список всех мулл, находящихся в Младшем Жузе с формулировкой: «Обязанность его есть не сведения собирать о таковых людях, а исполнять поручения начальства» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 170б.–18). Все прочие претензии И. Уразмухаметева были отвергнуты со следующей недвусмысленной формулировкой: «Домогательство его ясно представляет корыстолюбивые виды и прихоти» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 18). Но, возможно, наиболее красноречивой была реакция Оренбургской пограничной комиссии на жалобы имама, связанные с тем, что многие кочевники не платили ему долги (напомним дословную формулировку: «за розданный мной товар должники не расплачиваются, говоря при том, что <раз> я придерживаюсь к стороне России, то и товаром моим пользоваться они имеют право»). И. Уразмухаметеву было решено указать «строжайше», что «долг его требует не произведения в степи торговли, а усердного отправления подлежащей ему обязанности» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 18).

Анализ текстов

Попытаемся теперь понять значение донесения И. Уразмухаметева для него самого, оренбургских властей и находящихся в Центральной Азии рабов, как мы планировали в начале статьи. Как ясно из всего вышеизложенного, И. Уразмухаметев откровенно врал, приписывая себе действия на благо Российской империи, которых он в реальности не совершал. Его мотивация к этой лжи была совершенно очевидной – имам хотел получить влияние в степи в качестве проводника российской политики, наивно считая возможным, что ему дадут не только муэдзина, но и отряд казаков. Более того, в донесении И. Уразмухаметева регулярно всплывают финансовые вопросы – он не только хотел получать жалование от Российской империи, но и рассчитывал на возврат неких задолженностей от кочевников и получение от них «подавания». Следовательно, представляется более чем вероятным, что мотивация И. Уразмухаметева сводилась к чисто финансовым аспектам, причем он рассчитывал получать деньги не только от Оренбургской пограничной комиссии, но и от своих единоверцев.

В этом контексте нам представляется наиболее интересным то, какие заслуги приписывал себе И. Уразмухаметев. Именно потому, что эти заслуги были в основном фиктивными, он мог приписать себе такие, за которые в наибольшей степени надеялся на

награду от российских властей. И почти все описания якобы оказанных им Российской империи услуг сводятся к вывозу российских подданных из Центральной Азии. В современной англоязычной литературе встречаются утверждения о том, будто бы некоторые акции российского правительства в Центральной Азии XIX в., официально объясняемые борьбой с работорговлей, в действительности подготавливали территориальную экспансию (например, задержание в 1830-ые гг. хивинских торговцев на территории Российской империи и выставление хивинскому хану ультиматума о том, что эти торговцы будут отпущены лишь в случае выдачи из Хивы русских рабов) (Morrison, 2021: 88-89). Донесение И. Уразмухаметева показывает, что, по крайней мере с точки зрения его автора, для российских чиновников тема российских подданных в степи, как пленников, так и беглых, была крайне важной, и, приписывая себе заслуги, следовало писать о попытках вырвать подобных людей в Россию, а не, например, о шпионских миссиях в Бухаре.

Важным нам представляется анализ того, что можно назвать «индивидуальной стратегией» И. Уразмухаметева (термин «индивидуальная стратегия» мы здесь используем в том значении, которое придает ему К. Гинзбург: линия действий отдельного человека, совокупность которых формирует социальную конфигурацию общества (Гинзбург, 2004: 312)). И. Уразмухаметев попытался использовать рост российского влияния в степи в XIX в. для того, чтобы получить от оренбургских чиновников как официальное право быть проводником российского влияния, так и инструментарий для реализации этого права. При этом не ясно, планировал ли он вообще защищать интересы Российской империи, или рассчитывал использовать полученный инструментарий исключительно в целях личного обогащения. Однако в любом случае индивидуальная стратегия имама сводилась к тому, чтобы максимально дискредитировать единоверцев перед оренбургскими чиновниками, выставив исключительно себя надежным исполнителем поручений властей по вывозу российских подданных из Центральной Азии.

Что касается оренбургских чиновников, то они потратили на донесение И. Уразмухаметева достаточно много сил без какого-либо результата: сперва один из адъютантов П.К. Эссена подготовил более внятный пересказ крайне сумбурного послания имама, а затем Оренбургская пограничная комиссия подготовила развернутый ответ об его лжи и, соответственно, отсутствии необходимости помогать ему. При этом попытки ввести российских чиновников в заблуждение со стороны влиятельных кочевников не были уникальны: так, в 1815 г. старшина Т. Ауков обратился к оренбургскому губернатору Г.С. Волконскому, утверждая, будто бы он выкупил из Бухары четырех людей, «обитающих в плену» (т. е. рабов, а не беглых), которые обещали заплатить ему за это 600 руб., а заплатили только 300 руб. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1322. Л. 1). И теперь старшина хотел, чтобы недостающие 300 руб. выдали ему оренбургские власти (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1322. Л. 1). Характерно, что при описании этого случая Т. Ауков не сообщал ни имен выкупленных им людей, ни даты выкупа. Судя по ответу Оренбургской пограничной комиссии, она владела информацией только об одном групповом выкупе русских рабов из Бухары в последние годы: Т. Иралиев в 1813 г. доставил в Орскую крепость 5 подобных рабов, о чем мы писали выше (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1322. Л. 5–50б.). Соответственно, Т. Ауков никаких рабов из Бухары не освобождал, и пытался обмануть российские власти. Оренбургская пограничная комиссия вынесла следующее решение: «Просьба его, Аукова, не заслуживает никакого вероятия и потому следует подтвердить ему, чтоб впредь таковыми не затруднял начальство» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1322. Л. 50б.–6).

При этом ситуация отнюдь не сводилась в некоей абстрактной лояльности/нелояльности российскому правительству. Т. Ауков, о чем мы тоже писали, действительно вывел из Бухары в 1814 г. в Россию 12 «беглых татар» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1322. Л. 50б.). Таким образом, он оказал вполне реальную услугу оренбургским властям – а уже на следующий год попытался обмануть их, возможно, надеясь, что ему поможет как раз заработанная репутация. При этом И. Уразмухаметев и Т. Ауков пытались ввести в заблуждение оренбургские власти в совершенно безобидной для них ситуации, и можно было ожидать, что в ситуации более рискованной (например, в случае выдвижения против них обвинений в похищении российских подданных) будут лгать и другие кочевники. И без того сложная задача обеспечения порядка в оренбургском приграничье дополнительно усложнялась.

Приведем любопытный пример аморальных поступков еще более высокопоставленного представителя кочевой элиты, тоже связанный с захватами российских подданного, в данном случае даже офицера. В 1823 г. кочевниками был захвачен прапорщик С.А. Медведев (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 260). Оренбургские власти обратились с просьбами о помощи в его освобождении как к хану Младшего Жуза Ш. Айшуакову, так и напрямую к «кочующим при Новоилецкой линии Султанам и Старшинам» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 260–260об.). В результате возникла коллизия: к моменту, когда хан сообщил, что похитители готовы обменять С.А. Медведева на некоего Айчувака, содержащегося под стражей за конокрадство, Оренбургская пограничная комиссия уже решила передать Айчувака некоему «Старшине Таштемиру Чудину» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 261). Выбор оказался удачным: Т. Чудин провел обмен Айчувака на С.А. Медведева, вывез последнего в Оренбург и получил награду (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 261–261об.).

Вот только почти сразу после этого оренбургские власти получили от Ш. Айшуакова донос на Т. Чудина с просьбой задержать последнего как якобы имевшего русских рабов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 261об.). Более того, на пути из Оренбурга на Т. Чудина напали кочевники хана, убили одного из сопровождавших старшину лиц и чуть не убили самого старшину (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 261об.). А находящегося в Младшем Жузе российского офицера Ш. Айшуаков просил задержать Т. Чудина с абсолютно великолепной в своем бесстыдстве формулировкой: «за то, что он взялся выручить из плену Прапорщика Медведева и исполнил то мимо его, Хана» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 261об.–262).

Таким образом, И. Уразмухаметов не был одинок в избранной им индивидуальной стратегии. В начале XIX в. представители кочевой элиты в оренбургском приграничье конфликтовали друг с другом из-за возможностей выслужиться перед российскими властями, что означало награды, власть и повышение статуса. Разумеется, мы не считаем, что все представители кочевой элиты при этом были готовы пойти на ложь, как И. Уразмухаметов и Т. Ауков, или даже убийство, как Ш. Айшуаков. Однако в результате к заверениям представителей кочевой элиты о их лояльности Российской империи, оказанных услугах и даже содержащихся в степи пленниках нужно было относиться очень осторожно. Так, Ж. Тленшиулы в 1823 г. (т. е. в разгар своего восстания против Российской империи!) донес П.К. Эссену на Ш. Айшуакова. Ж. Тленшиулы писал: «Оный Хан, будучи беспокойного характера, сопряженного со злобой к обеим сторонам, как к России, так и к нам, что доказывается следующим: назад тому два месяца по требованию его Брат мой родной Азибай быв у него, и он, подарив ему одну лошадь, просил его, чтобы он велел киргизцам посланного от Вашего Высокопревосходительства в степь для выручки пленных почтенного Армянина Шахмирова убить, объявив притом, что у оного Шахмирова есть пять тысяч червонных, которыми воспользуется тот, кто сие сделает» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 214–214об.). Самое ироничное, что, с учетом описанного выше случая с нападением людей Ш. Айшуакова на Т. Чудина, этот донос, несмотря на своеобразный источник, мог быть вполне справедливым. Все это, разумеется, не оправдывает элементов ксенофобии со стороны оренбургских чиновников (напомним слова В.А. Перовского о «тупости, скрытности и сварливости Азиатцев») – но показывает, что реальная обстановка в степи была сложной, и некоторые действовавшие на ее территории персонажи действительно были крайне наивны в своей хитрости, недобросовестны и готовы оговорить единоверцев, чтобы выслужиться перед российскими властями.

Понятно, что рабы оказывались категорией людей, наиболее страдающей от подобного поведения части представителей кочевой элиты. В этом отношении наиболее показателен даже не случай И. Уразмухаметова, а случай Т. Чудина, который фактически был наказан формально лояльным России ханом за то, что спас российского офицера. Известен нам и как минимум один случай, когда спасшие раба кочевники были наказаны российским офицером. В 1835 г. некие «бии Исенчан и Баймухаммет» получили у коменданта Ново-Александровского укрепления задание выкупить нескольких рабов, захваченных морскими разбойниками на Каспии (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4388. Л. 19–20). Когда бии не вернулись в условленный срок, комендант послал еще и отставного казака Исмака Бигеева (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4388. Л. 20). Вернулись бии и казак втроем, привезя и двух выкупленных пленников, однако в итоге бий Баймухаммет был арестован (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4388. Л. 20об.–21). Комендант Ново-Александровского обвинил биев в том, что они не выкупили

еще двух находящихся у морских разбойников рабов, поскольку «с умысла и коварства самого Баймухаммета» эти разбойники запросили за них слишком высокий выкуп (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4388. Л. 200б.–21). В качестве доказательств преступления бия комендант указывал на то, что, во-первых, будучи обвиненным в невыкупе всех рабов, Баймухаммет начал врать, чтобы оправдаться (в частности, якобы неверно называл хозяев рабов), а во-вторых, он потратил часть выданных комендантом для выручки рабов денег на покупку лошади одному из них (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4388. Л. 21–210б.). Даже, как мы помним, достаточно ксенофобски относившийся к «Азиатцам» оренбургский губернатор В.А. Перовский в данном случае сделал коменданту Ново-Александровского укрепления недвусмысленное предписание: «Освободить немедленно из-под ареста и отпустить в степь Бия Баймухамеда, задержанного Вами по подозрению в неблагонадежности действий по выкупу из неволи товарищей означенных пленников малолетков Венедикта Затворникова и Алексея Макаричева» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4388. Л. 42). Тем не менее, подобные ситуации никак не способствовали тому, чтобы представители кочевого мира активнее помогали российским властям в вывозе российских подданных из степи.

5. Заключение

Нам осталось подвести некоторые итоги. Сгруппируем их в три основных блока.

1) В донесении И. Уразмухаметева большинство российских подданных в степи фигурируют не как пленники, но как беглые, чаще всего солдаты мусульманского исповедания. Из других документов мы знаем, что в степь дезертировали и солдаты русского происхождения (в частности, в разбоях на Каспийском море в 1830-ые гг. участвовали, помимо кочевников, пятеро беглых русских солдат, один из которых, А. Вакуров, даже входил в число лидеров пиратов). Хотя донесение И. Уразмухаметева не является надежным источником, описанная в нем история двух проданных в Бухару солдат очень интересна в том отношении, что из документов видно: российские власти не знали ни того, что это за солдаты, ни обстоятельств их исчезновения. Тем не менее, несмотря на утверждение И. Уразмухаметева о том, что это были беглые солдаты, Оренбургская пограничная комиссия и комендант Орской крепости предпочитали позиционировать их в качестве «пленников». Таким образом, какая-то часть якобы захваченных кочевниками людей могла в действительности самостоятельно сбежать к ним/дезертировать в степь, особенно если речь шла о мусульманах. Специфика же российских источников такова, что их авторы не акцентировали внимания на этой группе подданных Российской империи в Центральной Азии, уделяя куда большее внимание захваченным в рабство. В свою очередь, и освобожденные из Центральной Азии рабы могли пытаться скрывать свое бегство из Российской империи, выдавая себя за похищенных или обманутых (известен как минимум один такой случай, вероятно дезертировавшего из российской армии В. Венедиктова).

2) В донесении И. Уразмухаметева сообщается о том, что он вывел из Бухары 18 беглых из Российской империи. Хотя его решающая роль в их выходе оказалась ложью, сам факт выхода этих людей Оренбургская пограничная комиссия подтвердила, причем его инициатором оказался бухарский купец Н. Фаизжанов. Из других документов 1810-ых гг. видно, что именно в это десятилетие возвращение как беглых, так и рабов из Бухары не было чем-то исключительным: в 1813 г. оттуда было вывезено 5 бывших рабов, в 1814 г. 12 «беглых татар», в 1816 г. 18 беглых (как раз Н. Фаизжановым), а в 1817 г. – некий С. Пятков, затем еще и добровольно вернувшийся в Бухару (возможно, для торговли) и убитый там. Кроме того, в 1814 г. бухарский чиновник И. Байкшиев выдал Оренбургской пограничной комиссии вырученного им у кочевников раба. Во всех этих случаях выход осуществлялся с помощью третьих лиц, как правило, лояльных России кочевников, которые, однако, выступали не посредниками в деле освобождения конкретных пленников, а финансово помогали с выкупом/поездкой в караване находящимся в Бухаре российским подданным.

Ситуация, по-видимому, изменилась на рубеже 1810-ых–1820-ых гг. из-за очевидного кризиса в российско-бухарских отношениях. Кризис этот, вероятно, спровоцировали две переписки. Во-первых, в 1818 г. бухарские власти обратились к оренбургским властям с просьбой обеспечить безопасность бухарских караванов, возвращающихся из России на родину. Хотя действенных мер для выполнения этой просьбы оренбургский губернатор П.К. Эссен не принял, ограничившись обращением к кочевым правителям о необходимости

оборонять караваны, он, в свою очередь, попросил бухарского эмира Хайдара отпустить русских рабов, которые находились в Бухаре (таковых было известно всего 7) и запретить держать там рабов из российских подданных. Однако эмир ответил отпиской, согласившись освобождать только рабов, которые будут поступать в Бухару в будущем, и только в случае специального обращения оренбургского губернатора. В результате в дальнейшем бухарские власти тщетно требовали от оренбургских губернаторов защищать бухарские караваны, а оренбургские губернаторы от бухарских властей – освободить рабов из России без выкупа. Во-вторых, в 1818–1819 гг. П.К. Эссен получил письмо от русских невольников в Бухаре, живописавшее жестокость бухарцев, их презрение к русским и неуважение к просьбам оренбургского губернатора. Хотя сам П.К. Эссен признал данное письмо явным преувеличением, он полагал, что оно основано на неких реальных фактах.

В результате с рубежа 1810–1820-ых гг. отдельные случаи выхода подданных Российской империи из Бухары в рассмотренных нами документах перестают фиксироваться, а оренбургские и российские имперские власти меняют стратегию, делая ставку не на подобные выходы, а на бесплатное освобождение бухарскими властями всех русских рабов указом сверху (этого удалось добиться только в 1858 г., когда в Бухару прибыла миссия Н.П. Игнатьева, причем, что интересно, «освобождено» было всего 8 человек, и то не полноценных рабов, а солдат эмира) (Peretyatko, 2024: 5).

3) Наконец, донесение И. Уразмухаметева представляет собой попытку откровенно обмануть российские власти, приписав себе несуществующие или чужие заслуги, и получить благодаря этому статус проводника российского влияния в степи. Фактически индивидуальной стратегией И. Уразмухаметева было выслужиться перед российскими чиновниками за счет дискредитации единоверцев, представления их в негативном виде и приписывания себе их заслуг. Однако эта попытка выслужиться провалилась из-за своеобразной наивности и крайней топорности донесения имама, выдвигавшего непомерные просьбы, вплоть до предоставления ему отряда казаков, и не скрывавшего, что он планирует использовать полученное влияние для возмещения долгов и требований «подавания» с кочевников, а также потому, что он приписал себе вывоз из Бухары 18 беглых, которых, как было известно Оренбургской пограничной комиссии, вывез Н. Фаизжанов.

Проблема, однако, заключается в том, что и некоторые другие представители кочевой элиты придерживались подобной стратегии. Так, старшина Т. Ауков желал получить возмещение за якобы выкупленных им из Бухары рабов, которых он не выкупал. Но наиболее показателен конфликт хана Ш. Айшуакова и старшины Т. Чудина: хан организовал нападение на старшину и просил российские власти задержать последнего за то, что он спас из плена русского офицера, которого планировал спасти сам хан. При этом, если И. Уразмухаметев, судя по всему, не имел никаких заслуг перед Российской империей, в других случаях фигуранты подобных дел могли прежде оказывать российским властям вполне реальные услуги (Т. Ауков вывез из Бухары 12 беглых). Соответственно, у российских чиновников не было простых способов определить, лжет им или нет конкретный представитель кочевой элиты: его реальные заслуги в прошлом не означали, что он не будет пытаться лгать или приписывать чужие заслуги в будущем.

И без этого некоторые российские чиновники демонстрировали ксенофобию и презрение к «Азиатцам». А попытки обмана со стороны представителей кочевой элиты дополнительно обостряли ситуацию. Нам даже удалось обнаружить случай, когда участвовавший в выручке из рабства 2 российских подданных бий Баймухаммет вместо получения награды был арестован, поскольку российский офицер счел, что он мог выручить еще 2 рабов, но, вместо того, чтобы сделать это, вошел в сговор с их похитителями, чтобы завысить сумму выкупа. Понятно, что подобные ситуации никак не способствовали участию представителей кочевой элиты в освобождении рабов и обостряли отношения между ними и российскими чиновниками.

Литература

- Гинзбург, 2004 – Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю / Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история. М., 2004. 345 с.
Записки..., 1983 – Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича). М., 1983. 149 с.

- Избасарова, 2016 – Избасарова Г.Б. Шергазы Айшуаков — последний хан Младшего жуза казахов // *Вопросы истории*. 2016. № 11. С. 98-107.
- Мейендорф, 1975 – Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. 180 с.
- ОГАОО – Объединенный государственный архив Оренбургской области.
- Почекаев, 2017 – Почекаев Р.Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М., 2017. 384 с.
- Созина, 2016 – Созина Е.К. Дискурс «степных пленников» в русской литературе XIX века // *Уральский исторический вестник*. 2016. № 1 (50). С. 6–15.
- Ermachkov et al., 2021 – Ermachkov I.A., Baibarin A.A., Mineeva E.K., Balanyuk L.L. To the Issue of the Cost of Slaves on the Territory of the Khiva Khanate (the first half of the XIX century) // *Bylye Gody*. 2021. 16(4). Pp. 1779-1788.
- Morrison, 2021 – Morrison A. The Russian Conquest Of Central Asia: A Study In Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge, 2021. 641 p.
- Peretyatko, 2024 – Peretyatko A.Yu. Russian Empire Subjects in the Emirate of Bukhara and the Failed Visit of Sultan Seit-Ali Nur-Aliev for the Purpose of Their Returning (1813) // *Slavery: Theory and Practice*. 2024. 9(1): 3-22.

References

- Ermachkov et al., 2021 – Ermachkov, I.A., Baibarin, A.A., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L. (2021). To the Issue of the Cost of Slaves on the Territory of the Khiva Khanate (the first half of the XIX century). *Bylye Gody*. 16(4): 1779-1788.
- Ginzburg, 2004 – Ginzburg, K. (2004). Mikroistoriya: dve-tri veshchi, kotorye ya o nei znayu [Microhistory: Two or Three Things That I Know about It]. *Mify-emblemy-primety: Morfologiya i istoriya*, M., 345 p. [in Russian]
- Izbassarova, 2016 – Izbassarova, G.B. (2016). Shergazy Aishuakov — poslednii khan Mladshego zhuza kazakhov [Shergazy Aishuakov — the latest Khan of the Younger Dzus of Kazakhs]. *Voprosy istorii*. 11: 98-107. [in Russian]
- Meyendorff, 1975 – Meyendorff, E.K. (1975). Puteshestvie iz Orenburga v Bukharu [Journey from Orenburg to Bukhara]. M., 180 p. [in Russian]
- Morrison, 2021 – Morrison, A. (2021). The Russian Conquest Of Central Asia: A Study In Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge, 641 p.
- ОГАОО – Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [Joint State Archive of Orenburg Region].
- Peretyatko, 2024 – Peretyatko, A.Yu. (2024). Russian Empire Subjects in the Emirate of Bukhara and the Failed Visit of Sultan Seit-Ali Nur-Aliev for the Purpose of Their Returning. *Slavery: Theory and Practice*. 9(1): 3-22.
- Pochekaev, 2017 – Pochekaev, R.Yu (2017). Gubernatory i khany. Lichnostnyi faktor pravovoi politiki Rossiiskoi imperii v Tsentral'noi Azii: XVIII – nachalo XX v. [Governors and Khans. personal factors in Russian law-making in Central Asia: 18th to early 20th century]. M., 384 p. [in Russian]
- Sozina, 2016 – Sozina, E.K. (2016). Diskurs «stepnykh plennikov» v russkoi literature XIX veka [“Steppe prisoners” discourse in the Russian literature of the 19th century]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 1(50): 6-15. [in Russian]
- Zapiski..., 1983 – Zapiski o Bukharskom khanstve (Otchety P.I. Demezona i I.V. Vitkevicha) [Notes about the Khanate of Bukhara (The reports of P.I. Demezons and I.V. Vitkevich)]. M., 1983. 149 p. [in Russian]

Попытка обмана оренбургских властей представителем кочевой элиты: донесение имама Исмагила Уразмухаметева о его роли в вывозе подданных Российской империи из степи (1818 г.)

Артем Юрьевич Перетятко ^{a, b, *}

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетятко)

^a Черкас глобальный университет, Хьюстон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблемам коммуникации между оренбургскими властями и представителями элиты кочевого мира в первой половине XIX в. в контексте борьбы с рабовладением в Центральной Азии. Основным источником являются до настоящего времени не вовлекавшиеся в научный оборот донесение имама Исмагила Уразмухаметева и ответ на него Оренбургской пограничной комиссии.

В статье показано, что И. Уразмухаметев обратился к начальнику штаба Отдельного оренбургского корпуса Г.П. Веселитскому с обширным донесением, в котором подробно описывал свои заслуги по вывозу из степи подданных Российской Империи (как беглых, так и рабов) и вообще позиционировал себя как единственного лояльного Империи представителя кочевой элиты. На этом основании он просил предоставить ему целый ряд привилегий (жалование, личного муэдзина и т. д., вплоть до готовности возглавить отряд казаков для наведения порядка в степи). При этом большая часть заслуг И. Уразмухаметева даже в его интерпретации не привела к каким-либо реальным последствиям и сводилась к тому, что он безуспешно пытался помочь беглым и рабам в возврате в Россию. Исключение составлял якобы возврат им 18 человек из Бухары, однако Оренбургская пограничная комиссия обратила внимание на то, что в действительности этих людей вернул бухарский купец Н. Фаизжанов. В результате оренбургские власти пришли к выводу о том, что И. Уразмухаметев лжет, пытаясь получить привилегии от Российской империи, и ответили имаму в достаточно жесткой форме о недопустимости большинства его требований.

Архивный поиск в материалах Объединенного государственного архива Оренбургской области показал, что случай И. Уразмухаметева не является уникальным. Так, старшина Т. Ауков тоже пытался получить вознаграждение за вывод из Бухары людей, которых он в действительности не выводил. Хан Младшего Жуза Ш. Айшуаков пытался оклеветать старшину Т. Чудина за то, что тот выручил из плена русского офицера, которого желал спасти сам хан. С другой стороны, были и случаи необоснованного обвинения русскими чиновниками представителей кочевой элиты: например, некий бий Баймухаммет, участвовавший в освобождении нескольких рабов, был затем необоснованно задержан по подозрению в том, что вступил в сговор с работоторговцами, желая зависить цену за других рабов.

Все это позволяет говорить о том, что среди представителей кочевой элиты были лица, чья позиция по отношению к Российской империи была крайне своеобразной: они пытались демонстрировать ей лояльность, фактически преследуя собственные цели и не останавливаясь перед ложью и даже клеветой на соплеменников и единоверцев. В свою очередь, это усиливало ксенофобские настроения, и так распространенные среди оренбургских властей. В итоге же вся эта ситуация осложняла спасение рабов русского происхождения из степи.

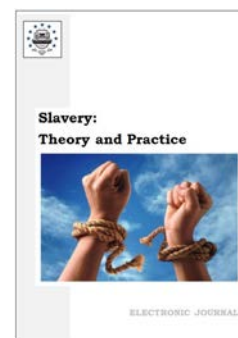
Ключевые слова: рабство, Центральная Азия, Российская империя, коммуникативные практики, П.К. Эссен.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Slavery: Theory and Practice
 Issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2025. 10(1): 44-56

DOI: 10.13187/slave.2025.1.44

<https://stp.cherkasgu.press>

Slavery in the Pyrenees in the Late Middle Ages: Referring to the Works of I.V. Luchitsky and J.-A. Brutails on Slavery and the Slave Trade in Roussillon

 Evgeniya V. Kravtsova ^{a, *}
^a Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract

The article examines aspects of slavery and slave trade in the Iberian Peninsula, namely in its northeastern part, in the lands of Roussillon. The chronological period of the studied problematic covers the stage of the Late Middle Ages (14th–15th centuries), when Roussillon was Spanish territory. The reference materials are the studies of 19th century historians – I.V. Luchitsky and J.-A. Brutails. Through the review of I.V. Luchitsky “Russian slaves and slavery in Roussillon in the 14th and 15th centuries” (1886), distinguished by particular depth, the introduction of historical documents and his own analysis of the designated problem, the research path leads to the essay of the French author J.-A. Brutails, dedicated to the topic of slavery in Roussillon in the 13th–17th centuries. His French-language study, “Study on slavery in Roussillon, from the 13th to the 17th century” (1886), is also a very valuable source for historians: it contains numerous excerpts, quotations, copies of notarial acts, government decrees, and statistical data. When studying these works, the following key aspects of slavery, characteristic of medieval Roussillon, were revealed: 1) the socio-economic reasons for the spread of slavery; 2) the influence of the religious factor and the ambiguous attitude of the Catholic Church towards slavery; 3) the difficult social and legal situation of slaves; 4) the sources that replenished the slave stratum; 5) the ethnic diversity of slaves, who arrived not only from the African continent and the shores of the Mediterranean, but also from the distant Black Sea coast; 6) the spread of female slavery and its specific, sometimes horrific features. The disclosure of these aspects is undoubtedly a pressing task and requires further development and close attention from modern researchers.

Keywords: slavery and slave trade in Spain, Roussillon, I.V. Luchitsky, J.-A. Brutails, Russian slaves, female slavery, notarial acts, Late Middle Ages.

1. Введение

В 2025 г. исполнилось 180 лет со дня рождения выдающегося российского историка, одного из основоположников широко признанной «École russe» (Васильев, 2010: 125), медиевиста, исследователя социально-экономического и политического направлений в истории Нового времени, профессора Ивана Васильевича Лучицкого (1845–1918 гг.).

В данной статье обратимся к видной работе И.В. Лучицкого «Русские рабы и рабство в Руссильоне в XIV и XV вв.», написанной им в 1886 г. и задуманной как критический обзор труда французского автора Ж.-О. Брютэя, в котором затрагивалась обозначенная проблематика. Изыскание И.В. Лучицкого давно введено в научный оборот, на него ссылаются и современные исследователи, однако нет детального рассмотрения и

* Corresponding author

E-mail addresses: evgeniya-sinchina@yandex.ru (E.V. Kravtsova)

представления идей историка касательно рабства и работорговли на Пиренеях в период Позднего Средневековья. Тем ценнее, на наш взгляд, анализ этнического аспекта, озвученного в труде И.В. Лучицкого: руссильонские рабы по своему этническому составу были, в том числе, представителями славян, о чём свидетельствуют приведённые в рецензии выдержки из исторических источников. Указанный аспект при более глубоком изучении современными историками мог бы приоткрыть малоизвестную страницу истории Руси и её связей со средиземноморскими землями (а если более конкретно, то с испанскими) во времена Позднего Средневековья.

Имя французского историка, архивиста, палеографа, искусствоведа Ж.-О. Брютэя, творившего во второй половине XIX – начале XX в., практически неизвестно современной российской исторической науке. Его труды, к сожалению, остаются непереведёнными на русский язык, хотя знакомство с ними могло бы стать настоящим открытием для исследователей, погружённых в эпоху средневековой Франции. Очерк о рабстве в Руссильоне (провинции на Пиренеях) содержит огромное количество документальных выдержек, цитат и статистики, собранных Ж.-О. Брютэем во время его работы архивариусом Pyrénées-Orientales, поэтому может также использоваться современными исследователями как источник по истории рабства и работорговли на западном побережье Средиземного моря.

2. Материалы и методы

В качестве центрального источника настоящей статьи выступает рецензия И.В. Лучицкого «Русские рабы и рабство в Руссильоне в XIV и XV вв.» (Лучицкий, 1886b) на работу французского историка Жана-Огюста Брютэя (Jean-Auguste Brutails) «Étude sur l'esclavage en Roussillon du XIIIe au XVIIe siècle», опубликованную в 1886 г. в журнале «Revue historique de droit français» (Brutails, 1886). Значимость очерка И.В. Лучицкого заключается в том, что поднимаемая Брютэем тема давно интересовала русского исследователя, и он ещё до 1886 г. делал шаги в этом направлении: например, лично посещал Испанию (1882 г.) и работал в её архивах, из которых извлёк любопытные для историков материалы, писал о рабстве в Европе XIV–XV вв. в «Университетских Известиях» (1885 г.), а также подробно интересовался историографией проблемы, что видно из текста рецензии. Всё это способствовало тому, что работа И.В. Лучицкого о рабстве в Руссильоне носила характер не только критического обзора на статью французского коллеги, но и демонстрировала собственный научный взгляд российского историка на проблему, подкреплённый анализом многочисленных архивных данных и юридических документов средневековой Испании. Как будет изложено далее, И.В. Лучицкий выходит за рамки рецензирования и фактически проводит собственное исследование на основе позитивистской методологии. Таким же образом он создал ещё одну любопытную рецензию – «Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV–XV вв.» (Лучицкий, 1886a), которая также могла бы стать предметом отдельного исторического изыскания. Согласимся с мнением украинского историка С.И. Лимана, который так характеризует упомянутые работы И.В. Лучицкого: «Формально и по названию эти работы считаются рецензиями. Однако их особенностью было то, что помимо критического разбора значительный объём в них И.В. Лучицкий отводил обстоятельному параллельному исследованию проблемы» (Лиман, 2006: 350). Труды И.В. Лучицкого, проливающие свет на малоизученные аспекты рабства в средневековой Европе, могут являться ценным фундаментом и отправной точкой для современных исследователей, стремящихся к более глубокому пониманию этой сложной и многогранной темы.

Что касается упоминаемой работы Ж.-О. Брютэя, то мы также обратились к ней при написании этой статьи, используя её как важный источник. Очерк французского историка под названием «Étude sur l'esclavage en Roussillon du XIIIe au XVIIe siècle» («Исследование рабства в Руссильоне XIII–XVII вв.»), хотя и не всегда раскрывает причинно-следственные связи, отчасти носит описательный характер, тем не менее имеет под собой серьёзную базу, основанную на различных видах источников. Исследование состоит из двух частей. В первой части приведены статистические данные, выдержки из юридических актов, дана общая историческая канва распространения рабства на Пиренеях и в Руссильоне. Далее, во второй части, в качестве подтверждения своих мыслей Ж.-О. Брютэй прилагает документальные доказательства (*pièces justificatives*), а именно: купчие на рабынь, королевское положение о

военнопленных, материалы об освобождении рабынь, условия освобождения, принятые местными депутатами, и проч. ([Brutails, 1886: 35-44](#)). Процитированные Ж.-О. Брютэйем документы, а также статистика и данные из нотариальных книг являются ценным историческим материалом, поскольку взяты из первоисточников.

В данной работе мы придерживались незыблемых столпов исторического исследования: объективности, системного анализа, принципа историзма, а также внимательного отношения к историографической традиции. Задействованным инструментарием выступают методы, позволяющие воссоздать прошлое во всей его полноте и сложности: описательный, историографический, историко-структурный, ретроспективного анализа и синтеза, каждый из которых вносит свою лепту в раскрытие явления рабства на Пиренейском полуострове в эпоху Средних веков.

3. Обсуждение

Научные изыскания, затрагивающие поднимаемые в нашей статье вопросы, следует условно разделить на две группы:

1. Работы, которые не только упоминают или анализируют рецензию И.В. Лучицкого «Русские рабы и рабство в Руссильоне в XIV и XV вв.», но и расширяют горизонты изучаемой проблемы, вносят новизну в её познание. Так, в довольно обстоятельном труде современного исследователя М.А. Астахова «Русские пленники и рабы в Арагонской Короне XIV-XV вв.» ([Астахов, 2017](#)), автор, опираясь на широкий круг источников, в том числе работы иностранных исследователей, подробно рассматривает положение русских невольников в Арагонском королевстве. При этом Астахов не во всём разделяет выводы, сделанные И.В. Лучицким, если применять их в общем к Арагону. Привлекая дополнительные источники, М.А. Астахов ставит под сомнение взаимосвязь этнического фактора, спроса и цены на рабов. По мнению М.А. Астахова, ведущее значение играла внешность раба, его цвет кожи (например, *blanch* – белый), а затем уже возраст, физическое состояние и др. ([Астахов, 2017: 45](#)). В качестве доказательства приводятся описания внешности рабов в средневековых документах, где главными отличительными характеристиками раба служат его расовые признаки. Этот вывод, безусловно, опирается на рациональные основания, однако нуждается в более глубокой проработке на уровне исторической науки. В контексте экономических связей между государствами Пиренейского полуострова и Золотой Ордой, к трудам И.В. Лучицкого обращается историк А.В. Пачкалов в своей работе, приоткрывая завесу над ведением работорговли. Славянские невольники из Причерноморья, находившиеся под контролем Золотой Орды, как живой товар переправлялись итальянскими купцами в города Италии и юга Франции, а также в Гранадский эмират и Малагу, а оттуда – в испанские земли ([Пачкалов, 2025: 66](#)).

2. Труды, в которых поднималась тема русских рабов на Пиренеях и в Западной Европе до и после исследования И.В. Лучицкого.

Долгий и тернистый путь изучения русских невольников, оказавшихся на землях Пиренейского полуострова и в Западной Европе, был проложен ещё до фундаментальных исследований И.В. Лучицкого. Так, из российских историков о теме русских рабов писал славист В.И. Ламанский. В 1859 г. свет увидела его магистерская диссертация «О славянах в Малой Азии, Африке и Испании», в которой отдельная глава посвящена связям Руси с Пиренейским полуостровом ([Ламанский, 1859: 222-370](#)). Автором приведены документальные свидетельства (арабские, испанские, славянские) о присутствии славян на испанских землях с X по XIX в., в том числе есть упоминание о русских невольниках. Более того, В.И. Ламанский настойчиво утверждал, что тема взаимоотношений Руси и Пиренейских государств не просто интересна, а исполнена глубокого смысла и требующего пристального внимания. Он видел в ней неисчерпаемый клад для будущих исследований, призывая к дальнейшему, более углубленному её изучению ([Ламанский, 1859: 90-122](#)).

В своей рецензии И.В. Лучицкий касается историографии вопроса, предлагая краткий, но ценный обзор, который, как нам кажется, необходимо привести в данной работе. В частности, благодаря обзору И.В. Лучицкого, известно, что тему рабства и работорговли на Пиренеях и соседних территориях поднимали такие авторы, как аббат Ж.-П. Папон (*Papon*), писавший в XVIII в. об истории Прованса, Анри Мартен (*Henry*) и Ж.-Б. Аляр (*Alart*),

изучавшие прошлое Руссильона (Луцицкий, 1886b: 1). Но вышеупомянутая тема ими была затронута частично, также И.В. Луцицкий подчёркивает, что эти историки не использовали в своих исследованиях такой ценный материал, как нотариальная документация, которая могла бы в целом пролить свет не только на экономическую сферу Руссильона того времени, но и на невольническую проблему. Помимо этого, ещё в 1881 г. испанским историком и юристом Б. Оливером-и-Эстеллером (Oliver), внедрившим в науку понятие «каталонские страны», издана книга по истории права в Каталонии, Майорке и Валенсии. Хотя Оливер-и-Эстеллер не исследовал историю рабства в регионе и в качестве источников ограничился лишь кутюмами (правовые обычаи какой-либо административно-территориальной единицы – *Прим. Е.К.*) Тортозы, однако благодаря его труду впервые было освещено юридическое положение рабов и заложены основы для дальнейшего изучения. И.В. Луцицкий, знакомый с работой Оливера-и-Эстеллера, считает, что француз Ж.-О. Брютэй взял за основу выводы испанского исследователя («хотя он тщательно и умалчивает о том») и применил их к Руссильону, но дополнив новыми аспектами свой очерк (Луцицкий, 1886b: 2).

После кропотливой работы И.В. Луцицкого тема обрела новые краски, открывая страницы истории о судьбах славян, попавших в рабство. Так ссылается на работу И.В. Луцицкого и затрагивает торговлю рабами с европейскими государствами современный историк Луняк Е.Н. в своей статье «Батыево нашествие в отображении французских средневековых авторов» (2021 г.), дополняя информацией из французских документальных свидетельств. Учёный высказывает мысль, что поток русских рабов, устремлявшийся на юг Франции (заметим, что тут автор не совсем точен: Руссильон перешёл во владение французской короны только в 1659 г. – *Прим. Е.К.*), лишь укреплял в сознании западного обывателя образ Руси как безраздельного владения потомков Чингисхана. Такое представление породило в европейских хрониках изображение угнетённой и опустошённой монгольским нашествием Руси, сохранявшееся вплоть до XVI в. (Луняк, 2021: 36-37).

Стоит упомянуть и работы, лишь мимоходом затрагивающие интересующую нас тему, объединённые общими географическими и хронологическими рамками. Так, профессор ЛГУ А.Е. Кудрявцев стал одним из первых советских исследователей, представивших труд «Испания в Средние века» (1937 г.). Эта книга, не являясь самостоятельным исследованием в полном смысле, создана путём синтеза предшествующих изысканий (Ауров), но всё же содержит краткое и в то же время ценное упоминание о рабстве в Каталонии XIII в. (Кудрявцев, 1937: 52).

Под редакцией профессора С.П. Карпова в 2003 г. увидел свет двухтомный учебник «История Средних веков», предназначенный для студентов исторических факультетов (История Средних..., 2003). В издании можно найти карту, представляющую политическое развитие испанских государств XI–XV вв., где обозначен и Руссильон. Кратко, но ёмко освещены вопросы эволюции колоната, кризиса рабовладения и социального статуса рабов. Общие сведения об экономическом положении испанских земель представлены в главе «Страны Пиренейского полуострова в XI–XV вв.», написанной С.Д. Червоновым, известным советским медиевистом и испанистом.

В исследовании «Работоторговля в Южном Причерноморье в первой половине XV в.» уже упоминаемый нами выдающийся российский историк, академик РАН С.П. Карпов скрупулёзно изучает торговлю людьми, развившуюся в регионе (Карпов, 1986). Данное исследование является ценным источником для изучения торговли невольниками, процветавшей в Каффе при содействии итальянских купцов. Оно может послужить справочным материалом, проливающим свет на судьбу славян, угоняемых в рабство и отправляемых в Западную Европу.

Профессор А. И. Клибанов, писавший об истоках русско-испанских взаимоотношений XV–XVI вв. (Клибанов, 1987), также не обошёл вниманием проблему русских невольников, попавших в Испанию в указанный временной промежуток.

Несмотря на то, что статья Л.Н. Хлудовой, А.А. Цыбулькиной «Торговля невольницами на Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа в живописных и письменных источниках XIX в.» (Хлудова, Цыбулькинова) напрямую не связана с русскими невольниками в испанских землях, авторы коснулись и более раннего периода: они подчёркивают особую роль итальянских купцов, активно задействованных в

средневековой работорговле и отправлявших рабов с Черноморского побережья в города и страны Западной Европы.

Подводя черту под историографическим обзором, следует признать: хотя труд И.В. Лучицкого не находится в полном забвении, тем не менее проблема рабства и работорговли славянскими невольниками в испанских владениях, словно *terra incognita*, ждёт своего исследователя. Очерк Ж.-О. Брютэя, к сожалению, остаётся почти незамеченным в русскоязычной историографии. И это весьма досадное упущение, так как, несмотря на присутствующие в работе изъяны, она не лишена уникальности и насыщена документальными свидетельствами о рабстве на Пиренеях. В отсутствие детальных работ, способных пролить свет на этот мрачный эпизод истории, вопрос остаётся открытым и требует пристального внимания.

4. Результаты

Рецензируя работу французского историка Ж.-О. Брютэя, И.В. Лучицкий погружает нас в самостоятельное исследование работорговли и рабства в Средневековой Испании, к которым он питал научный интерес и ранее, до очерка французского коллеги. Сам И.В. Лучицкий был хорошо ознакомлен с нотариальными книгами Перпиньяна (столица Руссильона эпохи Позднего Средневековья), которые велись с XIII в. и сохранились в архиве вплоть до второй половины XIX в. Эти бесценные документальные свидетельства помогли воссоздать многогранную картину рабства, процветавшего в Руссильоне в XIV–XV вв., в том числе и положение русских рабов, заброшенных на дальнюю чужбину.

Обращаясь к средневековой истории Пиренейского полуострова, в этом разделе мы рассмотрим на наиболее острые грани проблемы рабства и работорговли. В качестве опоры обратимся к трудам И.В. Лучицкого и Ж.-О. Брютэя, чьи работы проливают свет на интересующий нас вопрос.

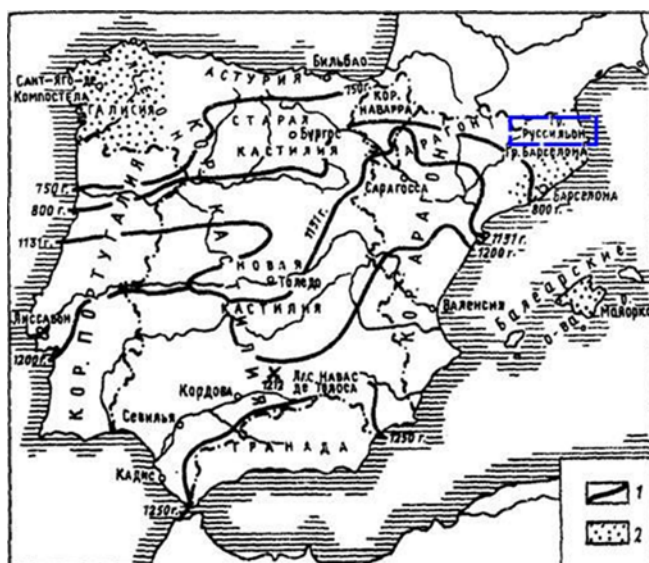
1. И.В. Лучицким выделены социально-экономические причины распространения рабства не только в Руссильоне, но и на западном побережье Средиземноморья в целом. Этот аспект, на наш взгляд, представляет собой богатую пищу для дальнейших исследований, так как он приоткрывает завесу на глубинные основы существования и укоренения рабства в средневековых европейских государствах. Следуя позитивистской методологии, И.В. Лучицкий обнаруживает в работе Ж.-О. Брютэя существенный изъян. Французский историк не раскрывает причин возникновения института рабства в изучаемом регионе и ограничивается лишь географическим фактором: по его мнению, расположение Пиренеев, соседствующих с Африкой, обусловило соприкосновение с африканцами, которые и стали основным источником невольников для европейцев. Но, как показывает сравнение с соседними регионами, в Руссильоне институт рабства возникает лишь во второй половине XIII в., несмотря на близость к Африканскому континенту.

2. Исходя из исследования И.В. Лучицкого, главными причинами рабства в средневековом Руссильоне стали экономические. Из-за эпидемии чумы, разразившейся в XIV в. в Европе, население многих городов и селений значительно сократилось: например, в некоторых местах Руссильона население сократилось вдвое (Лучицкий, 1886b: 3-4). Местные сельскохозяйственные рабочие требовали высокой платы за свой труд, что вызывало негодование и разорение землевладельцев и приводило к ужесточению законодательства, касающегося заработной платы сельскохозяйственных рабочих (таксы на труд, припасы, введение системы штрафов и физических наказаний за нарушения договора и проч.). Земли приходили в запустение. Начались попытки внедрения рабского труда в аграрном секторе. Однако многие рабы, которые появились в Руссильоне с XIII в., и даже местные крестьяне пользовались тем, что регион граничил с французскими территориями, и совершали побеги. Последствием этого стало усиление работорговли и активное применение рабского труда вместо крестьянского с конца XIV в.

3. Описываемое время совпадает с кризисом Позднего Средневековья, после которого отмечаются значительные изменения в экономике европейских государств. Наблюдаются признаки развития товарно-денежных отношений, феодальные же, наоборот, разрушаются; развивается ремесло и торговля, растут города, возникают предпосылки для промышленного переворота и т.д. Такие же процессы мы видим и в Руссильоне.

Его столица, Перпиньян, становится крупным торговым и промышленным центром на Пиренеях. Особый размах приобретают здесь суконные мануфактуры.

Рис. 1. Пиренейский полуостров в XI–XV вв. Обозначения: 1) границы Реконксты; 2) районы крестьянских восстаний XV в. (История Средних..., 2003: 444-445)

И если поначалу коренные жители Руссильона не занимались работорговлей, а рабов, в основном сарацин, привозили сюда купцы из Барселоны и Каталонии, то постепенно ситуация меняется. Например, в XIV в. есть сведения уже о профессиональных работорговцах, которые привозили рабов из Леванта для руссильонских купцов (*Brutails, 1886: 28*). И.В. Лучицкий указывает: «Нередко бывало и так, что перпиньянские купцы отдавали работорговцам <...> целые тюки сукна для продажи на восток, но с обязательством обмена сукна на рабов и рабынь» (*Лучицкий, 1886b: 7*). Выгоды, которые сулила работорговля, привлекали представителей разных сословий и званий: «как люди закона, так и люди меча» (*Brutails, 1886: 7-8*). Из нотариальных актов сохранилась информация о том, что рабов покупали не только купцы, но и юристы, дворяне, монахи и монахини, священники и епископы, рыцари ордена тамплиеров и др. Так, ещё в конце XIII в. власти Руссильона, дабы тоже получать прибыль, установили пошлину на ввоз рабов, которая равнялась 1 су за единицу живого товара.

4. В трудах Ж.-О. Брютэя и критических замечаниях И.В. Лучицкого проступает любопытная грань: позиция Римской католической церкви в отношении рабства. В предыдущем пункте уже был упомянут факт того, что даже представители церкви были вовлечены в работорговлю. И.В. Лучицкий считает, что «мировоззрение» заложило также её основы, как, например, и в Италии: «Всё, что не принадлежало к католическому миру, к римской церкви, считалось уже потому самому подлежащим рабству» (*Лучицкий, 1886b: 5*). Также приводятся сведения, что некоторые отцы церкви в своих проповедях провозглашали рабство естественным и законным, не препятствуя угнетению рабов. Это представление закрепляли и королевские указы (*Brutails, 1886: 6*). Религиозный фактор заметно отражался на жизни рабов. Документы дают несколько интересных фактов. Например, дети рабыни не всегда наследовали её положение: если дети являлись результатом связи христианина (католика) с рабыней, владеец которой – иудей, или, если их отец – христианин, а мать – его собственная рабыня-сарацинка, тогда предписывалось провести таинство крещения, которое освобождало ребёнка от статуса раба. Однако, если ребёнок появлялся из-за связи рабыни-сарацинки с посторонним лицом (пусть даже и христианином), то он не всегда освобождался и после крещения. Беременная рабыня-сарацинка от христианина могла быть продана только христианину-католику. После родов её могли продать кому угодно, а вот её ребёнка – только христианину. При этом во многих землях Пиренейского полуострова «ни еврей, ни сарацин или мавр, не могли держать у себя и покупать рабов христиан»

(Лучицкий, 1886b: 17). При переходе раба в католическую веру его положение смягчалось: раб-христианин мог в последующем выкупить свою свободу. Что же касается рабов, исповавшихся православие, то они приравнивались к отступникам, неверным.

Документы свидетельствуют об эпизодических случаях, когда рабовладелец, движимый любовью к богу и милосердием, даровал рабу свободу. За этой благочестивой фразой нередко скрывалась суровая действительность: новообращённая свобода часто оказывалась лишь отсрочкой, поскольку бывший раб обязывался продолжать служить своему господину на протяжении оговоренного срока. Так, в 1465 г. освобождённая вместе с детьми русская рабыня по имени Мария, «в знак признания их добрых заслуг», обязывалась служить ещё в течение двух лет бывшему владельцу (Brutails, 1886: 32).

5. Опираясь на юридические документы, преимущественно нотариальные акты и законодательные своды, как Ж.-О. Брютэй, так и И.В. Лучицкий подробно раскрывают социальное положение рабов в средневековой общественной структуре Пиренейского полуострова. Данный аспект довольно объёмный и составляет значительную часть исследований обоих историков и заслуживает отдельного изучения. В нашей статье мы обратимся к наиболее значимым его составляющим. Из предыдущих пунктов видно, что, во-первых, рабы в Руссильоне приобретались, как правило, из-за нехватки рабочих рук в аграрном секторе. Власти всячески поддерживали бедствующих землевладельцев, в том числе защищали законодательно их права на имущество, а раб таковым и являлся. Раб также обязан был вернуть собственнику ту сумму, которую на него израсходовали. Имело место даже страхование раба, чтобы в случае его бегства рабовладелец мог получить компенсацию от местного управления в виде полной стоимости этого раба. Кроме того, власти занимались сыском беглых рабов и возвращением их к владельцам: для этого были усилены приграничные посты, а также создан специальный штат полицейских, следящих за всеми дорогами. Когда эти меры не помогали, то правительство обращалось к соседнему государству с требованием выдавать беглых рабов (очень часто из Руссильона и ближайших земель рабы пытались спастись бегством во Францию). Тем, кто содействовал в поимке раба, предназначалась награда, а посредникам и сообщникам в бегстве невольников могла грозить пожизненная каторга (Лучицкий, 1886b: 10-11). Были попытки рабовладельцев отойти от суровых мер: обещания дать полную свободу рабу, если он вернётся из своего побега в течение 8 дней и при условии 12 лет дальнейшей преданной службы господину, а также, если он сможет заплатить определённую сумму (Лучицкий, 1886b: 11) – всё это нередко оставалось лишь призрачной возможностью получить свободу. Таким образом, приведённые меры не оказали ожидаемого воздействия на рабов: бегство в соседнюю Францию продолжалось, рабочих рук также не хватало, средние цены на рабов со второй половины XIV в. значительно увеличились.

В ремесленном производстве Руссильона рабский труд не получил широкого распространения. Есть только упоминания, что иногда рабы становились чистильщиками шерсти, красильщиками, сыромятниками, трудились на верфях или производстве хлопчатобумажных тканей, но количество их было весьма незначительным. И.В. Лучицкий, проводя параллели со средневековой Италией, видит причины такого явления в том, что местные ремесленники и власти опасались, что секреты производства будут раскрыты конкурентам через беглых рабов (Лучицкий, 1886b: 12). Как мы увидим далее, значительное количество рабов (особенно рабынь) руссильонцами покупалось для того, чтобы использовать их в качестве домашней прислуги и для личных надобностей.

Во-вторых, религиозный аспект, о котором было написано выше, оказывал сильное влияние на социальное положение раба. Зачастую рабы не католической веры были угнетаемы сильнее, чем рабы «крещёные», они испытывали на себе «полное рабство», в частности это касалось военнопленных из «врагов веры». Быть католиком для раба становилось выгоднее, так как он получал возможность выкупить свою свободу. Закон выступал на стороне раба-католика, если тот не получал согласия от господина на его выкуп. Раб-католик мог обратиться к третьему лицу, чтобы оно помогло организовать сделку с господином по выкупу невольника на свободу.

Рабское положение несло в себе огромное количество правовых ограничений и запретов. Приведём некоторые примеры, сохранившиеся в испанских юридических актах и описанные Ж.-О. Брютэйем: рабу запрещалось делать завещание, распоряжаться

имуществом, заключать договоры и сделки, являться в суд и быть там истцом или ответчиком (*Brutails*, 1886: 14). Ввиду того, что раб являлся собственностью, то его владелец обладал правом решать многие юридические вопросы за раба или не нес ответственность за преступления раба (например, оплатить убытки потерпевшей стороне). Но бывали и исключения. Случались прецеденты (уголовного характера), когда рабов могли вызывать в суд в качестве свидетелей, не запрашивая разрешения у их господ: 1) сокрытие завещания, в котором рабу даровалась свобода; 2) фальшивомонетничество; 3) убийство рабовладельца (*Лучицкий*, 1886b: 20).

По воле господина раб мог обладать движимым имуществом, выкупить свободу вместе с этим имуществом, заключить брак, а также получить назначение заведовать «какими-либо учреждениями и предприятиями частного характера: имениями, кораблями (в качестве капитана)» (*Лучицкий*, 1886b: 21). Вместе с тем рабовладелец, как глава семьи, мог вершить домашний суд над рабами, наказывая их по своему усмотрению: ударами кнута, обливанием горячим маслом, заковыванием в цепи, вешанием на ноги и руки колодок, заключением в тюрьму (*Лучицкий*, 1886b: 22). Законодательно запрещались только убийство раба и отсечение ему частей тела. Невольник мог освободиться от оков своего рабского состояния только несколькими способами: либо по воле господина, либо по закону. Если по каким-то причинам раб оставался без хозяина, то по решению местных властей он переходил в собственность королевства. Таким же образом могли помиловать осуждённого на смерть раба и конфисковать его в пользу казны. Приведённая выше специфика рабского состояния практически повсеместно встречалась в средневековых испанских землях.

6. И.В. Лучицкий, анализируя кутюмы Тортозы (в совр. Тортоса – город в Каталонии – *Прим. Е.К.*), выделяет два главных источника рабства и считает, что они были применимы ко всем испанским землям, где существовало указанное явление. При изучении очерка Ж.-О. Брютэя возникает аналогичное утверждение.

Первый источник рабства – принцип материнства. Дети наследовали статус матери, независимо от того, был ли их отец вольным человеком или нет. Единственное, что оговаривалось, – религиозный аспект, о котором речь шла в пункте 2 настоящей статьи. Нотариальные акты, хранящие информацию о купле-продаже рабов, дают представление, что дети рабыни также рассматривались как живой товар: их могли продать отдельно от матери, вернуть обратно владельцу, если условие о совместной продаже матери с детьми не было зафиксировано в договоре; помимо этого, цена на ребёнка-раба зачастую была высокой и их могли продавать с самого раннего возраста (есть упоминание, например, о желании господина продать 4-летнего ребёнка рабыни). После заключения брака между рабыней и свободным её дети не обретали автоматически свободу – требовалось нотариально заверенное разрешение её господина. Ж.-О. Брютэй приводит выдержку из нотариальной книги от 2 октября 1419 г., в которой говорится о том, что рабовладелец-купец предоставляет свободу своей рабыне, которая ещё 3,5 года назад вышла замуж за свободного человека, а также её законным детям, которые, хотя и могли быть свободными по праву, но требовалось дополнительное нотариально заверенное подтверждение (*Brutails*, 1886: 12).

Второй источник, который и в Средние века давал массу новых рабов и не является новым для истории человечества, – это война. Пленники, полученные в результате военных действий, И.В. Лучицкий делится на две категории, с опорой на правовые документы Каталонии: собственно рабы (*sclavi*, *servi*, *sclau*) и военнопленные рабы (*captivi*, *catius*). Последние были серьёзно ограничены в своих правах: не допускались в суд в качестве свидетелей по гражданским и уголовным делам, могли подвергаться тяжким наказаниям со стороны владельца; если военнопленный не являлся католиком, то с ним допускалось обращаться с особой жестокостью, так как он являлся «врагом веры» (*Лучицкий*, 1886b: 18). Военнопленный-католик находился в сравнительно лучшем положении: его рабское положение было временным, пока велась война и пока он не внесёт выкуп за освобождение. Королевская власть порой предоставляла законное и неограниченное право своим гражданам пленить и обращать в рабов тех, кто посягнёт на границы их земель, в том числе речь шла и о единоверцах (*Brutails*, 1886: 38-39). Значительна была и роль пиратов в деле военнопленных и торговле невольниками: «Публичное средневековое право предоставляло корсарам полное и неограниченное право вести войны и производить набеги на страны неверных и распоряжаться по своему усмотрению пленными <...> ввозить в город пленных и

распродавать их в рабство либо с публичного торга, либо путём частных сделок. И это их право считалось настолько неприкосновенным, что закон брал их под свою защиту, гарантируя им получение цены за проданного раба» (Лучицкий, 1886b: 18). Особенно это было характерно с XV в., когда заканчивается война за Кастильское наследство, утихает Каталонское восстание, развивается торговля и мореплавание, а руссильонцы всё больше прибегают к покупке рабов от корсаров и из Леванта.

7. Этнический состав прибывавших в Руссильон рабов был разнообразен, и о нём сохранились любопытные данные в работах уже неоднократно упоминаемых нами авторов. Изучая труды И.В. Лучицкого и Ж.-О. Брютэя, можно сделать следующее наблюдение по этнической структуре руссильонских рабов: сначала рабами были арабы, африканцы (обозначенные терминами «сарацины», «мавры» — т.е. все мусульмане), ввозимые из Каталонии и Барселоны (XIII — первая половина XIV в.), затем появляются татары, греки, русские, черкесы, болгары (вторая половина XIV–XV в.) и др. Отметим интересное оперирование термином «татары», «татарка» в нотариальных актах: по мнению И. Лучицкого, так называли в средневековой Европе представителей славянской этнической группы. В подтверждение своей мысли он приводит следующие факты: 1) в нотариальных актах фигурируют «татары-рабы» «белые» и «татары-рабы» «жёлтые»; 2) имена «белых» рабынь — «татарок» также не соответствовали этническому признаку — Марфа, Лукия, Катерина, Мария, Пасхалий и др. (Лучицкий, 1886b: 8). С этим значением терминов отчасти согласны современные исследователи. Например, М.А. Астахов, который подробно рассматривает, какой этнической принадлежностью, именами, цветом кожи обозначались невольники в испанских документах, а также считает, что в договорах купли-продажи рабов существовала «дифференцированная система обозначения этносов» (Астахов, 2017: 40).

Упоминание «татар» и «русских» рабов хронологически совпадает со временем господства на востоке Золотой Орды, через земли которой они отправлялись на чужбину, продаваемые в основном итальянскими купцами (Пачкалов, 2025). Спрос на русских рабов приобретает особый размах в XV в.; цена на них значительно высока, судя по документам, приведённым Ж.-О. Брютэем в его очерке. Поэтому И.В. Лучицкий доказывает, что цена раба зависела в первую очередь от его национальности, а затем уже от его качеств и цели применения: «...Русские рабы и рабыни стоили на рынке дороже всего. Цены за них колебались между 50 и 100 ливрами, тогда как за эфиопов максимум доходил всего до 60 ливров, а минимум до 50 ливров. Цены за черкесов и черкешенок колебались между 27 и 60 ливрами, за сарацин — между 45 и 50, за негров — между 40 и 49. Ниже всего стояли босняки, минимальная цена за которых равнялась 34 ливрам, максимальная не шла выше 45 ливров в XV столетии. Пол не влиял, по-видимому, на цены <...> русские рабы продавались нередко по такой же высокой цене, как и русские рабыни» (Лучицкий, 1886b: 9). Однако современные авторы ставят под сомнение данный вывод: М.А. Астахов настаивает на том, что внешность и физическое состояние невольника являлись определяющими цену факторами (Астахов, 2017: 45).

6. Проблема женского рабства прослеживается в работах Ж.-О. Брютэя и И.В. Лучицкого весьма ярко. Причина этого кроется в том, что большим спросом в Руссильоне обладали невольницы, которые широко использовались в качестве домашней прислуги. Главными критериями в установлении ценности рабыни, по мнению И.В. Лучицкого, выступали этническая принадлежность, красивые черты внешности, цвет кожи и возраст. О судьбах руссильонских рабынь сохранилось большое количество информации благодаря нотариально заверенным сделкам, что превращает это скорбное явление в плодородную почву для исторического анализа.

Приведём наиболее характерные черты женского рабства в Руссильоне XIV–XV вв. Женский рабский труд, как говорилось выше, чаще всего применялся в домашнем хозяйстве, а также рабыни покупались господином для самых различных надобностей. Ж.-О. Брютэй приводит уникальный, задокументированный прецедент, когда рабыня приобреталась с целью заключения законного брака: «19 июля 1449 г. Фернан де Каррион из Перпиньяна продал Мишелю де Беллоку на 3 года, 5 месяцев, 26 дней и за 25 золотых арагонских флоринов черкешенку по имени Катерина, 31 года, “которую вы обещали взять в жёны”. Нотариус, следуя обычаю, гарантировал покупателю отсутствие всех видимых или скрытых болезней рабыни. Мишель де Беллок, со своей стороны, снова обязался публично

жениться на Екатерине» ([Brutails, 1886: 20](#)). Если принять во внимание логические выводы историка М.А. Астахов ([Астахов, 2017: 41](#)), сделанные им в работе о русских пленниках и рабах в Арагонской короне в эпоху Позднего Средневековья, осмелимся предположить, что указанная рабыня, по всей вероятности, действительно происходила из черкесского этноса, а имя Катерина получила, обратившись в католическую веру.

В указанный временной промежуток, как видно из трудов И.В. Лучицкого, на невольничьих рынках Руссильона и итальянских городов высокого спроса достигали «русские рабыни» ([Лучицкий, 1886a](#); [Лучицкий, 1886b](#)), возраст которых был преимущественно 18–30 лет. Исследователь, характеризуя положение русских невольниц в Руссильоне, приводит информацию о том, что с XV в. в нотариальных актах об этих рабынях появляются сведения, что они могут служить кормилицами ([Лучицкий, 1886b: 12-13](#)). Рабовладельцы довольно быстро оценили прибыльность новой практики. Поэтому, приобретая дорогую русскую рабыню, они в течение небольшого времени возвращали свои затраты, получая за неё стабильный доход в виде наёмной платы. Наниматель же нотариально обязывался вернуть рабыню-кормилицу в целости и невредимости. Но дело, выгодное рабовладельцам Руссильона, обернулось печальным явлением: в конце XV в. приюты Перпиньяна были переполнены незаконнорожденными, брошенными детьми, чьи матери часто были рабынями-кормилицами, а общественная мораль столицы пыталась бороться с развратом, который порождал такое обстоятельство.

Сделки купли-продажи и найма рабынь обязательно регистрировались в Руссильоне нотариально и сопровождалась пунктами, включавшими обязанности сторон. Рабовладельцем и покупателем/нанимателем оговаривалось состояние здоровья рабыни, которое, если было недостоверным (например, имелись у неё такие болезни, как «сумасшествие», «падучая болезнь» и др.), то служило причиной для расторжения сделки и даже обращения в суд. Что касается закона, то он, как и в общем в случае, защищал имущество рабовладельца: за покушение на рабыню, причинение ей вреда или насилие над ней полагались серьёзные наказания, вплоть до повешения ([Лучицкий, 1886b: 14-15](#)).

5. Заключение

И.В. Лучицкий внёс огромный вклад в становление и развитие не только российской исторической науки, но и был признанным за рубежом специалистом по истории западноевропейских стран, ярким представителем знаменитой «École russe» благодаря изучению социально-экономических и политических процессов предреволюционной Франции. Также его усилия дали импульс к зарождению такого направления, как российская испанистика, а его ученик В.К. Пискорский занимался испанской медиевистикой и положил начало собственно школе испанистики в отечественной исторической науке. Труд И.В. Лучицкого «Русские рабы и рабство в Руссильоне в XIV и XV вв.», несмотря на заявленный характер рецензии, имеет под собой весомые материалы и их анализ, поэтому может выступать как ценный исторический источник по исследуемой проблематике. Этот вывод в полной мере относится и к рецензируемой И.В. Лучицким работе французского историка Ж.-А. Брютэя «*Étude sur l'esclavage en Roussillon du XIIIe au XVIIe siècle*». Как было уже отмечено выше, ни очерк Ж.-А. Брютэя, ни само имя автора не известны широко современной российской исторической науке.

Погружаясь в изучение этих двух уникальных изысканий историков XIX в., можно выделить следующие аспекты рабства и их влияние на развитие данного явления, имевшего место на Пиренейском полуострове в период Позднего Средневековья:

1) Социально-экономические факторы в распространении рабства в Руссильоне и на Пиренеях в целом играли ведущую роль ввиду нехватки рабочих рук и дешёвого труда, усугублённой последствиями «Чёрной смерти» XIV в., а также начавшимся кризисом феодальной системы. Они значительно поспособствовали укоренению такой практики, как рабство и работорговля.

2) Позиция Римской католической церкви в отношении рабства не характеризовалась милосердием. Вместо осуждения рабство преподносилось как нечто естественное, предопределённое свыше. Представители церкви не гнушались иметь собственных рабов и были также задействованы в сделках по работорговле, получая прибыль. Рабы,

не принадлежащие к католической вере, например, мусульмане или православные, находились в самом незавидном положении и часто угнетались.

3) Социальное и правовое положение рабов в Руссильоне и на Пиренейском полуострове мало чем отличалось от других регионов, где имело место рабство. Они преимущественно были задействованы в сельском хозяйстве, изредка – в ремесленном производстве. Раб не обладал гражданскими правами, расценивался как имущество и живой товар, находился практически в полном распоряжении своего господина. Закон защищал раба только от лишения жизни и серьезных изувечий. В противовес этому закон оберегал рабовладельцев и даже помогал им в поисках сбежавших рабов.

4) Рабство в Руссильоне возникает в XIII в., а достигает своего апогея в XIV–XV вв., о чём свидетельствует и количество нотариально заверенных сделок рабовладельцев. Выделяется и два главных источника рабства, которые были характерны и для других регионов, где имело место рабство, – принцип наследования рабского статуса по материнской линии и пленники, добытые во время военных действий и набегов (например, корсаров).

5) Этнический состав руссильонских рабов представлял собой пёструю картину. Здесь были не только мавры и сарадины, но ещё встречались татары, черкесы, греки, русские, болгары, босняки и т.д. Под термином «татары» не всегда были записаны в нотариальных актах представители одноимённой этнической группы; очевидно, что речь могла идти и о славянах, отличавшихся особыми внешними качествами (белый цвет кожи, например), которые ценились на руссильонских рынках живого товара.

6) Что касается гендерного аспекта, то к XV в. среди рабов Руссильона значительную долю стали занимать женщины возрастом от 18 до 30 лет. Они были задействованы не только как домашняя прислуга, но и использовались своими владельцами в качестве кормилиц, которые «сдавались в аренду» на определённый срок нанимателю.

7) Таким образом, опираясь на труды И.В. Лучицкого и Ж.-А. Брютэя, можно воссоздать живую картину рабства в Руссильоне, проследить непростые пути этого явления, выделить его уникальные черты и общие закономерности, эхом отзывающиеся по всему Западнему Средиземноморью и Европе. Выделенных в представленной статье пункты, на наш взгляд, требуют дальнейшей разработки и глубокого изучения историками. Введение же в научный оборот забытых работ И.В. Лучицкого и Ж.-А. Брютэя, рассмотренных сквозь призму современной исторической науки и накопленного опыта и знаний, несомненно, откроет новые, доселе сокрытые горизонты рабства и работорговли.

Литература

Астахов, 2017 – Астахов М.А. Русские пленники и рабы в Арагонской Короне XIV–XV вв. / *Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха: коллективная монография*. М., 2017. С. 39–46.

Ауров – Ауров О. Русская испанистика // Образовательный сайт «Магистерия». [Электронный ресурс]. URL: <https://magisteria.ru/history-of-medieval-spain/russian-hispanic-studies> (дата обращения: 25.06.2025).

Васильев, 2010 – Васильев Ю.А. Феномен «Ecole gusse»: теория истории Н. И. Кареева (начало) // *Знание. Понимание. Умение*. № 2. 2010. С. 124–128.

История Средних..., 2003 – История Средних веков: В 2 т. Т. 1: Учебник / Под ред. С.П. Карпова. М.: Изд-во Моск. ун-та; Изд-во «Высшая школа», 2003. 640 с.

Карпов, 1986 – Карпов С.П. Работорговля в Южном Причерноморье в первой половине XV в. (преимущественно по данным массарий Каффы) // *Византийский временник*. Т. 46. 1986. С. 139–145.

Клибанов, 1987 – Клибанов А. И. У истоков русско-испанских взаимосвязей (80-е годы XV–XVI вв.) // *Вопросы истории*. №7. 1987. С. 45–59.

Кудрявцев, 1937 – Кудрявцев А.Е. Испания в Средние века. Л., 1937. 250 с.

Ламанский, 1859 – Ламанский В.И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб.: тип. Акад. наук, 1859. 370 с.

Лиман, 2006 – Лиман С.И. Средневековая Италия в трудах медиевистов украинских земель Российской империи (1804–1885 гг.) // *Проблемы истории, филологии, культуры*. № 16–1. 2006. С. 338–357.

Луняк, 2021 – Луняк Е.Н. Батыево нашествие в отображении французских средневековых авторов // *Золотоордынское обозрение*. №1. Т. 9. 2021. С. 28-42.

Лучицкий, 1886a – Лучицкий И.В. Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV и XV вв. Киев: Унив. тип. (И.И. Завадского), 1886. 56 с.

Лучицкий, 1886b – Лучицкий И.В. Русские рабы и рабство в Руссильоне в XIV и XV вв. A. Brutails, étude sur l'esclavage en Roussillon du XIII au XVII s. 1886: [Рец.]. Киев : Унив. тип., 1886. 30 с.

Пачкалов, 2025 – Пачкалов А.В. О связях государств Пиренейского полуострова с Золотой Ордой // *Золотоордынское обозрение*. Т. 13. №1. 2025. С. 61-71.

Хлудова, Цыбульников – Хлудова Л.Н., Цыбульникова А.А. Торговля невольницами на Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа в живописных и письменных источниках XIX в. // *Российский Кавказ*. [Электронный ресурс]. URL: <https://roskav.ru/populyarno/torgovlya-nevolnitsami-na-chernomorskom-poberezhe-severo-zapadnogo-kavkaza-v-zhivopisnyh-i-pismennyh-istochnikakh-xix-v-2/> (дата обращения: 25.06.2025).

Brutails, 1886 – Brutails J.-A. Étude sur l'esclavage en Roussillon, du XIIIe au XVIIe siècle. Paris, 1886. 44 p.

References

Astakhov, 2017 – Astakhov, M.A. (2017). Russkie plenniki i rabi v Aragonskoi Korone XIV-XV vv. [Russian captives and slaves in the Crown of Aragon in the 14th-15th centuries]. Ispaniya i Rossiya: istoricheskie sudbi i sovremennaya epokha: kollektivnaya monografiya. M. Pp. 39-46. [in Russian]

Aurov – Aurov, O. Russkaya ispanistika [Russian hispanic studies]. Obrazovatel'nyi sait «Magisteriya». [Electronic resource]. URL: <https://magisteria.ru/history-of-medieval-spain/russian-hispanic-studies> (date of access: 25.06.2025). [in Russian]

Brutails, 1886 – Brutails, J.-A. (1886). Étude sur l'esclavage en Roussillon, du XIIIe au XVIIe siècle [Study on slavery in Roussillon, from the 13th to the 17th century]. Paris. 44 p. [in French]

Istoriya Srednikh..., 2003 – Istoriya Srednikh vekov: V 2 t. T. 1: Uchebnik [History of the Middle Ages: In 2 volumes. Volume 1: Textbook]. Pod red. S.P. Karpova. M.: Izd-vo Mosk. un-ta; Izd-vo «Visshaya shkola», 2003. 640 p. [in Russian]

Karpov, 1986 – Karpov, S.P. (1986). Rabotorgovlya v Yuzhnom Prichernomore v pervoi polovine XV v. (preimushchestvenno po dannim massarii Kaffi) [Slave trade in the Southern Black Sea region in the first half of the 15th century (mainly based on data from the Kaffa massariums)]. Vizantiiskii vremennik. 46: 139-145. [in Russian]

Khludova, Tsibulnikova – Khludova, L.N., Tsibulnikova, A.A. Torgovlya nevolnitsami na Chernomorskom poberezhe Severo-Zapadnogo Kavkaza v zhivopisnykh i pismennykh istochnikakh XIX v. [Slave trade on the Black Sea coast of the North-West Caucasus in pictorial and written sources of the 19th century]. Rossiiskii Kavkaz. [Electronic resource]. URL: <https://roskav.ru/populyarno/torgovlya-nevolnitsami-na-chernomorskom-poberezhe-severo-zapadnogo-kavkaza-v-zhivopisnyh-i-pismennyh-istochnikakh-xix-v-2/> (date of access: 25.06.2025). [in Russian]

Klibanov, 1987 – Klibanov, A. I. (1987). U istokov russko-ispanskikh vzaimosvyazei (80-e godi XV-XVI vv.) [At the origins of Russian-Spanish relations (80s of the 15th-16th centuries)]. Voprosi istorii. 7: 45-59. [in Russian]

Kudryavtsev, 1937 – Kudryavtsev, A.E. (1937). Ispaniya v Srednie veka [Spain in the Middle Ages]. L. 250 p. [in Russian]

Lamanskii, 1859 – Lamanskii, V.I. (1859). O slavyanakh v Maloi Azii, v Afrike i v Ispanii [About the Slavs in Asia Minor, Africa and Spain]. SPb.: tip. Akad. nauk. 370 p. [in Russian]

Liman, 2006 – Liman, S.I. (2006). Srednevekovaya Italiya v trudakh medievistov ukrainskikh zemel Rossiiskoi imperii (1804-1885 gg.) [Medieval Italy in the works of medievalists of the Ukrainian lands of the Russian Empire (1804-1885)]. Problemi istorii, filologii, kulturi. 16-1: 338-357. [in Russian]

Luchitskii, 1886a – Luchitskii, I.V. (1886). Rabstvo i russkie rabi vo Florentsii v XIV i XV vv. [Slavery and Russian slaves in Florence in the 14th and 15th centuries]. Kiev: Univ. tip. (I.I. Zavatskogo). 56 p. [in Russian]

Luchitskii, 1886b – *Luchitskii, I.V.* (1886). Russkie rabi i rabstvo v Russilone v XIV i XV vv. A. Brutails, étude sur l'esclavage en Roussillon du XIII au XVII s. 1886: [Rets.] [Russian slaves and slavery in Roussillon in the 14th and 15th centuries. A. Brutails, study on the slavery in Roussillon from the 13th to the 17th centuries. 1886: [Review]. Kiev: Univ. tip. 30 p. [in Russian]

Lunyak, 2021 – *Lunyak, Ye.N.* (2021). Batievo nashestvie v otobrazhenii frantsuzskikh srednevekovikh avtorov [Batu's invasion as depicted by French medieval authors]. *Zolotoordinskoe obozrenie*. 1(9): 28-42. [in Russian]

Pachkalov, 2025 – *Pachkalov, A.V.* (2025). O svyazyakh gosudarstv Pireneiskogo poluostrova s Zolotoi Ordoi [The connections of the Iberian Peninsula States with the Golden Horde]. *Zolotoordinskoe obozrenie*. 13(1): 61-71. [in Russian]

Vasilev, 2010 – *Vasilev, Yu.A.* (2010). Fenomen «École russe»: teoriya istorii N. I. Kareeva (nachalo) [The phenomenon of “École russe”: N.I. Kareeva's theory of history (beginning)]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2: 124-128. [in Russian]

Рабство на Пиренеях в эпоху Позднего Средневековья: обращаясь к трудам И.В. Лучицкого и Ж.-О. Брютэя о рабстве и работорговле в Руссильоне

Евгения Владимировна Кравцова ^{a, *}

^a Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуются аспекты рабства и работорговли на Пиренейском полуострове, а именно в его северо-восточной части, в землях Руссильона. Хронологический период изучаемой проблематики захватывает этап Позднего Средневековья (XIV–XV вв.), когда Руссильон был испанской территорией. В качестве опорных материалов выступают исследования историков XIX в. – И.В. Лучицкого и Ж.-О. Брютэя. Через рецензию И.В. Лучицкого «Русские рабы и рабство в Руссильоне в XIV и XV вв.» (1886 г.), отличающуюся особой глубиной, введением исторических документов и проведением собственного анализа обозначенной проблемы, исследовательский путь ведёт к очерку французского автора Ж.-О. Брютэя, посвящённому теме рабства в Руссильоне XIII–XVII вв. Его франкоязычное изыскание «Étude sur l'esclavage en Roussillon, du XIIIe au XVIIe siècle» (1886 г.) также является весьма ценным источником для историков: оно содержит множество выдержек, цитат, копий текстов нотариальных актов, постановлений властей, статистических данных. При изучении указанных трудов выявлены следующие ключевые грани рабства, характерные для средневекового Руссильона: 1) социально-экономические причины распространения рабства; 2) влияние религиозного фактора и неоднозначное отношение католической церкви к рабству; 3) тяжёлое социальное и правовое положение невольников; 4) источники, пополнявшие слой рабов; 5) этническое разнообразие рабов, прибывавших не только с Африканского континента и берегов Средиземноморья, но и с далёкого Черноморского побережья; 6) распространение женского рабства и его специфические, порой ужасающие черты. Раскрытие этих сторон, несомненно, является актуальной задачей и требует дальнейшей разработки и пристального внимания со стороны современных исследователей.

Ключевые слова: рабство и работорговля в Испании, Руссильон, И.В. Лучицкий, Ж.-О. Брютэй, русские рабы, женское рабство, нотариальные акты, Позднее Средневековье.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: evgeniya-sinchina@yandex.ru (Е.В. Кравцова)

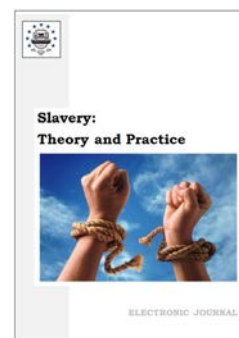

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Slavery: Theory and Practice
 Issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2025. 10(1): 57-67

DOI: 10.13187/slave.2025.1.57

<https://stp.cherkasgu.press>

Slavery in the Caucasus and Central Asia in the XVIII–XIX centuries: A Review of Modern Historiography

Anvar M. Mamadaliev ^{a, b, *}^a Cherkas Global University, Houston, USA^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

This historiographical study is devoted to the analysis of modern studies of slavery of the XVII–XIX centuries in the territories of Central Asia and the Caucasus. The research on the institution of slavery within the specified territorial and chronological boundaries served as the material for the work. The methodological complex consists of the historiographical method, the classification method, etc.

In the course of the work done, it was concluded that no fundamental research of the institute of slavery and the slave trade in the Caucasus and Central Asia of the XVIII–XIX centuries was conducted in the period from 2015 to 2025; only articles in periodicals, collections of scientific conferences, etc. are publicly available.

It is convenient to divide the latest historiography of slavery in these territories into three sections: (a) A study of slavery in the Caucasus; (b) a study of slavery in Central Asia; and (c) comparative studies of the institution of slavery and the slave trade in the Caucasus and Central Asia.

The first category of works includes the research of A.A. Cherkasov, A.Y. Peretyatko, E.I. Inozemtseva, M. Shmigel, S.N. Bratanovsky, S.L. Dudarev, D.S. Dudarev, V.S. Molchanova, V.G. Ivantsov, N.S. Stepanenko, G. Rayovich, D. Yezhevsky, A. Vazero, M. Trailovich, A.A. Golovleva, A.V. Goncharenko, Yu.Y. Klychnikova, T.A. Magsumova, T.E. Zulfugarzade, M.B. Kolotkov, S.B. Zinkovsky, M.M. Vershinina, I.V. Elizarov, G.M. Huseynov, H.M. Donogo, T.S. Magomadova, L.B. Salikhova and others. The authors make an in-depth analysis of the essence of slavery and the slave trade in the Caucasus during the XVIII–XIX centuries, and also highlight its features and distinguishing features from slavery in neighboring territories.

The studies of the Institute of Central Asian slavery in the period of the XVIII–XIX centuries are represented by the works of I.A. Ermachkov, L.A. Koroleva, E.K. Mineeva, L.L. Balanyuk, O.A. Efimova, A.Y. Peretyatko, S.B. Kenzhebayeva, I.R. Prokhorov and others. This category of works is less extensive; it explores various areas of slavery and the slave trade, as well as raids by Kazakh tribes on the southeastern borders of the Russian Empire in order to capture slaves.

The smallest is the third category of works, which is represented by comparative studies of the Institute of Slavery of the Caucasus and Central Asia, and it is represented by the works of T.A. Magsumov, T.E. Zulfugarzade, M.B. Kolotkov, S.B. Zinkovsky and others.

Keywords: slavery, slavery, slave trade, historiography of slavery, Central Asia, Caucasus, slavery in the XVII–XIX centuries.

* Corresponding author

E-mail addresses: anvarm@mail.ru (A.M. Mamadaliev)

1. Введение

Проблема рабства на территории Российской империи и в Центральной Азии (включая Переднюю Азию или так называемый Ближний Восток) всегда привлекала ученых-историков, в том числе и российских; этому вопросу посвящено достаточно много исследований и в разные периоды – как в дореволюционный, так и в советский и современный российский этапы отечественной истории. Вместе с тем, интерес в разные периоды времени оставался различным. Дореволюционная историография заложила основы изучения рабства Кавказа, Закавказья и Азии, однако в советский период интерес к рабству на указанных территориях несколько упал в связи с несвойственной для советского режима актуальностью: невольничество считалось уделом прошлого и советским историкам представлялось нецелесообразным исследовать эту тему сколь-либо глубоко, в отличие, к примеру, от невольничества («холопства») Древней Руси. Современные же российские историки, а также исследователи на постсоветском пространстве, вновь вернулись к активному изучению темы рабства Кавказа, Закавказья и Азии периода новой истории. Таким образом, количество исследований по данной проблеме, – как фундаментальных, так и небольших статей в периодических научных изданиях, – достаточно много.

Цель же нашего исследования – сделать анализ новейшей историографии по проблемам рабства Кавказа и Центральной Азии в XVIII–XIX веках, вышедшей не позднее 10 лет с момента опубликования (то есть исследования, опубликованные не ранее 2015 года). Отметим, что подобных историографических работ практически нет, что обуславливает актуальность выбранной нами проблемы и, одновременно, ее научную новизну.

2. Материалы и методы

Материалом данного исследования послужили исторические научные исследования по проблеме института рабовладения на Кавказе и в Центральной Азии, опубликованные в период с 2015 по 2025 годы.

Методологическую основу исследования составляют:

- Историографический метод: предусматривает анализ содержания исторических исследований, опубликованных за последние 10 лет, по проблеме изучения института рабовладения в Центральной Азии и на Кавказе в XVIII–XIX веках;
- Метод классификации: применен для разграничения по категориям вышеуказанных трудов, что представляется удобным для более качественного их анализа.

Работа опирается на такие принципы научного исторического исследования, как объективности, всесторонности, системности и др.

3. Обсуждение

Как указывалось выше, с учетом того, что российских исследований по истории рабства на территории на Кавказе и в Центральной Азии достаточно много, в данной работе проанализированы лишь новейшие исследования, которым не более 10 лет.

Представляется оптимальным разделить указанную историографию на несколько разделов, а именно:

- Труды по изучению рабства на Кавказе в XVIII–XIX веках;
- Работы, исследующие проблемы рабства в Центральной Азии в XVIII–XIX веках.

Также, считаем необходимым выделить и третий раздел – это сравнительно-исторические работы, которые лежат на стыке двух первых категорий и сравнивают системы рабовладения на Кавказе и в Центральной Азии.

Указанная классификация новейших исследований по проблеме рабовладения на новых территориях Российской империи также является одним из элементов новизны данного исследования.

Считаем нецелесообразным подробно останавливаться на историографическом анализе в данном разделе, так как он будет сделан ниже. Здесь отметим только, что мы апеллировали к трудам А.А. Черкасова (Cherkasov, 2020; Cherkasov et al., 2018), М. Шмигеля (Šmigel', 2020; Шмигель, 202), С.Н. Братановского, В.С. Молчановой, В.Г. Иванцова (Cherkasov et al., 2016; Cherkasov et al., 2016a; Ivantsov et al., 2017), Е.И. Иноземцевой (Inozemtseva, 2017; Inozemtseva, 2018; Inozemtseva, 2019), А.Ю. Перетятко (Перетятко, 2021; Перетятко, 2023; Peretyatko, 2021; Peretyatko, 2025), С.Л. Дударева, Д.С. Дударева,

Н.С. Степаненко (Dudarev, 2021; Dudarev, Dudarev, 2017; Дударев, Дударев, 2016; Dudarev, Stepanenko, 2024), Г. Райовича, Д. Ежевски, А. Вазеровой, М. Трайлович (Rajović et al., 2018), А.А. Головлевой (Golovlyov, 2022), А.В. Гончаренко (Goncharenko, 2021; Goncharenko, 2022), Ю.Ю. Клычникова (Klychnikov, 2020; Клычников, 2017), Т.А. Магсумова, Т.Э. Зулфугарзаде, М.Б. Колоткова, С.Б. Зинковского (Magsumov et al., 2022; Magsumov et al., 2022a), М.М. Вершининой, И.В. Елизарова (Вершинина, Елизаров, 2021), Г.М. Гусейнова, Х.М. Доного (Гусейнов, Доного, 2017), Т.А. Дзуганова (Дзуганов, 2015), Т.С. Магомадовой (Магомадова, 2017), Л.Б. Салиховой (Салихова, 2024), И.А. Ермачкова, Л.А. Королевой, Е.К. Минеевой и Л.Л. Баланюк (Ermachkov et al., 2021; Ermachkov et al., 2023), С.Б. Кенжебаевой (Кенжебаева, 2019), И.Р. Прохорова (Прохоров, 2025) и др.

4. Результаты

Прежде всего, необходимо определиться с географическими рамками данного исследования. Кавказом в географии и, соответственно, истории, обычно принято называть территории, расположенные вдоль главного горного Кавказского хребта, а именно территории современной Российской Федерации (регионы Дагестана, Ингушетии, Чечни, Осетии, Абхазии и др.). Закавказьем считаются горные районы и плоскогорья между Кавказским хребтом на севере, Каспийским морем на востоке, Черным морем на западе и Турецким плоскогорьем и Персидской равниной на юге; в настоящее время там располагаются Грузия, Армения и Азербайджан.

И, наконец, Центральной Азией (в советской исторической и географической науках – Средней Азией) является территория между Ближним Востоком на западе, сибирскими территориями на севере, странами Южной Азии (Афганистан, Ирак, Пакистан, на юго-востоке – Индия) на юге, а также Монголией и Китаем на востоке; из современных государств в указанном районе расположены страны постсоветского пространства, которые также были частью и Российской империи: Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан, Туркмения.

Нельзя не отметить и того факта, что Азия является полиэтническим и многоконфессиональным регионом; при этом институт рабства в исламских, буддистских и индуистских странах имеет весьма существенные различия, выработанные даже не веками, а тысячелетиями (что особенно справедливо для двух последних конфессий). Исходя из сказанного, авторы делают соответствующие оговорки, а в масштабах историографического исследования это является одной из причин для учета и соответствующей классификации трудов по истории рабовладения. Исходя из принятых нами географических рамок мы, таким образом, осветим историографию лишь исламской модели невольничества, так как в указанных регионах проживали преимущественно мусульмане.

Отметим, что вышеназванные территории стали частью Российской империи относительно недавно. Кавказ был присоединен в XIX веке; соседние с ним территории, в частности, Крым и Причерноморье – в XVIII веке. Что касается регионов Центральной Азии, то казахские Жузы входили в Российское государство на протяжении почти века (большая часть – в период с начала 30-х годов XVIII века по середину 20-х годов XIX века), а южные государства Центральной (Средней) Азии (разделенные на небольшие государства, такие как Хивинское, Кокандское ханства, Бухарский эмират и пр.) вошли уже во второй половине XIX века. Безусловно, присоединение новых территорий с кардинально различающейся культурой, менталитетом и традициями (включая и институт невольничества) не могло не повлиять на жизнь и культуру остальных территорий России. Таким образом, хронологические рамки данного исследования – XVIII–XIX век.

Сразу укажем, что фундаментальных исследований рабства в этот период не проводилось; имеются лишь статьи в периодических научных изданиях, сборниках научных конференций и пр.

1. Согласно приведенной выше классификации, рассмотрим наиболее многочисленный раздел новейших российских исследований по институту невольничества, а именно труды по истории рабства на Кавказе. Многочисленность данной категории мы можем объяснить тем обстоятельством, что Кавказ в настоящее время является территорией Российской Федерации, а территории Центральной Азии – независимыми государствами. Так как предметом исследования является российская историография, то вполне

закономерно, что исследований российских территорий российскими же исследователями на порядок выше.

Значительное количество работ опубликовано в зарубежных изданиях. Одним из авторитетных исследователей института рабовладения на Кавказе является проф. А.А. Черкасов, исследующий источники по проблемам рабовладения у черкесов (см., в частности, [Cherkasov, 2020](#)), а также в соавторства с М. Шмигелем, С.Н. Братановским, В.С. Молчановой и В.Г. Иванцовым анализирующий демографические характеристики жителей абхазских территорий в 1-й половине XIX века, включая и соотношение аристократии и невольников (см., например, [Cherkasov et al., 2016](#); [Cherkasov et al., 2016a](#)), особенности, характеристики и процесс эволюции института невольнической торговли на Кавказе в период с IV-го по XIX-й века ([Cherkasov et al., 2018](#)) и другие аспекты невольничества, включая и комплексные работы, в которых предметом исследования были другие аспекты (см., в частности, [Ivantsov et al., 2017](#)).

Большой вклад в изучение института рабовладения внесла авторитетный исследователь кавказского рабства и проблем взаимоотношений российских этносов, медиевист Е.И. Иноземцева. Одними из последних ее работ в сфере изучения невольничества являются труды по изучению института рабовладения в Дагестане в период позднего феодализма (в которой делается обзор, включающий хронологические рамки и нашего исследования) (см., например, [Inozemtseva, 2017](#); [Inozemtseva, 2018](#)), а также исследование социально-правового статуса рабов на Северо-Восточном Кавказе с конфессиональной и правовой позиции (и первая, и вторая в феодальных мусульманских странах лежали, фактически, в одной плоскости, что дает возможность некоторым исследователям не вполне справедливо отождествлять их – прим. авт.) ([Inozemtseva, 2019](#)).

Другим известным исследователем рабства на Кавказе является проф. А.Ю. Перетяtko, в сфере интересов – историографический анализ кавказского рабства (в частности, весьма подробное исследование работ А.А. Черкасова ([Перетяtko, 2021](#)) и других авторов ([Перетяtko, 2023](#)), а также использования жанра так называемых «невольничьих повествований» при описании истории Кавказа ([Peretyatko, 2021](#)), в которой делается глубокий анализ содержания сборника документов «Черкесские невольничьи повествования».

Интерес представляют и исследования С.Л. Дударева, который анализирует правовой и социальный статус, а также роль армянских торговцев в российско-горских отношениях в конце XVIII – первой половине XIX вв. на территории Черкесии в Российской империи (современный Краснодарский край и Адыгея) ([Dudarev, 2021](#)), анализ форм личной зависимости у горцев в XIX веке (в соавторстве с Д.С. Дударевым; [Dudarev, Dudarev, 2017](#); [Дударев, Дударев, 2016](#)), а также историографический анализ научного вклада в изучение кавказского рабства профессора А.Ю. Перетяtko (в соавторстве со Н.С. Степаненко; [Dudarev, Stepanenko, 2024](#)).

Из других работ, опубликованных зарубежом, отметим исследования Михала Шмигеля об эволюции женской работорговли у черкесов в XIII-XIX вв. ([Šmigel', 2020](#)), а также правовой статус работорговли на Кавказе и соотношение в Российской империи с ее международным запретом в XIX веке ([Шмигель, 2023](#)), Г. Райовича, Д. Ежевски, А. Вазеровой, М. Трайлович об особенностях обмене пленными как новой парадигме кавказской работорговли ([Rajović et al., 2018](#)), А.А. Головлевой о статусе рабов и князей у чеченского и ингушского этносов ([Golovlyov, 2022](#)), А.В. Гончаренко об особенностях правового и социального положения монастырских рабов в Османской империи (территории Кавказе, позже вошедшие в Российскую империю) в первой половине XIX века ([Goncharenko, 2021](#)), а также системе наказания кавказских рабов во второй половине XVIII – первой половине XIX веков ([Honcharenko, 2022](#)), Ю.Ю. Клычникова о феномене северокавказской работорговле (ее особенности, сравнительные характеристики, сущность и пр.) ([Klychnikov, 2020](#)), Т.А. Магсумова, Т.Э. Зульфугарзаде, М.Б. Колоткова и С.Б. Зинковского об экономическом статусе рабов и работорговли на Кавказе ([Magsumov et al., 2022a](#)) и др.

Из работ, опубликованных в Российской Федерации, отметим статьи М.М. Вершининой и И.В. Елизарова о причинах рабства на Северном Кавказе, путях и попытках ее решения в Российской империи ([Вершинина, Елизаров, 2021](#)), Г.М. Гусейнова и Х.М. Доного об архивных материалах, касающихся рабства горцев (на примере территорий

Российской империи, которые сегодня входят в современный Дагестан Российской Федерации) (Гусейнов, Доного, 2017), Т.А. Дзуганова о характере и особенностях невольнической торговли у черкесов в позднем средневековье, в которой делается отсылка и к XVIII веку (Дзуганов, 2015), Ю.Ю. Клычников о судьбе невольничьих персоналий и конфессионального влияния на работорговлю на примере Д.Г. Гурамишвили (Клычников, 2017), Т.С. Магомадовой об особенностях статуса невольничества и работорговли у чеченского этноса в XVII – начале XVIII вв. (Магомадова, 2017), а также Л.Б. Салиховой об общих вопросах работорговли на прикаспийских территориях Восточного Кавказа (Салихова, 2024).

2. Новейшие труды по истории рабовладения в Центральной Азии (отметим, что указанная категория в сравнении с предыдущей немногочисленна) представлены следующими работами.

Из статей, опубликованных зарубежом, отметим труды И.А. Ермачкова, Л.А. Королевой, Е.К. Минеевой и Л.Л. Баланюк о понятии, сущности, отличительных особенностях, природе и проявлении рабства в Центральной Азии в первой половине XIX века до того периода, когда указанные территории вошли в состав Российской империи (Ermachkov et al., 2021). Также, указанные авторы, в соавторстве с О.А. Ефимовой исследуют проблемы, связанные с преступлениями и наказаниями среднеазиатских невольников (Ermachkov et al., 2023).

Из работ, опубликованных в Российской Федерации и касающихся института невольничества Центральной Азии отметим исследование А.Ю. Перетятко о проблемах защиты Оренбургской губернии от казахских набегов с территорий, не являющихся еще российскими с целью захвата в плен рабов в начале XIX века (Peretyatko, 2025), С.Б. Кенжебаевой о среднеазиатской работорговле и ее влиянии на современное общество (Кенжебаева, 2019), а также И.Р. Прохорова о проблемах с казахскими набегам и путями их решения Российской империей (Прохоров, 2025).

3. Наконец, третью категорию трудов составляют сравнительные исследования. Отметим, что количество их весьма невелико. В этой связи прежде всего отметим сравнительное исследование Т.А. Магсумова, Т.Э. Зулфугарзаде, М.Б. Колотков и С.Б. Зинковского об общих и особенных чертах центральноазиатского и кавказского института рабовладения (Magsumov et al., 2022).

В заключение отметим, что объем данного исследования не позволяет в полной мере осветить новейшую историографию по проблеме рабства в Центральной Азии и на Кавказе, однако основной комплекс трудов, вышедших в 2015–2025-м годах, был нами освещен.

5. Заключение

1. Фундаментальных исследований института рабовладения и работорговли на Кавказе и в Центральной Азии XVIII–XIX веков в период с 2015 по 2025 годы не проводилось; в открытом доступе имеются лишь статьи в периодических научных изданиях, сборниках научных конференций и пр.

2. Целесообразным представляется разделение новейшей историографии на три раздела, а именно:

- а) изучение рабства на Кавказе;
- б) исследование невольничества в Центральной Азии;
- в) сравнительные исследования института рабовладения и работорговли на Кавказе и в Центральной Азии.

3. К первой категории работ отнесем исследования А.А. Черкасова, А.Ю. Перетятко, Е.И. Иноземцевой, М. Шмигеля, С.Н. Братановского, С.Л. Дударева, Д.С. Дударева, В.С. Молчановой, В.Г. Иванцова, Н.С. Степаненко, Г. Райовича, Д. Ежевски, А. Вазеровой, М. Трайлович, А.А. Головлёвой, А.В. Гончаренко, Ю.Ю. Клычкова, Т.А. Магсумова, Т.Э. Зулфугарзаде, М.Б. Колоткова, С.Б. Зинковского, М.М. Вершининой, И.В. Елизарова, Г.М. Гусейнова, Х.М. Доного, Т.С. Магомадовой, Л.Б. Салиховой и др.

Авторы делают глубокий анализ сущности рабовладения и работорговли на Кавказе в период XVIII–XIX веков, а также выделяют его особенности и отличительные черты от невольничества на сопредельных территориях.

4. Исследования института невольничества Центральной Азии в период XVIII–XIX веков представлены трудами И.А. Ермакова, Л.А. Королевой, Е.К. Минеевой, Л.Л. Баланюк, О.А. Ефимовой, А.Ю. Перетягко, С.Б. Кенжебаевой, И.Р. Прохорова и др. Данная категория трудов является менее обширной; она исследует различные сферы рабовладения и работорговли, а также набегов со стороны казахских племен на юго-восточные границы Российской империи с целью захвата невольников.

5. Самой малочисленной является третья категорию трудов, которую представляют сравнительные исследования института рабства Кавказа и Центральной Азии и она представлена работами Т.А. Магсумова, Т.Э. Зульфугарзаде, М.Б. Колотков, С.Б. Зинковского и др.

Литература

[Вершинина, Елизаров, 2021](#) – Вершинина М.М., Елизаров И.В. Проблема рабства на Северном Кавказе: причины и пути решения / Актуальные проблемы социального развития. Философские и социологические исследования. Материалы IV Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов и школьников. Архангельск, 2021. С. 404–412.

[Гусейнов, Доного, 2017](#) – Гусейнов Г.М., Доного Х.М. Документ центрального государственного архива республики Дагестан о рабстве в Дагестане в начале 1860-х гг. // *Вопросы истории*. 2017. № 12. С. 145–148.

[Дзуганов, 2015](#) – Дзуганов Т.А. Особенности и характер черкесской работорговли в XIII–XV вв. / *Социально-политическое и культурное пространство Центрального и Северо-западного Кавказа в 16 – начале 20-х веков: направления и динамика интеграционных процессов. Сборник научных статей*. Нальчик, 2015. С. 16–28.

[Дударев, Дударев, 2016](#) – Дударев С.Л., Дударев Д.С. К вопросу о некоторых формах личной зависимости у горцев Северного Кавказа в рамках функционирования пленновладельческого уклада в первой половине XIX в. / *Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего. Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием посвященный 65-летию профессора Янкеля Гутмановича Солодкина*. Нижневартовск: ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет». 2016. С. 157–160.

[Кенжебаева, 2019](#) – Кенжебаева С.Б. Торговля людьми в Центральной Азии породила современное рабство / *Современные проблемы государства и права. Сборник материалов II Всероссийской (национальной) научно-практической конференции с международным участием*. Новосибирск, 2019. С. 334–338.

[Клычников, 2017](#) – Клычников Ю.Ю. «Нет ни элина, ни иудея...»: религиозная идентичность в судьбе невольников на северном Кавказе на примере судьбы Давида Георгиевича Гурамишвили / *Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития этноконфессиональных отношений. Материалы III Всероссийской научной конференции. Филиал Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани*. 2017. С. 64–67.

[Магомадова, 2017](#) – Магомадова Т.С. Рабство и работорговля у чеченцев в XVII в. // *Известия Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова*. 2017. № 2 (6). С. 147–155.

[Перетягко, 2021](#) – Перетягко А.Ю. Новые тенденции в организации исторических исследований на юге России: деятельность А.А. Черкасова по изучению рабства // *Вопросы истории*. 2021. № 6–1. С. 274–288.

[Перетягко, 2023](#) – Перетягко А.Ю. Некоторые проблемы изучения кавказского рабства как целостного феномена в современной русскоязычной историографии. Часть I // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2023. Т. 68. № 2. С. 508–530.

[Прохоров, 2025](#) – Прохоров И.Р. «Казахский вопрос» в отношениях России с Центральноазиатскими государствами в первой половине XIX в. // *Известия Алтайского государственного университета*. 2025. № 3 (143). С. 59–66.

[Салихова, 2024](#) – Салихова Л.Б. К вопросу о работорговле на Восточном Кавказе // *Вестник Академии наук Чеченской Республики*. 2024. № 1 (64). С. 42–47.

- [Cherkasov et al., 2016](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Shmigel M., Molchanova V.S. Demographic characteristics of the Aristocratic Abkhazia in 1800–1860 years // *Bylye Gody*. 2016. (1). 39: 53-66.
- [Cherkasov et al., 2016a](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The Demographic Characteristics of the Tribes of the Black Sea Region in the first half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2016. (2), 40: 382-391.
- [Cherkasov et al., 2018](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Šmigel' M., Bratanovskii S.N. Evolution of the Institution of the Slave Trade in the Caucasus in the IV–XIX centuries // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 50. Is. 4: 1334-1346.
- [Cherkasov, 2020](#) – Cherkasov A.A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57-1. Is. 3-1 (Special issue).
- [Dudarev, 2021](#) – Dudarev S.L. On the Place and Status of Armenian Traders in the Cherkassky Zakubanye and Their Role in Russian-Mountain Relations in the late 18th – first half of the 19th centuries (according to Documents from the State Archives of the Krasnodar Krai) // *Slavery: Theory and Practice*. 2021. 6 (1): 14-25.
- [Dudarev, Dudarev, 2017](#) – Dudarev S.L., Dudarev D.S. Discussion of the functioning of some forms of personal dependence in the north Caucasus mountaineers in the first half of the 19th century // *Slavery: Theory and Practice*. 2017. 2(1): 18-30.
- [Dudarev, Stepanenko, 2024](#) – Dudarev D.S., Stepanenko N.S. Controversial Issues in the Study of Caucasian Slavery in the Study of A.Yu. Peretyatko (To the Issue of Interpretation of the Phenomenon) // *Bylye Gody*. 2024. 19(2): 514-523. DOI: 10.13187/bg.2024.2.514
- [Ermachkov et al., 2021](#) – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Mineeva E.K., Balanyuk L.L. The Slavery in Central Asia (the first half of the XIX century): the Nature and Manifestations // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 110-117. DOI: 10.13187/bg.2021.1.110
- [Ermachkov et al., 2023](#) – Ermachkov I.A., Mineeva E.K., Efimova O.A., Koroleva L.A. Central Asian Slave-Ownning Society (the first half of the XIX century): to the Issue of Crime and Punishment of Slaves // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 208-215. DOI: 10.13187/bg.2023.1.208
- [Golovlyov, 2022](#) – Golovlyov A.A. To The Issue of Slaves and Princes among Chechens and Ingush // *Slavery: Theory and Practice*. 2022. 7(1): 14-56.
- [Goncharenko, 2021](#) – Goncharenko A.V. Slavery in the Ottoman Empire (the first half of the XIX century): on the Status of Monastic Slaves // *Slavery: Theory and Practice*. 2021. 6(1): 35-41.
- [Honcharenko, 2022](#) – Honcharenko A.V. To the Issue of the System of Punishment of Slaves in the Caucasus in the second half of the XVIII – first half of the XIX centuries // *Slavery: Theory and Practice*. 2022. 7(1): 86-94.
- [Inozemtseva, 2017](#) – Inozemtseva E.I. To the issue of the concepts and terms of the slavery institution in the late medieval Dagestan // *Slavery: Theory and Practice*. 2017. 2(1): 31-41.
- [Inozemtseva, 2018](#) – Inozemtseva E.I. Forms of enslavement and sources of slavery in feudal Dagestan // *Slavery: Theory and Practice*. 2018. 3(1): 49-67.
- [Inozemtseva, 2019](#) – Inozemtseva E.I. Features of the Socio-Legal Status of Slaves in the Feudal Northeast Caucasus from the Perspective of Customary Law and Religious Beliefs // *Slavery: Theory and Practice*. 2019. 4(1): 4-19. DOI: 10.13187/slave.2019.1.4
- [Ivantsov et al., 2017](#) – Ivantsov V.G., Cherkasov A.A., Smigel M., Valleau A. The Policy of the Caucasian Authorities Regarding the Mountaineers of Circassia who fled to the Russian Side (1815–1861) // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45. Is. 3. Pp. 871-877.
- [Klychnikov, 2020](#) – Klychnikov Yu.Yu. North Caucasian "Hotbed" of the Slave Trade (Trade of Captives): to the Problem Statement // *Slavery: Theory and Practice*. 2020. 5(1): 4-18. DOI: 10.13187/slave.2020.1.4
- [Magsumov et al., 2022](#) – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B. Slavery in Central Asia and the Caucasus in the XIX century: Common and Particular // *Bylye Gody*. 2022. 17(3): 1260-1266. DOI: 10.13187/bg.2022.3.1260
- [Magsumov et al., 2022a](#) – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B. To the Issue of Slavery and Slave Trade Relations among the Highlanders of the Caucasus in the first half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2022. 17(4): 1704-1711.
- [Peretyatko, 2021](#) – Peretyatko A.Yu. The experience of employing the slave narrative genre in describing the history of the Caucasus // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2021. T. 66. № 1. Pp. 302-313.

[Peretyatko, 2025](#) – *Peretyatko A.Yu.* Protection of the Population of the Orenburg Borderlands of the Russian Empire Against Slave Raiding in 1801–1831. Part II // *Bylye Gody*. 2025. 20(2): 667-677. DOI: 10.13187/bg.2025.2.667

[Rajović et al., 2018](#) – *Rajović G., Ezhevski D.O., Vazzerova A.G., Trailovic M.* The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the beginning of the 19th Century: Part II // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 47. Is. 1. Pp. 153-160.

[Šmigel', 2020](#) – *Šmigel' M.* Metamorphoses of the Circassian Slave Trade (13th–19th centuries): Aspects of Women as the "Live Goods" // *Slavery: Theory and Practice*. 2020. 5(1): 19-36. DOI: 10.13187/slave.2020.1.19

[Šmigel', 2023](#) – *Šmigel' M.* On the Issue of International Aspects of the Prohibition of the Slave Trade and Slavery in the 19th century // *Slavery: Theory and Practice*. 2023. 8(1): 3-23. DOI: 10.13187/slave.2023.1.3

References

[Cherkasov et al., 2016](#) – *Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Shmigel, M., Molchanova, V.S.* (2016). Demographic characteristics of the Aristocratic Abkhazia in 1800–1860 years. *Bylye Gody*. (1). 39: 53-66.

[Cherkasov et al., 2016a](#) – *Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel, M., Molchanova, V.S.* (2016). The Demographic Characteristics of the Tribes of the Black Sea Region in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*. (2), 40: 382-391.

[Cherkasov et al., 2018](#) – *Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Šmigel', M., Bratanovskii, S.N.* (2018). Evolution of the Institution of the Slave Trade in the Caucasus in the IV–XIX centuries. *Bylye Gody*. 50(4): 1334-1346.

[Cherkasov, 2020](#) – *Cherkasov, A.A.* (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 57-1. 3-1 (Special issue).

[Dudarev, 2021](#) – *Dudarev, S.L.* (2021). On the Place and Status of Armenian Traders in the Cherkassky Zakubanye and Their Role in Russian-Mountain Relations in the late 18th – first half of the 19th centuries (according to Documents from the State Archives of the Krasnodar Krai). *Slavery: Theory and Practice*. 6(1): 14-25.

[Dudarev, Dudarev, 2016](#) – *Dudarev, S.L., Dudarev, D.S.* (2016). K voprosu o nekotorykh formakh lichnoi zavisimosti u gortsev Severnogo Kavkaza v ramkakh funktsionirovaniya plennovladel'cheskogo uklada v pervoi polovine XIX v. [On some forms of personal dependence among the highlanders of the North Caucasus within the framework of the functioning of the captive-owner system in the first half of the 19th century]. *Yugra, Sibir', Rossiya: politicheskie, ekonomicheskie, sotsiokul'turnye aspekty proshlogo i nastoyashchego. Sbornik nauchnykh statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem posvyashchennyi 65-letiyu professora Yankelya Gutmanovicha Solodkina*. Nizhnevartovsk: FGBOU VO «Nizhnevartovskii gosudarstvennyi universitet». Pp. 157-160. [in Russian]

[Dudarev, Dudarev, 2017](#) – *Dudarev, S.L., Dudarev, D.S.* (2017). Discussion of the functioning of some forms of personal dependence in the north Caucasus mountaineers in the first half of the 19th century. *Slavery: Theory and Practice*. 2(1): 18-30.

[Dudarev, Stepanenko, 2024](#) – *Dudarev, D.S., Stepanenko, N.S.* (2024). Controversial Issues in the Study of Caucasian Slavery in the Study of A.Yu. Peretyatko (To the Issue of Interpretation of the Phenomenon). *Bylye Gody*. 19(2): 514-523. DOI: 10.13187/bg.2024.2.514

[Dzukanov, 2015](#) – *Dzukanov, T.A.* (2015). Osobennosti i kharakter cherkesskoi rabotorgovli v XIII–XV vv. [Features and nature of the Circassian slave trade in the 13th–15th centuries]. *Sotsial'no-politicheskoe i kul'turnoe prostranstvo Tsentral'nogo i Severo-zapadnogo Kavkaza v 16 – nachale 20-kh vekov: napravleniya i dinamika integratsionnykh protsessov. Sbornik nauchnykh statei*. Nal'chik. Pp. 16-28. [in Russian]

[Ermachkov et al., 2021](#) – *Ermachkov, I.A., Koroleva, L.A., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L.* (2021). The Slavery in Central Asia (the first half of the XIX century): the Nature and Manifestations. *Bylye Gody*. 16(1): 110-117. DOI: 10.13187/bg.2021.1.110

[Ermachkov et al., 2023](#) – *Ermachkov, I.A., Mineeva, E.K., Efimova, O.A., Koroleva, L.A.* (2023). Central Asian Slave-Ownning Society (the first half of the XIX century): to the Issue of Crime and Punishment of Slaves. *Bylye Gody*. 18(1): 208-215. DOI: 10.13187/bg.2023.1.208

[Golovlyov, 2022](#) – Golovlyov, A.A. (2022). To The Issue of Slaves and Princes among Chechens and Ingush. *Slavery: Theory and Practice*. 7(1): 14-56.

[Goncharenko, 2021](#) – Goncharenko, A.V. (2021). Slavery in the Ottoman Empire (the first half of the XIX century): on the Status of Monastic Slaves. *Slavery: Theory and Practice*. 6(1): 35-41.

[Guseinov, Donogo, 2017](#) – Guseinov, G.M., Donogo, Kh.M. (2017). Dokument tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva respubliki Dagestan o rabstve v Dagestane v nachale 1860-kh gg. [Document from the Central State Archives of the Republic of Dagestan on Slavery in Dagestan in the Early 1860s]. *Voprosy istorii*. 12: 145-148. [in Russian]

[Honcharenko, 2022](#) – Honcharenko, A.V. (2022). To the Issue of the System of Punishment of Slaves in the Caucasus in the second half of the XVIII – first half of the XIX centuries. *Slavery: Theory and Practice*. 7(1): 86-94.

[Inozemtseva, 2017](#) – Inozemtseva, E.I. (2017). To the issue of the concepts and terms of the slavery institution in the late medieval Dagestan. *Slavery: Theory and Practice*. 2(1): 31-41.

[Inozemtseva, 2018](#) – Inozemtseva, E.I. (2018). Forms of enslavement and sources of slavery in feudal Dagestan. *Slavery: Theory and Practice*. 3(1): 49-67.

[Inozemtseva, 2019](#) – Inozemtseva, E.I. (2019). Features of the Socio-Legal Status of Slaves in the Feudal Northeast Caucasus from the Perspective of Customary Law and Religious Beliefs. *Slavery: Theory and Practice*. 4(1): 4-19. DOI: 10.13187/slave.2019.1.4

[Ivantsov et al., 2017](#) – Ivantsov, V.G., Cherkasov, A.A., Smigel, M., Valleau, A. (2017). The Policy of the Caucasian Authorities Regarding the Mountaineers of Circassia who fled to the Russian Side (1815–1861). *Bylye Gody*. 45(3): 871-877.

[Kenzhebaeva, 2019](#) – Kenzhebaeva, S.B. (2019). Torgovlya lyud'mi v Tsentral'noi Azii porodila sovremennoe rabstvo [Human trafficking in Central Asia has given rise to modern slavery]. *Sovremennye problemy gosudarstva i prava. Sbornik materialov II Vserossiiskoi (natsional'noi) nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Novosibirsk. Pp. 334-338. [in Russian]

[Klychnikov, 2017](#) – Klychnikov, Yu.Yu. (2017). «Net ni ellina, ni iudeya...»: religioznaya identichnost' v sud'be nevol'nikov na severnom Kavkaze na primere sud'by Davida Georgievicha Guramishvili [“There is neither Greek nor Jew...”: religious identity in the fate of slaves in the North Caucasus using the example of David Georgievich Guramishvili]. *Severnyi Kavkaz: problemy i perspektivy razvitiya etnokonfessional'nykh otnoshenii. Materialy III Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Filial Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta v g. Slavyanske-na-Kubani*. Pp. 64-67. [in Russian]

[Klychnikov, 2020](#) – Klychnikov, Yu.Yu. (2020). North Caucasian "Hotbed" of the Slave Trade (Trade of Captives): to the Problem Statement. *Slavery: Theory and Practice*. 5(1): 4-18. DOI: 10.13187/slave.2020.1.4

[Magomadova, 2017](#) – Magomadova, T.S. (2017). Rabstvo i rabotorgovlya u chechentsev v XVII v. [Slavery and the slave trade among the Chechens in the 17th Century]. *Izvestiya Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.A. Kadyrova*. 2(6): 147-155. [in Russian]

[Magsumov et al., 2022](#) – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B. (2022). Slavery in Central Asia and the Caucasus in the XIX century: Common and Particular. *Bylye Gody*. 17(3): 1260-1266. DOI: 10.13187/bg.2022.3.1260

[Magsumov et al., 2022a](#) – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B. (2022). To the Issue of Slavery and Slave Trade Relations among the Highlanders of the Caucasus in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*. 17(4): 1704-1711.

[Peretyat'ko, 2021](#) – Peretyat'ko, A.Yu. (2021). Novye tendentsii v organizatsii istoricheskikh issledovaniy na yuge Rossii: deyatelnost' A.A. Cherkasova po izucheniyu rabstva [New trends in the organization of historical research in the south of Russia: A.A. Cherkasov's work on slavery]. *Voprosy istorii*. 6-1: 274-288. [in Russian]

[Peretyatko, 2021](#) – Peretyatko, A.Yu. (2021). The experience of employing the slave narrative genre in describing the history of the Caucasus. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 66(1): 302-313.

[Peretyat'ko, 2023](#) – Peretyat'ko, A.Yu. (2023). Nekotorye problemy izucheniya kavkazskogo rabstva kak tselostnogo fenomena v sovremennoi russkoyazychnoi istoriografii. Chast' I [Some Problems of Studying Caucasian Slavery as a Holistic Phenomenon in Modern Russian-Language

Historiography. Part I]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija*. 68(2): 508-530. [in Russian]

[Peretyatko, 2025](#) – *Peretyatko, A.Yu.* (2025). Protection of the Population of the Orenburg Borderlands of the Russian Empire Against Slave Raiding in 1801–1831. Part II. *Bylye Gody*. 20(2): 667-677. DOI: 10.13187/bg.2025.2.667

[Prokhorov, 2025](#) – *Prokhorov, I.R.* (2025). «Kazakhskii vopros» v otnosheniyakh Rossii s Tsentral'noaziatskimi gosudarstvami v pervoi polovine XIX v. [“The Kazakh question” in Russia's Relations with the Central Asian States in the First Half of the 19th Century]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3(143): 59-66. [in Russian]

[Rajović et al., 2018](#) – *Rajović, G., Ezhevski, D.O., Vazeroval, A.G., Trailovic, M.* (2018). The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the beginning of the 19th Century: Part II. *Bylye Gody*. 47(1): 153-160.

[Salikhova, 2024](#) – *Salikhova, L.B.* (2024). K voprosu o rabotorgovle na Vostochnom Kavkaze [On the Issue of the Slave Trade in the Eastern Caucasus]. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoi Respubliki*. 1(64): 42-47. [in Russian]

[Šmigel', 2020](#) – *Šmigel', M.* (2020). Metamorphoses of the Circassian Slave Trade (13th–19th centuries): Aspects of Women as the "Live Goods". *Slavery: Theory and Practice*. 5(1): 19-36. DOI: 10.13187/slave.2020.1.19

[Šmigel', 2023](#) – *Šmigel', M.* (2023). On the Issue of International Aspects of the Prohibition of the Slave Trade and Slavery in the 19th century. *Slavery: Theory and Practice*. 8(1): 3-23. DOI: 10.13187/slave.2023.1.3

[Vershina, Elizarov, 2021](#) – *Vershina, M.M., Elizarov, I.V.* (2021). Problema rabstva na Severnom Kavkaze: prichiny i puti resheniya [The problem of slavery in the North Caucasus: causes and solutions]. *Aktual'nye problemy sotsial'nogo razvitiya. Filosofskie i sotsiologicheskie issledovaniya. Materialy IV Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoi konferentsii studentov i shkol'nikov*. Arkhangel'sk. Pp. 404-412. [in Russian]

Рабство на Кавказе и в Центральной Азии в XVIII–XIX веках: обзор современной историографии

Анвар Мирзахматович Мамадалиев [a](#), [b](#), *

^a Черкас глобальный университет, Хьюстон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Данное историографическое исследование посвящено анализу современных исследований рабства XVII–XIX веков на территориях Центральной Азии и Кавказа. Материалом для работы послужили исследования об институте рабства в указанных территориальных и хронологических границах. Методический комплекс составляют историографический метод, метод классификации и др.

В ходе проделанной работы были сделаны выводы о том, что фундаментальных исследований института рабовладения и работорговли на Кавказе и в Центральной Азии XVIII–XIX веков в период с 2015 по 2025 годы не проводилось; в открытом доступе имеются лишь статьи в периодических научных изданиях, сборниках научных конференций и пр.

Новейшую историографию рабства на указанных территориях удобно разделить на три раздела: а) изучение рабства на Кавказе; б) исследование невольничества в Центральной Азии; и в) сравнительные исследования института рабовладения и работорговли на Кавказе и в Центральной Азии.

К первой категории работ отнесем исследования А.А. Черкасова, А.Ю. Перетятко, Е.И. Иноземцевой, М. Шмигеля, С.Н. Братановского, С.Л. Дударева, Д.С. Дударева, В.С. Молчановой, В.Г. Иванцова, Н.С. Степаненко, Г. Райовича, Д. Ежовски, А. Вазеровой, М. Трайлович, А.А. Головлёвой, А.В. Гончаренко, Ю.Ю. Клычникова, Т.А. Магсумова,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: anvarm@mail.ru (А.М. Мамадалиев)

Т.Э. Зульфугарзаде, М.Б. Колоткова, С.Б. Зинковского, М.М. Вершининой, И.В. Елизарова, Г.М. Гусейнова, Х.М. Доного, Т.С. Магомадовой, Л.Б. Салиховой и др. Авторы делают глубокий анализ сущности рабовладения и работорговли на Кавказе в период XVIII–XIX веков, а также выделяют его особенности и отличительные черты от невольничества на сопредельных территориях.

Исследования института невольничества Центральной Азии в период XVIII–XIX веков представлены трудами И.А. Ермачкова, Л.А. Королевой, Е.К. Минеевой, Л.Л. Баланюк, О.А. Ефимовой, А.Ю. Перетягко, С.Б. Кенжебаевой, И.Р. Прохорова и др. Данная категория трудов является менее обширной; она исследует различные сферы рабовладения и работорговли, а также набегов со стороны казахских племен на юго-восточные границы Российской империи с целью захвата невольников.

Самой малочисленной является третья категорию трудов, которую представляют сравнительные исследования института рабства Кавказа и Центральной Азии и она представлена работами Т.А. Магсумова, Т.Э. Зульфугарзаде, М.Б. Колотков, С.Б. Зинковского и др.

Ключевые слова: рабство, рабовладение, работорговля, историография рабства, Центральная Азия, Кавказ, рабство в XVII–XIX веках.